

Покидая Шайенн

Ларри Мак-Мертри

Роман 1963 года о Техасе и техасцах
лауреата «Оскара» и Пулитцеровской премии

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Ларри Мак-Мертри

Покидая Шайенн

Роман о любви и утратах на обширных равнинах Техаса от лауреата Пулитцеровской премии и премии «Оскар».

Судьба тесно переплела жизненные пути трех обитателей Западного Техаса: серьезного хозяина ранчо Гидеона Фрая, свободного духом ковбоя Джонни Мак-Клауда и любимой ими обоими Молли Тейлор. История их любви разворачивается на фоне сельской Америки с 1920-х до середины 1960-х годов.

Содержание

#1.....	0005
#2.....	0006
I СТРАНА ЕГО КРОВИ.....	0007
#1.....	0007
1.....	0007
2.....	0014
3.....	0017
4.....	0022
5.....	0024
6.....	0029
7.....	0032
8.....	0039
9.....	0041
10.....	0043
11.....	0047
12.....	0051
13.....	0053
14.....	0056
15.....	0059
16.....	0060
17.....	0062
18.....	0063
19.....	0064
20.....	0069
21.....	0072
II И ВРЕМЯ УНЕСЕТ МОЮ ОТРАДУ.....	0076
#1.....	0076
1.....	0076
2.....	0081
3.....	0085
4.....	0092
5.....	0096
6.....	0100
7.....	0103
8.....	0105
III ОТПУСТИ МОИХ КОНЕЙ НА ВОЛЮ.....	0108
#1.....	0108
1.....	0108
2.....	0113
3.....	0124
4.....	0131
5.....	0133
6.....	0135
7.....	0137
8.....	0141
9.....	0143

Ларри Мак-Мертри[1] ПОКИДАЯ ШАЙЕНН

Роман
Журнальный вариант

*Джо,
за ее доблесть и преданность с любовью*

*Нога ловит стремя,
Копытом бьет конь;
Прощай, моя прелесть,
Прощай, мой Шайенн.*

Шайенн в этой книге — самая ранняя и самая лучшая пора ежедневной круговерти ковбоя: страна его крови и пастбище его души.
Л. М.

I СТРАНА ЕГО КРОВИ

*Раскинулся на плоскогорье,
в зените дневной круговерти,
кусочек моей кровной земли... о, хрупкий и чистый
голодный мой мир...*

*Закутанный в звездное небо
высокий пленительный край легенд
круговертью тревожит мой сон.*

Джудит Райт из «Зенита моих дней»

1

Моя нога задергалась, я начал просыпаться. Когда открыл глаза, отец стоял рядом с кроватью и тормозил мою ступню, будто она — столб забора, а он проверяет, крепко ли столб сидит в земле. Он всю жизнь будил меня только так, а мне это было горше редьки. Я даже предложил ему другое средство побудки — стакан с водой, чтобы он мог поливать меня по утрам. Несколько раз я запасал воду с вечера, но он ее все равно не трогал, а исправно тряс мою ступню. Иногда, правда, если ему хотелось пить, он прежде опустошал стакан.

— Поднимайся, — сказал он. — Раз ты так сильно вырос, что имеешь право голосовать, нечего дрыхнуть, когда солнце уже встало. Дом сегодня на тебе. А я — на пастбище, погляжу, что и как. Вдруг та костлявая пеструха отелилась.

На этот раз вставал я почти охотно. Был день выборов, и мой ушлый приятель Джонни исхитрился, чтобы ему и Молли выпало дежурить у избирательной урны в первую смену. Дежурить полагалось по двое. Было ясно, что до обеда никто голосовать не явится, и он сможет вдоволь покрутиться возле Молли за государственный счет. А я собирался не допустить этого. Я против того, чтобы надували государство.

С хозяйством я справился слишком рано. В половине седьмого уже было нечего делать, но раньше восьми к школе ехать не стоило. Дороги верхом туда минут десять, школа стоит сразу за Бугром Идиота. А вот чего я не умею, так это ждать. Поэтому совершил ошибку: взял тряпку и стал наводить лоск на седло. Полировать такое седло — одно удовольствие, но ошибка обнаружилась тогда, когда вошел отец и меня застукал.

— Чего дергаешься? — сказал он. — И прятать его нет нужды. Я ведь его уже видел. Хорошее седло. Почему ты им не пользуешься?

Седло было спрятано под брезентом, в темном углу пустого закрома для овса, но от папы, видно, ничего не скроешь.

— Потому что оно не мое.

— Какого черта, — он чуть удивился. — Ты что, его украл?

— Не огорчай меня до усрачки, — сказал я. — В жизни еще не украл ни гроша, ты это знаешь.

— Немало парней начинали позже твоего. Так чье же оно?

— Ты что, не видел именную пластинку? — спросил я. — Она, между прочим, из чистого серебра, мог бы и заметить. Это седло для Джонни, я его заказал, просто не было случая отдать.

Папу я, наконец-то, сразил. Я знал, что так и случится, и врать не было никакого смысла.

— Отдать ему? — переспросил он. — Подарить седло за сто пятьдесят долларов ковбою, которому тридцатка в месяц красная цена? Даже дурак скажет, что это дурасть. А тем более я.

— Ничего не попишешь, папа. Джонни сделал мне... оказал такую услугу. Рассказывать не могу, права не имею. Никто никогда мне ничего такого не делал, и, может, я проживу дольше твоего, и никто мне ничего такого не сделает. У Джонни никогда не было приличного снаряжения. А я был при деньгах, вот и решил подыскать ему что-нибудь полезное. Ничего плохого в этом нет.

У отца были настоящие черные глаза, и если он хотел выглядеть суровым, то на полпути не останавливался. Он выглядел суровым взаправду.

— Отдавать такое седло Мак-Клауду — все равно что застегивать алмазной брошкой козлиную задницу, — сказал он. — Невзирая ни на какие услуги. Кроме того, все свои деньги ты получил от меня.

— Джонни не убогий какой-то, — сказал я. — Если он беден, то это не значит, что он не человек. А за те деньги, что потратил на седло, я достаточно поищачил. Но раз тебе кажется, что ты мне переплатил, найми себе другого батрака.

— Заткнись, — сказал он. — Я не собираюсь тебя пороть, для этого ты слишком большой. Пошли на двор. Отполируешь седло в другой раз.

Мы остановились у корыта с водой и смотрели, как пасется скот на Луговом пастбище на нашем берегу Реки. Я оттер руки от ваксы.

— Разве это не хорошее ранчо? — произнес отец. — Я потратил на него уйму труда и много лет, и Бог видит, что все вернулось ко мне радостью и деньгами.

— Давай пой быстрее, — сказал я. — У меня срочные дела.

— Знаю, — ответил он. — Тебе надо скакать к школе дежурить, следить, чтобы твой милый друг Джонни не забрался в штаны мисс Молли. Ты надеешься, что, если удастся его удержать, как-нибудь ты сам туда заберешься. Ничего, можешь немного посидеть здесь и послушать. Вдруг чему-нибудь да научишься.

— Мне не нравится, как ты говоришь о моих друзьях, — сказал я.

— Плохо дело, — сказал он. — Когда-нибудь я оставлю ранчо на тебя, и хотелось бы, чтобы ты начал относиться к нему серьезно. Насчет седла я не сержусь. Но ты взял и усвистал куда-то в самую пору отела. Меня не предупредил, да еще увез с собой этого парнишку, Мак-Юшуда. А потом ни звука — где ты был и зачем. Это не больно-то разумно, и я вовсе не радуюсь, оставляя ранчо несмышленищу, кем бы он мне ни приходился.

— Ну, мне жаль, что так получилось, и ты это знаешь, — сказал я. — Но рассказать ничего не могу. Просто нужно было уехать.

Папа глядел вдаль, на пастбище, опершись на забор. Он стал крепко сдавать.

— Ни разу в жизни мне не оказывали услуги, которая стоила бы двести долларов, — сказал он. — Похоже, когда я помру, ты лет за десять спустишь все,

что я создавал пятьдесят. Старость — дерьмо.

— Перестань, — сказал я. — Я за десять лет увеличу это ранчо вдвое, клянусь.

— Да, а я клянусь, что сию секунду взмахну руками, взлечу и буду себе порхать, как гарыч, — ответил он. — Седло и вправду хорошее. Но вот что я тебе скажу — мне не больно-то нравится Джонни Мак-Клауд.

— Насколько мне известно, он от тебя тоже не в восторге, — сказал я. Я спрятал седло обратно под брезент, а отец пошел в дом завтракать.

Как всегда, мои расчеты лопнули. Утром отец обнаружил в стаде больную телку, но лечить ее самому ему было не с руки, и мне пришлось сесть на лошадь, ловить телку и мазать ее болячки мазью. Только после этого я отправился на избирательный участок. Я мог там оказаться только около девяти, а Джонни околачивался возле Молли с восьми. Меня аж тошнило, так мне это не нравилось.

Они сидели на ступеньках школы, когда я прискакал, оба улыбались, и она позволила, чтобы Джонни держал ее за руку. Как хороша была Молли, бог мой! На ней было бело-голубое платье в горошек, а длинные черные волосы развевались на ветру. Вокруг никого не было. Джонни казался возбужденным и развязным, и было совершенно непонятно, как далеко он сумел зайти. Молли прямо таяла перед Джонни.

— Смотрите, кто приехал, — сказал он. — Что случилось, ты не опоздал? А где же твой приятель Айки?

— Я работал, — ответил я. — Привет, Молли.

Так я и знал, что он проедется насчет Айки, но рассуждать с ним на эту тему вовсе не собирался. Айки — нигер, но не простой, а с правом голоса. Мы должны были дежурить с ним вместе. Молли обещала остаться со мной после своей смены, так что моя задача состояла в том, чтобы придумать, как вовремя отделаться от Айки. Джонни, гад, конечно, догадывался обо всем. Но это его не касалось.

— Слезай, — сказала Молли. Она, как обычно, мило мне улыбалась, но Джонни продолжал держать ее за руку, а она не пыталась освободиться.

Я не знал, что сказать, поэтому просто привязал лошадь к кусту мескита и вошел внутрь школы. Я хотел проголосовать, но, оказалось, эти дежурные были так заняты амурами, что даже не распаковали бюллетени. Пришлось это сделать мне. Опустить свой бюллетень я, конечно, забыл. Кажется, на этих выборах я не голосовал вообще. Наконец-то Молли высвободила руку, и мы втроем пошли к цистерне попить воды.

— Чем это от тебя несет, Гид? — сказал Джонни. — Похоже на мазь от слепней. Ты бы сполоснулся, прежде чем работать на правительство.

— А ты прямо цветок прерий, — сказал я. — Давно скунсов не ловил?

Когда Джонни был мальчишкой, Мак-Клауды продавали шкурки скунсов, чтобы свести концы с концами. Этим занимались многие, но Джонни ненавидел запах скунсов. Со временем дела у его предков поправились, но жили они по-прежнему в двухкомнатной лачуге.

— Давно, — буркнул он, слегка подвинув.

Обычно, когда мы переругивались с Джонни, Молли оставалась в стороне. Она улыбалась своей прелестной дружеской улыбкой и крутила вокруг паль-

ца прядь волос. Настоящая картинка.

Айки ездил без седла на старом искалеченном караковом муле. Стоило ему появиться вдали, как Джонни начал лыбиться. Он всегда подшучивал над ним, и почти всегда получалось смешно.

— Вот и он, — сказал он. — Верхом на треноге. Мул о четырех ногах, и тот спотыкается. Нужно отпилить ему четвертую ногу. Она не будет волочиться и тормозить.

— Заткнись, — сказала Молли. — Если тебе ногу отпилить — понравится?

— А ты попробуй, — сказал Джонни. — Может, и понравится.

— Нельзя такое говорить. Гид, скажи, чтоб он заткнулся, — она немного придвинулась ко мне, самую малость.

— Пора отпилить ему дурную башку, — сказал я.

Тут подъехал Айки и сгрузился со своего колченогого мула.

— С добрым утром, миса Молли, — сказал он. — Доброе утро, миста Джонни, доброе утро, миста Гид.

Айки, вообще-то, меня беспокоил. Он так гордился, что ему, будто белому, доверили дежурить возле урны с бюллетенями, что вряд ли он поторопится убраться. Но я надеялся, что сумею его уговорить.

— Доброе утро, Айки, — сказал Джонни. — Почему бы тебе не пристрелить этого несчастного мула и не избавить его от страданий?

Мне пришлось улыбнуться. Айки же удивился так, как будто его попросили пристрелить собственную жену. Он был уверен, что его мул — лучший мул в Соединенных Штатах.

— Стрелять этот мул? — Он отнесся к предложению по-деловому. — А на чем приехать?

— Айки, не обращай на него внимания, — сказала Молли. — Он чокнутый. Пойди, проголосуй, Айки.

Мне это было на руку, поэтому я тут же выдал ему бюллетень. Я думал, что, если обставить его голосование поторжественнее, он будет доволен и отбудет домой.

— Это очень серьезное голосование, Айки, — сказал я. — Каждый голос важен. Хорошо подумай, Айки, не торопись.

— Ну, не нервируй его, — сказал Джонни. — А то он уколется карандашом. Не волнуйся, Айки. Победит тот, у кого мошна толще. Только так всегда и бывает.

Айки не обращал внимания на нашу болтовню. Такое у него было устройство: одновременно он мог заниматься только одним делом. Сейчас он занимался голосованием. Вытащил предмет своей гордости — очки и потер их о брюки. Потом пристроил на носу, но так, чтобы смотреть поверх них. Голову даю на отсечение, что если бы он глянул сквозь стекла, то не увидел бы ничего. Наверное, ему смотреть в очки — все равно что в чугунные крышки конфорок на кухонной плите. Водрузив очки так, чтобы они не мешали зрению, Айки принялся изучать бюллетень. Это длилось очень долго, и мы с Джонни пошли на двор отлить, оставив Молли помогать Айки.

— Ну, ты, хитрожопый, — сказал я, когда мы вышли — давно уже здесь ошиваешься?

— Что ты, что ты, мне так стыдно, — сказал он. — Кстати, тебе не кажется, что у меня потрясающая девушка?

— Молли, вправду, замечательная девушка, — ответил я, — но тебе к ней не подобраться, даже на расстояние выстрела. Займись Мейбл Петерс.

— Брось, Мейбл сохнет по тебе, — сказал он. — Куда ты льешь? Угодил на мои габардиновые штаны. После этого ты просто дерьмо. Я серьезно.

На самом деле, я только слегка обрызгал его сапоги.

— Тебе ведь уже домой пора, правда?

— Да, конечно, — сказал он. — Пойду, позову Молли.

И он пошел, только с Молли ему не обломилось. Она вышла из дверей вместе, и она даже снова позволила взять себя за руку, но, похоже, сказала ему, что обещала побыть тут со мной, так что Джонни выглядел не слишком весело. А я пошел помогать Айки.

Он все сидел и слюнил карандаш, и прошло еще не меньше пяти минут, пока он, наконец, не проголосовал.

— Бог мой, — сказал я. — Совсем забыл. Сегодня мне нужно было вырубить репейник. Там, у Реки. Отец уже две недели меня пилит.

— Так иди и руби, — сказал Джонни. — Я могу остаться и подежурить вместо тебя. Вали, не стесняйся.

— Да нет, — сказал я. — Не могу. Теперь ведь я отвечаю тут за все.

— Не стоит так волноваться, — сказала Молли. Милая девчонка, она так и не поняла, что меня волнует. А Джонни понял.

— Нет, Гид правильно дергается, — сказал он. — Не хотелось бы мне оказаться на его месте, когда мистер Фрай рассердится. Лучше уж плюнуть на государство и пойти поработать.

— Ну, раз ты так обо мне печешься, — сказал я, — может, съездишь туда и все вырубешь? Там работы часа на четыре, не больше.

Похоже, ему это не понравилось.

— Нет, мне что-то неохота, — сказал он. — Я ковбой, а не какой-то там рубщик репейника.

— Слушай, Айки, ты не сильно занят сегодня? — спросил я. — Может, я найму тебя? Я плачу два доллара, и можешь не дежурить возле урны. Мисс Молли здесь еще немного побудет, она тебя с радостью заменит.

Айки не спорил. А я этого и ждал, ведь обычно ему платят не больше четвертака в день.

— Я буду рад их вырубить, — сказал он. — Я буду очень рад.

Я вручил ему два доллара. Такая куча денег его потрясла, и он с трудом смог упрятать ее в бумажник. Потом он медленно-медленно сложил свой бюллетень. Наверное, ему было жалко с ним расставаться. Вот уж что он действительно любил, так это — голосовать. Айки бросил бюллетень в урну, встал и снял очки.

— Ну, я поехал рубить, миста Гид, — сказал он. — Миса Молли, мне очень понравилось голосование. Надеюсь, что скоро будет еще одно.

Молли засмеялась.

— Обязательно, — сказала она. — В ноябре. Будь осторожен, Айки, не отруби себе ногу и не наступи на змею.

Айки взгромоздился на мула и поехал. Джонни усмехнулся и подмигнул Молли. Его так просто не проведешь.

— Вот если бы я мог нанимать кого-нибудь на грязную работу, — сказал он. — Но не судьба. Всегда приходится уродоваться самому.

— Ни разу не заметил, чтобы ты перетрудился, — сказал я. — А вообще-то, дело в том, что мне жаль Айки. Пора ему купить себе нового мула.

— Если ты не сказочник, то я папа римский, — сказал он. — Айки все пропьет, и ты это знаешь не хуже меня. И добрую половину его виски ты вылакаешь сам. И не пудри мне мозги.

— Эй, Гид, я слышала, ты перестал пить, — сказала Молли. — Что, снова начал?

— Да нет, не начал, — сказал я. — Этот парень просто грязный клеветник.

— Ну, мне пора, — сказал Джонни. Все, на что хватило его вредности, уже было сделано. — Не берите взяток меньше пяти долларов.

Джонни вспрыгнул в седло и ускакал, а мы остались. Было только около десяти утра, и я не думал, что до обеда кто-нибудь притащится голосовать. Голосование такая штука, которую люди всегда откладывают на потом.

Мы с Молли смотрели друг на друга. Она улыбалась.

— Что ж, мистер Фрай, — сказала она, — ты очень шустро всех разогнал. Какой-то ты недружелюбный.

— С толпой дружить трудно, — сказал я. — Особенно, если толпа состоит из Джонни.

Я потянулся к ее руке, но промахнулся. Она рассмеялась и вышла за дверь, ее волосы развевались на ветру.

— Ты хваткий, — сказала она. — Хваткий мистер Фрай.

— Не называй меня так, — сказал я. — И не строй недотрогу. Пошли к цистерне.

— О'кей, пошли, — сказала она, — пошли. Только ты какой-то недружелюбный. Может, я лучше домой поеду?

Наконец я добрался до ее руки, сжал ее, и она ответила мне пожатием.

— Я, вообще-то, когда с тобой, очень дружелюбный, — сказал я.

Большую подстилку от седла я раскинул возле цистерны, чтобы до нас не добрались травяные жуки. Мы уселись в тени, прислонившись к камням. Цистерна стояла на холме, и мы могли издали увидеть любого, кто ехал к школе. Молли прислонилась ко мне и позволила себя обнять, и мы болтали о том и о сем. Я больше слушал, чем говорил. Вскоре рука моя затекла, но я не смел пошевелиться. Волосы ее упали мне на лицо. Наверное, она с утра вымыла голову, потому что пахло от нее чистотой и уксусом, которым она полоскала волосы.

— Подходящий день для выборов, — сказала она. — Смотри, как трава волнуется. Отсюда видать чуть ли не все графство.

Я хотел, чтобы она повернулась ко мне лицом, но она не поворачивалась.

— Гид-инг-тон, — сказала она, — что ты там делаешь у меня за спиной? Я тебя не вижу.

Иногда она так меня называла, ей казалось, что Гид — слишком коротко. Ну, а я не возражал.

— Разве ты не хочешь, чтобы я к тебе повернулась и ты смог бы меня поцеловать? — спросила она. — Не хочешь?

— Я-то не против, — ответил я. — Да ты ведь все равно не повернешься.

— Ты думаешь, я разрешу парню целовать меня в день выборов? — сказала она и повернулась. То есть разрешила. Ее волосы путались между нашими губами. Мне они не мешали. Но она вдруг засмеялась и завертелась.

— Что за удовольствие целовать волосы? — сказала она. — Дай, я их соберу.

Она выпрямилась, повернулась ко мне спиной, и единственное, что я видел, так это ее черные волосы и платье в горошек. Потом она откинулась на подстилке, опершись на локти.

— Хватит, — сказала она. — Давай просто поговорим. Что, если Джонни вернется?

— Ну и пусть. Его не касаются наши дела.

— А он считает, что касаются.

Я выцыганил еще один поцелуй. Но она хихикала, будто не принимая меня всерьез.

— Джонни считает, что его все касается, — говорила она. — Он всегда спрашивает о нас с тобой.

— Пора ему прекратить, — сказал я. — Не собираюсь больше терпеть. Ты ведь теперь моя девушка, правда?

— Разве? — сказала она, разглядывая меня. И с полуухмылкой и одновременно полусерьезно: — Мне кажется, я слишком глупа для тебя.

— Неправда. Я глупее тебя.

— Нет, — сказала она совершенно серьезно. — Ты не такой глупый, как Джонни, а Джонни не такой глупый, как я. Один Эдди мне ровня.

— Если ты хочешь сказать, что он главный тупица, так ты права, — сказал я. Ух, как я ненавижу этого бедолагу Эдди. — Но я-то ведь кое-что соображаю. Соображаю достаточно, чтобы понимать, что ты самая замечательная девушка на свете.

Я снова напал на нее с поцелуями, и теперь она перестала болтать, расслабилась и стала просто конфеткой. Если ее удастся взнудать, то она становится самой теплой, самой сладкой девушкой во вселенной.

— Мне все же кажется, что ты — моя девушка, — сказал я.

— Может быть, — сказала она. — Давай помолчим.

Она прижалась ко мне крепко-крепко, но тут где-то затопали копыта. Это был мул Айки. Его я узнавал с расстояния в четверть мили.

— Черт возьми, — сказал я. — Айки возвращается. Этому Джонни пора шею свернуть. Это его проделки.

— Давай не будем вставать, — сказала она. — Айки нас увидит и повернет назад. Или давай спрячемся.

— Нет, — сказал я. — Я не хочу, чтоб Айки нас видел, а прятаться глупо. Это не по мне.

Она встала и свернула подстилку.

— Отряхни с меня траву, — сказала она. — Я сползла с подстилки.

Она повернулась спиной, и я ее отряхнул. Она не рассердилась, обняла меня и позволила держать за руку даже при Айки. Но смотрела все время вдаль, по направлению Бутра Идиота.

— Откуда такое платье, Молли? — спросил я. — Оно удивительно красивое.

— Сама сшила. Спасибо на добром слове, — она смахнула травинку с моей щеки. — Ты ведь не самый глупый паренек, правда?

2

Джонни так никогда и не признался, что это он прислал Айки обратно, такой уж он упрямец. Хотя я точно знал — это его затея. В конце концов мне удалось снова отделаться от Айки, но не успел он скрыться с глаз долой, как появился отец — вот уж кого я не ждал в этот час.

Он будто бы приехал голосовать, но на самом деле инспектировал, чем я тут занимаюсь. Он знал, что Молли здесь, и решил пошпионить за нами. Для меня горше редьки, когда он что-то такое делает. А Молли — все нипочем. Вообще-то она всегда принимала его сторону и потому ему нравилась. Он обращался с ней как с царицей мира. Но стоило мне заговорить о женитьбе, он тут же начинал злиться.

— Не будь дураком, не женись молодым, — говорил он. — Особенно на бедной. Потрудись лет тридцать, сделай состояние. Тогда езжай куда-нибудь и женись на богатой вдове. Не вздумай жениться на нищей дурочке, вроде тебя самого. Женись на такой, которая хоть что-нибудь да соображает. Тогда, может быть, ты насладишься жизнью.

Вот такой папа. Я не очень-то обращал внимание на его проповеди. Ему все было как-то невдомек, что я — не он.

А что до Джонни Мак-Клауда, так его ждали две вещи: доброе седло и добрая взбучка.

В то время он работал на старика Эштоу, и когда прошли выборы, примерно через неделю, старик отправил его с гуртом скота в Хенриетту. Джонни пригнал гурт, все чин по чину, но потом где-то надрался, сцепился с помощником шерифа и угодил в каталажку. Как только он вернулся домой, старик Эштоу его рассчитал, и Джонни оказался не у дел. Пришлось ему наняться в бригаду сборщиков урожая.

В свой первый рабочий день он вместе с бригадой оказался у нас. Они убрали наш овес, и папа, конечно, послал меня в помощь.

— Ну и пекло, — сказал Джонни, когда мы, пообедав, снова поехали за овсом. — Не для того ковбой создан, чтобы заниматься такой ерундой. Западло, скажешь нет?

— У меня нет выбора, — сказал я. — А для тебя, в самом деле, западло. Вел бы себя как человек, так гонял бы сейчас верхом.

— Проповедь я тебе не заказывал, — усмехнулся Джонни. — У тебя в башке столько же соломы, что и у меня. Где будешь — внизу или на телеге?

— На телеге, — сказал я. — Ты так ловко машешь вилами, что будет жалко, если потеряешь сноровку.

Около часу мы работали. Он вилами подкидывал мне целые копны, а я укладывал их на телеге. Получилась настоящая гора.

— Давай еще штук восемь-десять, — сказал я. — Кидай побыстрее, а потом передохнем.

Он воткнул вилы в большую копну, и я заметил, что он притормозил и стал к чему-то присматриваться. Наверное, гремучая змея, подумал я, — в этот день мы убили их уже штук пять-шесть. Под копнами овса водится множество крыс, поэтому и змеи туда любят залезать.

Было страшно жарко, и я снял перчатки, чтобы вытереть пот. Джонни поднимал копну. Я протянул руки, чтобы ее принять, и тут вдруг громадная змеи-

ная голова, шипя, наехала на меня и скользнула по моим ладоням. От страха я чуть не обоссался, прыгнул назад, но копыта все приближались, и змея уже целила точно мне в лицо. Я дернулся, как умалишенный, замахал руками, отбиваясь, полетел вверх тормашками и шмякнулся оземь с такой силой, как будто сверзился с облака. Куда делась змея, бог ведает. Лежал я без единого движения, пока до меня, наконец, не стали долетать гогочущие голоса, и один из них принадлежал Джонни. Я приподнялся и увидел, как он и трое или четверо работников надрываются от хохота. Змея болталась на колесе телеги: это был всего-навсего старый коричневый уж. Уж был в бешенстве, но не более моего. Перед глазами плыли какие-то пятна, и мне пришлось опять лечь.

— Надо ему помочь, — сказал кто-то из них. — Вдруг он что-нибудь там себе поломал.

— Небось встанет, — сказал Джонни. — Давайте работайте, пока вам самим ничего не поломали.

Я уставился на него, приподнявшись на локтях.

— Ты, козел, — сказал я, — что, если бы это вправду была бы гремучая змея?

— Сильнее ты бы не усрался, — ответил он. — Вообще-то я видел, кто там.

— Зрячий? Ну что ж, гляди вокруг себя получше, запоминай, — сказал я, поднимаясь на карачки. — Я тебя так отделаю, потом не скоро что-нибудь увидишь.

— Да брось ты, — сказал он. — Это тебе наука, чтоб с моей девушкой не путался.

Кровь моя надула те самые жилы, из которых она схлынула при виде ужа. Джонни стоял в десяти шагах, прислонясь к телеге, и ухмылялся.

— Никакая она не твоя девушка, — сказал я.

И наехал. Мы сцепились, и сперва я чуть не вышиб из него дух, но потом мои кулаки стали месить воздух. Похоже, что при падении я утратил меткость. Скоро мы оба выдохлись, но упорно дубасили друг друга, пока вдруг разом не остановились.

— Когда тебе хватит, скажи «лассо», — сказал я. — Не хочу, чтобы ты лежал в больнице.

— Лассо, жопа, — сказал он. — Ты подохнешь от потери крови, если мы не прекратим.

— Ни хрена, — сказал я. — Летом у меня всегда нос кровоточит.

— Все равно, давай кончать, — сказал он. — Выпей водички. Ты сдался.

— Нет.

— Тогда будем биться до упаду, — сказал он. — В жизни такого барана не видел.

Может быть, мы сражались бы до ночи, но тут подошел старший работник.

— Лихие парни, — сказал он. — Другой раз воюйте вилами, меньше крови будет.

— Начал этот, — сказал я.

— Догружайте телегу, — сказал он. — Если приспичит, еще раз подеретесь вечером.

Я утер кровь, Джонни вооружился вилами, и мы закончили погрузку. Он больше не швырялся ужами. Потом мы поехали на гумно. Джонни сидел рядом со мной.

— В задницу, — сказал он. — В задницу так уродоваться. Я не деревенщина,

чтобы мной командовали толстозадые.

— А деньги где возьмешь? — спросил я.

— Я думал об этом, — сказал он. — Я, Гид, хочу податься в Панхендл. В наших краях простора для ковбоя нет. Хорошо, если как у тебя — свое ранчо, а нет, так просто купаешься в дерьме. На равнинах большие ранчо. Уж там-то нужны настоящие ковбои. Надоело здесь ошиваться и собачиться с папашей. Вот возьму и рвану.

— Хорошо бы двинуть с тобой, — сказал я. — Ишачить на отца — хуже, чем батрачить. Он мне каждый чих пытается разобъяснить.

— Ну, так едем, — сказал он, загораясь.

Ну, а я, конечно, знал, что отца не смогу оставить. Ему одному вся работа не под силу. Да еще этот долбаный госпиталь: меня не было дома целых два месяца. Я поставил телегу в тень гумна, и мы слезли.

— Пошли к корыту, — сказал я. — Смоем кровь.

Я подумал, раз он собирается в ковбои, отдам-ка я ему все-таки седло. Хоть он и козел.

— Ну, так что — поедешь со мной? — спросил он. Он нагнулся, сунул голову под воду и вынырнул, отряхиваясь, как мокрый пес.

— Вряд ли, — сказал я. — Здесь много работы.

— Работы или амуров?

— Ты полегче, полегче, — сказал я. — Сегодня я сыт тобой по горло.

Он нахлобучил шляпу на мокрые волосы.

— Иди сюда, — сказал я. — Тебя тут кое-что ждет.

Мы пошли на гумно, и я вытащил седло. Поначалу он ничего не понял.

— Вот красота, — сказал он. — Чье оно?

— Твое, — сказал я. — Ты со мной нянчился в больнице, и я подумал, что оно тебе пригодится. Тем более ты нанимаешься ковбоем.

— Ты шутишь? — сказал он. — Ох, боже мой! Вот это да. Прелесть! В жизни не видел такого шикарного седла.

— Ага, его тебе надолго хватит.

— Ну, черт побери, я так благодарен, Гид, — сказал он, поглаживая седло. — Теперь есть чем похвастаться. В жизни не было у меня такой классной вещи.

— Давай испробуем, — сказал я. — Все равно, за овсом уже поздно ехать.

Мы поймали пару лошадей и поскакали. Джонни был страшно тронут и возбужден. Сперва он посидел в седле, потом я. Сидеть в нем было как в кресле-качалке. Оно было новое и скрипучее, но должно было объездиться в мгновение ока.

Вернулись мы вовремя, как раз чтобы успеть обиходить скотину. Папа уже похаживал по стойлам, приглядываясь к молочным телятам.

— Решено, — сказал Джонни. — Грех гробить такое седло в нашей глуши. Наверное, через пару дней двину. Едем со мной, а?

— Нет, не получится, — сказал я.

Отец подошел и внимательно оглядел нас.

— Похоже, вы воевали, детки, — сказал он. — Жаль, что у вас с мозгами туго.

— Как вам мое новое седло, мистер Фрай? — спросил Джонни.

Папа хмыкнул.

— Даже у меня ничего похожего не было, — сказал он. — А я в четыре раза

старше и во много раз умнее тебя.

И он отправился в дом. Джонни подмигнул мне и улыбнулся. Он никогда не обижался на моего отца, и это мне нравилось.

Через пару дней Джонни поехал в Хенриетту, влез там вместе с седлом в товарный вагон и отбыл на север. Нас — меня, Молли, наши края, — он представил самим себе, но прощаться с ним было все-таки грустно. Невзирая на его хитрованство, он был верным другом, и без него мне стало одиноко.

3

Папа, наверное, надеялся, что я передумаю и оставлю новое седло себе, а когда седло укатило вместе с Джонни, то настроение у него испортилось аж на целый месяц. В таком состоянии духа он всегда изобретает для меня тысячи отвратительных делишек. Я вкапывал столбы для заборов, прочищал сточные трубы, вырубал репейник и пахал землю. Продолжалась эта каторга половину июля и весь август. Пахать — хуже всего. Я торчал на полях, погоняя этих долбанных строптивых мулов, глотал пыль, а Джонни в это время летал по равнинам, покачиваясь в новом седле, как настоящий ковбой. Я постоянно мучил себя этими картинками, и однажды меня прорвало, я сказал отцу, что собираюсь податься вслед за Джонни.

Мы объезжали коров на пастбищах у Реки, выискивая личинки слепней. Отец въехал на холм и остановил лошадь, чтобы прочесть мне нотацию.

— Черта с два, — сказал он. — Ты останешься здесь. И если я прикажу тебе пахать, клянусь Всевышним, ты будешь пахать.

— Но я-то не какой-нибудь там фермер, — сказал я. — Найми кого-нибудь. Зачем мне тратить свое время на ерунду?

— Я уже нанял. Я нанял тебя, — сказал он. — Зачем платить чужаку, когда мы сами справляемся? Так никогда не разбогатеешь.

— Вон, смотри, на юго-западе — еще несколько коров, — сказал я. — С чего это ты решил, что я хочу разбогатеть?

— Потому что тебя воспитал я, — ответил он. — Я не мог воспитать придурка, которому охота быть нищим. Ты ведь способен понять, что лучше быть богатым, чем бедным, правда?

— В Библии сказано наоборот, — заметил я.

— Я не отвечаю за то, что сказано в Библии, — он зыркнул на меня. — Если там сказано именно так, то это неправильно. А проповедь я, кстати, не заказывал. Я знаю, что в мире полно дураков, которые поют, будто нищета дело святое, но пусть походят, как я в детстве, зимой босиком, тогда посмотрим, насколько святой она им покажется. Чаще всего от нищеты люди делаются мелочными и злобными. Нищета крайне унижительная вещь.

— Хорошо, — сказал я. — Притормози. Я не хочу быть нищим. Но ведь можно не хотеть быть нищим и все равно не заботиться о богатстве.

— Можно. Но тогда ничего не достигнешь. Тогда ты просто посредственность. Если хочешь чего-то достичь, нужно стремиться к великому.

— На этом худородном поле до великого не доберешься, сколько ни паши.

— А вдруг, — сказал он. — Вдруг выгребешь алмаз, кто знает. Я насчитал в том углу двадцать голов.

— Восемнадцать. Поехали.

— Я еще не кончил объяснять тебе, что полезно, а что нет. Джонни Мак-Клауд сейчас носится по равнинам, и у тебя просто свербит в заднице, так тебе охота рвануть к нему туда и наняться в ковбой. Я расскажу тебе о Джонни Мак-Клауде. Верно, он хороший ковбой и отважный парень. Но и все, больше в нем ничего нет. Он всегда будет только хорошим ковбоем. Когда он будет умирать, он оставит только то, что на нем надето, и то, что когда-то получил по наследству. И еще седло, что ты ему подарил, если только не проиграет его в покер. Свою жизнь он просвистит, вкалывая на других, и никогда ничего не достигнет.

— Это еще не значит, что он дерьмо, — сказал я.

— Конечно, нет. Это вовсе не значит, что он дерьмо. Я знал многих вроде него, и многие мне нравились. Но в тебе много моей крови. Ты никогда не будешь рад гонять чужих коров. Жалко только, что у тебя уйдет куча времени, чтобы это понять. Выигрывает тот, кто тратит меньше времени и меньше сил. Я это знаю, а ты нет. Если научишься слышать меня, избежишь множества несчастий.

— Похоже, что ты знаешь все на свете, — сказал я. — Ты ведь никогда не ошибался, правда?

— Да уж. Ошибался. Ошибался чаще, чем иные были правы. Но это неважно. Я и забыл больше, чем иные когда-либо знали. Но как бы там ни было, — сказал он, — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: ты и Джонни — совершенно разные люди. Поехали, глянем на тех коров.

Мы нашли нескольких коров с личинками, намазали их мазью и возвращались домой. Время было предзакатное, папина ко, почесть немного смягчилась.

— Гид, — сказал он, — если тебе изредка приходится пропахать поле под овес, так что ты оплакиваешь себя целых два месяца подряд? До моих лет дожить не успеешь, как объешься этой ковбойской жизнью до усрачки. А человек, который учится управлять ранчо, должен уметь делать множество вещей.

— Говори, что хочешь, — сказал я, — а мне все равно жаль, что я не поехал в Панхендл. Не хочу я учиться сеять овес. Я хочу наслаждаться жизнью.

— Какое высокое стремление, — сказал он. — Наслаждаться жизнью может каждый дурак. А с чего это ты решил, что ею нужно наслаждаться?

— Ну, — сказал я, — если не наслаждаться, то что тогда с ней делать?

— Бороться. Бороться из последних сил. — И он заговорил о стадах, слепнях и засухе. О том, что нужно бы выкопать еще несколько прудов, и что хорошо бы ему дожить до того, как они наполнятся водой. Спорить мы перестали. Я распался на две части: одна половина хотела уехать, другая не могла. Папа старел, работы было много, так что вряд ли я хорошо бы себя чувствовал, бросив его одного. Все время представлял бы, как он тут уродуется один, и не чувствовал никакой радости. Ведь вообще-то мы с ним жили дружно. Пока я торчал в больнице, я то и дело представлял его дома за работой, и это точило меня не меньше, чем та дрянь, которая во мне завелась. Тут мы с Джонни, вправду, — разные. Его отцу примерно столько же лет, что и моему, и забот у того никак не меньше, но Джонни никогда не церемонился, когда ему приходило в голову куда-нибудь податься. Конечно, мать его еще жива, но Джонни просто считал, что отец может и сам о себе позаботиться.

— Останусь я дома или нет, — никакой разницы, — говорил он. — Все равно себя отец всегда заезжает до смерти, так заодно и меня заездит. Никакого смысла в этом нет.

И, наверное, он был прав. Главное, с какого боку смотреть. Мой папа тоже не сбавлял оборотов, когда я был с ним, да только тогда совесть меня не мучила.

Джонни уехал, и мне теперь не нужно было так тщательно присматривать за Молли. Кроме нас двоих, она ни на кого не обращала внимания. Правда, существовал где-то там Эми Уайт, но это было просто смешно. Вроде слизняка моего возраста. Когда ему хотелось подзаработать, он нанимался на нефтяную вышку, а вообще-то все больше болтался в Талии, играя в домино, или гонял своих собак по всей округе. Неровня он был для Молли, так что и обращать внимания на него не стоило. А говорила она о нем изредка, я так думаю, чтобы мне и Джонни пощекотать нервы.

В конце сентября, чтобы пощупать рынок, отец отправил гурт телят в Форт-Уэрт и сам поехал туда на пару дней поглядеть, как пойдет торговля. После такого длинного отпуска папа обычно наваливался на работу со страшной силой, будто хотел переделать все дела за ближайšie полчаса. Ну, а пока он не вернулся, я решил немного отдохнуть.

День стоял погожий и теплый, но не слишком теплый, потому что за четыре дня до этого подул первый северный ветер и принес приятную свежесть — прямо то, что надо. Я посидел дома часов до десяти, потом сел на лошадь и поехал через западные пастбища вверх по холму к усадьбе Тейлоров.

Старик Тейлор, конечно, торчал дома. Сидел на погребке, точил карманный нож и посасывал свой утренний виски. Зрелище не слабое. Щетина на щеках была белой, а на подбородке грязно-желтой от табака и виски.

— Вытри ноги, еслиходишь в мой двор, — сказал он. — Мне тут твое дерьмо ни к чему.

Это могло сойти за шутку, если бы не прозвучало так злобно, потому что двор, между прочим, смахивал на свалку. Было заметно, что старик все делал во дворе: здесь валялись куриные головы и кости, пустые бутылки из-под виски, какие-то железяки, обрывки колючей проволоки, старые башмаки, обломки досок, упряжь для мулов, лошадиный навоз, помойные ведра и уж не знаю, что еще. Молли оправдывалась, что время от времени она пытается привести двор в порядок, но старик ей не позволяет: все, что там лежит, говорит он, лежит потому, что может ему понадобится. Просто чудо, что в таком поганом месте выросла такая прелестная и милая Молли.

Сапоги я почистил о проволоку забора, и старик больше не произнес ни слова.

Молли я застал в гостинной. Она гонялась за ядовитой ящерицей, спрятавшейся в дровяном ящике. Молли была одета, как мальчишка: в старой рубашке и в штанах одного из братьев. Все они давно покинули этот дом. Но выглядела она все равно девчонкой. Хотелось схватить ее в охапку и зацеловать, но старик устроил бы настоящее пекло, если бы нас застукал.

— Пошли, порыбачим, — сказал я.

— Знаешь, — она счастливо улыбалась, — на прошлой неделе я получила открытку от Джонни. Хочешь глянуть?

— Нет, я не хочу на нее глядеть, — сказал я. — Я хочу с тобой половить рыбу. Ты идешь или нет?

— Да, — сказала она. — Иду. Я просто подумала, что, может быть, ты захочешь прочитать открытку от Джонни. Он там и о тебе пишет.

Конечно, мне хотелось, но признаться в этом Молли я не мог. Трудно было представить, что же такой дурень, как Джонни, мог излагать в письме.

— Папа твой, похоже, не в духе, — сказал я.

— Возьми удочки в коптильне, а я соберу приманку, — сказала она. — Папа нам не помеха. Он любит рыбу на ужин.

Я вытащил удочки и прислонил их к забору. Потом оседлал лошадь Молли. Старик и глазом не повел — точил нож и хлебал свой виски. Вышла Молли с двумя мешочками — в одном обед, в другом — приманка. Подошла к старику, обняла и что-то зашептала ему в ухо, поцеловала в щеку и направилась ко мне. Старого пердуна она вправду любила. Меня всегда это изумляло. Он зыркнул на мешок с едой, но промолчал.

— Куда поедем, к пруду или к Реке? — спросил я.

— К большому пруду, — сказала она. — На юг от холма, на ваши земли.

Это был хороший пруд, только я там никогда ничего не поймал. Он больше годился для ухода за девушками, чем для рыбной ловли. Вокруг него росли тенистые деревья, густая волнистая трава, и было много уютных мест, чтобы просто посидеть.

Мы валялись на траве, играя друг с другом, потом пообедали. Еще мы рыбачили: поймали двух ершей и одного небольшого ката. Если хотели, поймали бы и больше, только нужно было этим заниматься. Леска дергалась часто, но Молли была так хороша, что я не обращал внимания на удочки. Я говорил ей, что это всего-навсего черепахи жуют нашу приманку, и не давал вставать. А она знала, какое это хлопотливое дело — поймать черепаху.

Около полудня, когда мы лежали под тенистыми деревьями и нам уже надоело изображать рыболовов, я в первый раз сделал Молли предложение. Трава там была жидкой, и мы лежали на подстилке. Целовались так долго, что мне показалось, что я ей всерьез нравлюсь. Так почему же было не посвататься? Я просто с ума по ней сходил.

— Молли, — сказал я, — слушай, Молли. Раз мы все равно любим друг друга, так чего бы нам не пожениться? Было бы здорово. Я страшно хочу на тебе жениться.

Она усмехнулась, даже не взглянув на меня.

— Ты что, этого совсем не хочешь? — спросил я. — Ты для меня создана, я это знаю точно.

— Ты мой любимчик, — сказала она, присела и поцеловала меня. — Гидинг-тон. А что мы будем делать, когда поженимся?

— Ну, наверное, то же, что и все. Чем мы от всех отличаемся?

— Может, ты и не отличаешься, — сказала она, — а я отличаюсь. Пока я не хочу в этом завязнуть. Радости будет не больше, чем, например, сейчас.

— Откуда ты знаешь? — спросил я. — Ты ведь не была замужем. Может, радости окажется куда как больше.

Она рассердилась.

— Не надо песен, — сказала она. — Ни за тебя, ни за кого-нибудь там еще я замуж не хочу. Девчонки, которые выходят замуж, чтобы с парнями кое-чем

заниматься, мне не по душе. Не нравится это мне. Лучше заниматься всем этим без всякого замужества, говорю серьезно. Я не выйду замуж, пока из-за ребенка не прижмет, и это тоже — серьезно. А если и тогда это будет необязательно, так оно еще и лучше.

Ее слова потрясли меня, как ничто другое на свете. Очень на нее похоже, думал я. Ей всегда было наплевать, что о ней скажут. Может, она полагала, что ее все равно не будут уважать, раз у нее такой папаша. Хотя я знал многих в Талии, которым она не нравилась. Но мне было все равно, что они там о ней думают.

— Птица моя, не говори так, — сказал я. — Я по тебе с ума схожу и хочу, чтобы ты стала моей женой, вот и все.

Она злилась по-прежнему, хотя чуть-чуть смягчилась. Мы лежали, обнявшись, и заговорила она не скоро.

— Я тоже схожу по тебе с ума, Гид, — сказала она, обвив меня руками. — Ты самый лучший. Но замуж — нет. И это серьезно. Я сделаю все, что ты хочешь, только не это. Хочешь — прямо сейчас, хочешь?

Я ее целовал, и она дрожала, как осина. Но ничего не вышло — из-за меня. Ее слова о замужестве так меня потрясли, что я не переставал о них думать. Она сняла рубашку, я увидел — о, что я увидел! — но перестать думать я не мог, я думал про то, что все это неправильно и нельзя так, и поэтому велел ей остановиться.

— Давай прекратим, — сказал я. — Так нехорошо, и ты сама это знаешь, Молли. Почему мы не можем пожениться?

Она окрысилась по-настоящему, но я тоже разозлился и не уступал.

— Пошли купаться, Гид, — сказала она ледяным тоном. — Очень жарко. Поговорим потом еще.

— Замолчи, — сказал я. — Меня раззадорить невозможно. Я не ребенок. Как мы будем купаться, у нас же нечего надеть?

— Кожа у нас есть! — сказала она. — Я не знала, что ты трус. Чего тебе жениться, если ты так боишься девушек?

— Слушай, Молли, — сказал я. — Не заводи меня, прекрати, а то не поздоровится. Извини. Я не трушу. Я просто знаю, что правильно, а что нет, и ты меня не переломишь, злись не злись.

— Больше не зови меня замуж, — сказала она вовсе не злобно, а совершенно спокойно. — Слезь с моей рубашки, дорогой. Ты трезвый зануда, мы с тобой никогда не поладим. Ты не знал, что я такая?

Несмотря на отчаянное сопротивление, я ухватил ее в охапку.

— Да, я слишком трезвый, — сказал я. — Возможно. Но я не дам никому сходиться с ума, как бы нам обоим ни хотелось. Иногда стоит быть посдержанней.

— О'кей. Ты сказал. Теперь заткнись. Давай рыбачить, давай кататься, давай что-нибудь делать. Мне надоело тут сидеть и играть в сдержанность. Ты такой сдержанный, что теперь, небось, и за руку меня не возьмешь?

Но вскоре ее настроение исправилось, мы гуляли вокруг пруда, катались на лошадях и вернулись домой около пяти, когда тени уже удлиннились. Старика не было, и я почистил рыбу. Она ее пожарила, напекла лепешек и приготовила подливу. По костлявому ершу мы съели, а ката оставили старику.

После ужина мы вышли на крыльцо, покачались на качелях, вдоволь нацеловались, и она снова, как ни в чем ни бывало, сделалась тепла и мила. Было

хорошо, как редко бывает, но я стал злиться на себя, что сегодня днем не воспользовался случаем. А она вела себя так, будто все позабыла. И дразнила меня, вспоминая Джонни.

— Я знаю, почему ты ко мне едешь реже, чем раньше, — сказала она. — Потому что Джонни уехал. Не больно-то я тебе нужна. Для тебя главная сласть донимать Джонни.

Она была не права, оба мы это хорошо знали, но ведь мне и на самом деле нравилось ухаживать за ней у него на глазах. А он, похоже, если бы был на моем месте, вел бы себя точно так же.

За то, что случилось днем, я был прощен, только нельзя было говорить о женитьбе. Ладно, эта тема временно откладывалась, не так уж это и важно. Перед тем как я сел на лошадь, она меня крепко-крепко поцеловала и все время держала за руку, пока я сам не освободил ее и не тронул коня. Она стояла на холме и смотрела мне вслед.

Уже дома я здорово разозлился на себя, что оказался там, у пруда, полным тухой. Наверное, действительно, испугался до смерти или с ума сошел, не знаю, что уж со мной сделалось. Даже не искупались, а какое уж это преступление! Дальше в лес — больше дров, и я чуть не поскакал обратно. Но вспомнил про ее старика, подумал, что он, чего доброго, уже вернулся. И остался дома.

4

Злился я на себя, злился, да вдруг однажды вечером, хоть и твердо знал, что сотворю глупость, помчался к Мейбл Петерс. Конечно, любить ее веки вечные я не собирался, но иногда она меня волновала. Парни ею не интересовались: живет на отшибе, да и предки совсем бедны. Она была хорошо сложена и тиха, ухажеров у нее не было, а ей хотелось, чтоб был кто-нибудь, и потому со стороны казалось — она готова на все. И я к ней поехал, хоть гордиться тем, для чего поехал, не стоило.

Ее родители были уже в возрасте и, вместе с парой младших детей, ложились спать рано. Вечерами она всегда была одна. Сидя в седле у ее ворот, я ждал, пока утомонятся собаки. Не любил я ездить к Петерсам из-за этой постоянной собачьей истерики. Собак было шесть или восемь, старый Петерс меньше никогда не держал. Мейбл, выйдя, остановилась в дверях.

— Кто здесь? — спросила она.

— Это я, Мейбл, — ответил я. — Я бы спешил, да боюсь, они меня загрызут.

— Гид? — сказала она. — Тихо, Пит, тихо.

Этот Пит, наверное, был у них за главного. Он подбежал к ней, и вся свора тут же утомонилась. Я спрыгнул с коня и привязал его к столбу почтового ящика.

— Заходи, — сказала она. — Не стоять же на крыльце.

— Нет, — сказал я. — Сидеть неохота. Может, погуляем? Месяц светит, фонарь не нужен.

И правда, месяц, огромный и белый, величественно плыл над пастбищами.

За гумном старикан Петерс всегда ставил свою повозку, большущий старый «студебекер», и я сообразил, что нам стоит двинуть туда. Внутри повозки лежал брезентовый тент.

Погулять Мейбл не отказалась.

— О'кей, Гид, — сказала Мейбл. — Куда пойдём?

— Просто пройдемся, — ответил я, и она тут же вцепилась мне в руку. Наверное, боялась змей. Прижалась она так крепко, что я едва двигался, опасаясь отдавить ей ногу. Я был готов растерзать себя — ни одного слова не приходило на ум, сказать было нечего, я молчал. Да и змеи — кому охота, чтоб его укусила гремучая змея? Но Мейбл молчание не стесняло, она шла, потихоньку напевая.

— Хорошо, когда кто-нибудь приезжает, — сказала она. — От матушки и папы можно просто взвыть.

— Мой тоже иногда достаёт, — сказал я. Её близость возбуждала. Как такая соплячка могла волновать, оставалось для меня самого загадкой. Если смотреть на неё сбоку, можно было её вообще не заметить, такая она была тоненькая, но если она оказывалась близко, то тут же что-то такое со мной происходило. Мы немного потискались у почтового столба и у свинарника, а потом, как бы случайно, ноги прикинулись, что сами ведут меня к повозке. Но хитрить было ни к чему. Когда я спросил её, не хочет ли она посидеть, она лишь кивнула, и через пару минут мы уже целовались, как давние влюбленные. И она ни разу не оторвалась от моих губ, только я иногда отстранялся. Поначалу я представил себе, что со мной Молли, потом мне стало все равно, и, похоже, мы свершили бы все до конца без всяких слов и болтовни, но тут я опять ошибся, потому что спросил у неё разрешения.

— Если хочешь, Гид, — прошептала она. — Как ты хочешь. Потом мы сможем пожениться и завести детей. Мне всегда хотелось. Ты будешь лучшим мужем в мире.

Мне показалось, что меня окатили ледяной водой, а ведь это был только шепот, ничего больше.

— Бог мой, это невозможно, Мейбл, — сказал я. — Мой отец устроит такой тарарам, и твой тоже. Но все равно,пусти меня.

Она долго меня целовала, не сердясь и не споря, но теперь это не могло помочь. Тормоза уже были включены. Я вдруг взбесился и чуть не врезал ей, но она казалась такой покладистой и милой, будто ничего и не заметила. Хотя, конечно, заметила, но ей хватило хитрости, чтобы себя не выдать. С Молли все было не так. Молли могла вдруг сделаться бешеной, но все равно была тепла и бесхитростна. Маленькие птичьи мозги Мейбл были сделаны из кусочка льда, холодного и расчетливого.

Но вела она себя так, что все выглядело иначе: жалась ко мне на тенте от фургона столько, сколько мне было угодно, а я лежал с ней, надеясь, что она наконец уступит. Но уступать она не собиралась, как луна, которая не собиралась менять свой путь на небе. Мейбл хотела только одного — выйти замуж.

Я помог ей спрыгнуть с повозки, и мы направились обратно к дому. По-прежнему прижимаясь ко мне, она молчала — догадывалась, что толком говорить не умеет. Чтобы сесть на лошадь, я с трудом освободился от неё.

Вид у неё был жалкий, она держала меня за щиколотку, и я боялся, что сейчас она заревет.

— Приезжай еще, — сказала она. — Здесь страшная тоска, я никого не хочу видеть, кроме тебя.

Не успел я немного отъехать, как мне стало её жаль. По пути домой я ре-

шил, что не мешает приехать и попробовать еще раз. Это стоит трудов.

Утром уверенность моя ослабла. Поспал я всего два-три часа, и тут явился отец и стал трясти мою чертову ступню. Начинался длинный-длинный день.

5

В воскресенье вечером Джонни вернулся из Панхендла, а в понедельник нанялся к нам поденщиком. Скорее всего, он просто заглянул проведать меня во время завтрака. Только что мы купили партию скота, и нужно было клеймить всех новых телят. Словом, когда отец вернулся с утренней поездки, он предложил, чтобы Джонни поработал у нас, и Джонни согласился.

— Когда я говорю «работать», я имею в виду именно это, — сказал папа. — Если будешь расслаживаться на заднице, не увидишь ни доллара.

— От работы я никогда не бегал, — ответил Джонни. — Бывает, конечно, работенка прямо на меня скроенная. Разве у вас нет такой работы, которую вы любите больше других дел, мистер Фрай?

Отец фыркнул. Терпеть он не мог, когда Джонни философствовал.

— Больше всего на свете я люблю вообще не работать, — сказал он.

Прямо с порога Джонни наехал с вопросом: хорошо ли я заботился о его девушке?

— Ты имеешь в виду Мейбл? — сказал я. — Еще как! При каждом удобном случае.

— Спасибо, друг, — сказал он. — Только я не про нее. Похоже, ты и не догадываешься, о ком это я?

— Знать не знаю. Неужели об Анни Элденфелдер?

Так мы дурачились, поддразнивая друг друга. Честное слово, я был рад, что он вернулся. Вместе с Джонни все приобретало совсем другой вкус.

С его появления не прошло и недели, как мы всерьез поцапались с папашей Молли. Чего нам делать не следовало, так это воевать с ее папочкой, мы ведь хорошо знали о том, как она к нему относится и что ссориться с ним значило поссориться с ней самой. Но события не всегда подвластны нашей воле.

Через пролом в Ограде пара наших годовалых бычков сбежала на пастбище старика Тейлора. Во время утреннего объезда отец заметил их следы и послал нас с Джонни их отлавливать. Задача была проста. Бычки оказались в одной компании с тейлоровскими дойными коровами. Все это стадо мы отогнали поближе к нашим воротам, заарканили бычков и через ворота вернули на родную территорию. Было совсем рано и прохладно, лошади прятались в тумане по самое брюхо. Мы хорошо поразмялись для согрева.

Потом мы решили заделать пролом, и вот тут-то попали в беду. Первая наша ошибка была в том, что к пролому мы поехали по земле Тейлора. Знали, что старикан будет склочничать, если нас увидит, но все равно поехали — может быть, даже ему на зло. Вот тут Джонни и увидел койота. Зверь махнул через забор в ста ярдах от нас, а Джонни сказал, что заметил, как койот прилег в траву и затих.

— Давай поймем этого сукиного сына, — предложил Джонни. — Я в жизни не набрасывал лассо на койотов, а ты?

— Никогда, — ответил я. — Думаешь, поймем? — А сам уже готовил петлю. Давно я мечтал заарканить койота, и вот он, мой номер, он уже выпал. Джон-

ни стал заезжать со стороны ручья, но я был уверен, что зверя ему не поймать: петлю он сделал такую громадную, будто мы охотились на динозавров.

— Я его не вижу, — сказал он, — но он прямо вот в тех зарослях чапарала. Подкрадемся к нему отсюда, чтобы ему не уйти обратно через забор. И погоним его на север, он же не будет там вечно торчать. А как сравняемся с третьим столбом, накинемся на него разом. Готов?

— Ему крышка, — ответил я. — Если промахнешься, гони его на меня.

До третьего столба мы придерживали лошадей, подкрадываясь, а там — вонзили шпоры и понеслись с безумными воплями и гиканьем, держа наготове свои лассо. Шляпу я потерял раньше, чем мы заметили койота, а Джонни — на миг позже. Через пару секунд мы были возле чапарала, и мистер Койот возник. Он подпрыгнул над кустами, и казалось, что он вдруг полетел, отталкиваясь от тумана в двух футах над землей. Мы с Джонни повисли у него на хвосте, и Джонни уже начал раскручивать лассо. Я отвернул в сторону, чтобы освободить ему путь. Его лошадь была просто создана для того, чтобы с нее бросать лассо: она легко догнала койота и прямо нависла над ним, Джонни оставалось только сделать точный бросок, но он запоздал и промахнулся футов на двадцать, от его броска койот прыгнул мне под копыта, когда я летел на всем скаку. Старина Денвер чуть повернул, и мы опять вышли вслед койоту, а Джонни даже затормозить не успел. Мы влетели в заросли мескита, казалось, что зверь ушел, но уже было не остановиться, нужно было гнать его, гнать и выгнать из зарослей на луг, гнать, чтобы на лугу возле тейлоровского водопоя накинуть на него петлю, он опережал меня футов на двадцать, Джонни болтался где-то позади, я вонзил шпоры, пригнулся, ветки мескита летели назад. С лассо Джонни справлялся неважно, но бог мой, каким он был наездником! В самой гуще зарослей он обогнал меня, раскручивая лассо, его лошадь летела по деревцам и кустам, расшвыривая ветки, словно стебли травы. А койот по-прежнему несся над туманом впереди. Я погнался быстрее, мы все трое выкатились на луг почти одновременно, и через мгновение оказались возле водопоя. Я прижал зверя к воде и заставил его повернуть к плотнике. Джонни перекрыл ему отход назад, но чертов койот вдруг мощным прыжком перелетел через запруду на другую сторону, мы с Денвером прыгнули следом, и я пустил лассо, когда еще был в воздухе. Все прошло как по маслу, и, хоть старина Денвер споткнулся и рухнул, никто не осмелился бы его за это упрекнуть. Я летел, кувыркаясь, вправо, койот — влево. Когда мы с Денвером поднялись, на конце моей веревки трепыхался огромный самец-койот.

— Вот это бросок, честное слово! — сказал Джонни. — А запруду эту, я думаю, ты своротишь ко всем чертям.

— Чудо, что обошлось без этого, — ответил я. Больше говорить я не мог, дыхания не хватало. Джонни тоже накинул свое лассо на зверя, и мы натянули веревки, чтобы держать его на безопасном расстоянии.

— Жаль, отец не видел, — сказал я. — Спорим, он-то койотов никогда не ловил.

Вот уж что я точно умел делать, так это кидать лассо.

Пора было стукнуть койота по башке и отрезать ему уши, чтобы потом получить правительственную премию. Но тут на другой стороне ручья, откуда ни возьмись, возник старикан Тейлор. В одной руке он держал винтовку десятого калибра, в другой болталась пара беличьих тушек. Наверное, он собирал-

ся попотчевать ими Молли на завтрак. Когда он приблизился, стало видно, что у него мокрая борода — похоже, что где-то поблизости в дупле у него был запас виски.

— Ну вы, сопляки, — сказал он, — грабители чертовы. Сукины дети, что вы забыли на моей земле?

Мы молчали, хоть его спич был нам неприятен. Ругаться с ходу, не разобравшись, — последнее дело. Это выведет из себя кого угодно.

— Языки проглотили? — продолжал он. — Отвечайте, когда вас спрашивает старший. Разве родители не учили вас вежливости?

— Мы тут отлавливали наших бычков и хотели починить брешь в заборе, — ответил я. — И наткнулись на этого койота. Мы его связали, вот и все, мистер Тейлор.

— Всего-то? — злобно сказал он. — Сечь нужно засранцев вроде вас.

Наше терпение иссякало, но что предпринять, мы не знали. Да и отпустить веревки, державшие койота, мы не могли, и старик это видел.

— Освободите койота, — сказал он. — Это мой койот. Я не хочу, чтобы чужаки ловили моих койотов. Отпустите этого сукиного сына.

Разве у кого-нибудь есть право собственности на койотов? В жизни не слышал подобной глупости.

— Так не пойдет, сэр, — ответил я, прикидываясь кретином. — Он убежал с наших пастбищ. Мы только хотим вернуть его обратно.

— Да ты что? — сказал он, запихивая белок в карманы. — А ты, Мак-Клауд младший? Слезай и освободи моего койота.

Джонни развлекался вовсю.

— Простите, сэр, — сказал он. — Я-то не против, только я боюсь. Я весь дрожу, когда вижу, что мне собираются откусить руку.

Старик разозлился так, что потерял дар речи и уставился на нас. Тут мне стало по-настоящему не по себе, и не знаю, чем бы все кончилось, если бы вдруг не подъехал отец. Редкий случай — я страшно обрадовался его появлению. Старикашка Тейлор был так разъярен, что мог бы запросто нас пристрелить.

Наверное, папа заметил, что нас долго нет, и решил разведать, куда мы подевались. Когда нужно было поработать, он тут же вспоминал о людях. Подъехал он с таким видом, будто в картине, которая ему открылась, не было ничего необычного.

— Я вижу, парни, вы тут дурака валяете, — сказал он. — Вам ведь было сказано отогнать тех бычков и ехать домой. Как поживаешь, Клитус?

— Плохо, — ответил старик. — Только погляди, что эти сопляки сотворили. Прикажи им отпустить койота. Мне не нравится, когда какие-то молокососы ловят моих койотов.

Вот старый пердун!

— Извини, Клитус, — сказал папа. — Ты не обратил внимания — это мой койот, видишь — метка на ухе. Ишь ты, я даже не заметил, как он удрал. Хорошо, что мальчишки его нашли. Если уж койот залезет в кусты, его оттуда трудно выкурить.

У меня отнялся язык. Похоже, у старикашки Тейлора тоже. Джонни веселился. Мы пригляделись, и — святая правда! — кусок уха у зверя был и впрямь оттяпан. Вряд ли папа имел к этому отношение. Скорее всего, ухо у койота бы-

ло повреждено во время звериных разборок, но все же поручиться за то, что мой папа совсем уж тут ни при чем, тоже было нельзя. Тейлор чуть не проглотил свой кадык.

— Каким знаком ты метишь своих койотов, Клитус? — спросил отец торжественно, как судья. — Я никогда его не видел. Если покажешь, я прикажу мальчикам загонять твоих койотов обратно на твои пастбища.

Старичок Тейлор тоже был не промах, его трудно сбить с толку. Он подошел, рукой обхватил пасть койота и осмотрел его башку.

— Я сегодня без очков, — сказал он. — Он, конечно, твой. Но этот койот мне нравится. Сколько ты за него хочешь, Адам?

Кажется, папа удивился, но виду не подал. Он вынул табак, отрезал себе кусочек и протянул плитку Тейлору. Тот откромсал себе шмат покрупнее. По ходу дела отец, наверное, обдумывал коммерческое предложение. Держу пари, что все это забавляло и смешило его.

— Трудно сказать, Клитус, — сказал он. — Я последнее время не следил за рынком Пожалуй, доллара три мне причитается.

— Да, это по-честному, — сказал старик и, будь я проклят, вынул бумажник, вытащил три банкноты по доллару и протянул их отцу. Тот сложил их и засунул в карман рубашки. Это было на доллар больше премии за отрезанные уши.

— Правильная сделка, — сказал Тейлор. — Адам, пусть твои парни мне помогут. Я его сразу помечу, пока он связан.

— Конечно, — сказал папа. — Мальчики, помогите мистеру Тейлору поместить койота.

Нам пришлось взять опасную работу на себя. Мы спешили и стали подходить к зверю. Я шел, перебирая одну веревку, Джонни — другую. Нам удалось ухватить его морду, избежав серьезных укусов. Старик вытащил карманный нож. Я обмотал звериную морду своей веревкой от черпака, потом мы завалили койота и спутали ему лапы. Старик чиркнул его по уху ножом, и на том все кончилось.

— Спасибо, парни, — сказал он дружелюбно. — Теперь я этого негодяя всегда узнаю. Можно одолжить ваши веревки? Пусть полежит пока связанным, это его немного усмирит. А я пришлю свою девчонку, пусть отведет его домой. Ей все равно больше делать нечего.

То, что Молли придется тащить этого зверюгу на веревке, привело меня в бешенство. Но отец уже собрался ехать.

— Домой, ребята, — сказал он. — Надо заклеить всех наших телят. Большое спасибо, Клитус. Бог тебе в помощь. Надеюсь, этот койот тебе хорошо послужит.

— Обязательно послужит, — сказал старик Тейлор.

— Хорошая сделка, — сказал отец. — Три доллара на дороге не валяются.

— Так это же мы его поймали, — сказал я. — Нам причитается наша доля.

Мы подъезжали к воротам. Папа остановился и стал ждать, чтобы кто-нибудь из нас спешил и открыл ворота. Джонни открыл.

— Ты так считаешь? — спросил отец. — А я так не считаю. Во-первых, это был мой койот. Вы только накинули на него лассо. Вот вы отлавливали моих телят, так от этого они же не сделались вашими, правда?

— Почему этот койот твой? — сказал я. — По метке на ухе, так это ведь не всерьез?

А он взял да и просто тронул коня. И ничего не ответил.

— Черт, — сказал Джонни. — Мне кажется, что с меня достаточно, мистер Фрай. Я вернусь и развяжу этого койота, пока Молли не пришлось волочь его домой. Я не хочу, чтоб она возилась с такой вредной скотиной. Он может за просто откусить ей руку.

— Поехали, — сказал я. — Давай отпустим его. С клеймами мы справимся потом, времени хватит.

— Черта с два, — сказал отец. — Я только что спас вас от крупных неприятностей, и снова этим заниматься мне некогда. Клитус только того и ждет, чтобы кто-нибудь из вас появился, чтобы выдрать из вас этот лишний доллар. И своего он добьется, будьте уверены.

— Доллар! — сказал я. — Ты получил три.

— Два он вернет обратно, когда продаст уши койота графству. Он не собирается держать никаких койотов. Эти деньги он потратил, чтобы не сдаваться.

Нам было трудно в это поверить.

— Ты хочешь сказать, что такой бедняк, как он, способен потратить три доллара из-за такой чепухи?

— Кто бедняк? — сказал отец. — Это Клитус Тейлор бедняк? Он просто скуп. Когда человек не тратит денег, это вовсе не означает, что у него их нет. Я вот трачу совсем мало, и поэтому у меня денег гораздо больше, чем у других.

— Будь я на его месте, будь у меня деньги, — сказал Джонни, — я бы купил себе и дочери приличную одежду. Я бы не стал шататься в отрепьях. Я бы потратился, хоть немного, на то, чтобы жить как-то повеселее.

— Большинство юных глупцов поступили бы точно так же, — сказал отец. — Вот почему у большинства юных глупцов нет ни гроша.

Мы заткнулись. Спорить с ним было бессмысленно. Тем более что кое в чем он оказался прав: когда мы проезжали Бугор, услышали «Хло-бы-ы-ы-ысь!» десятого калибра. Прямо как пушка какая-то.

— Одним койотом меньше, — сказал отец. — А жареных цыплят будущей весной я съем намного больше. Я рад, что вы, мальчики, наконец-то научились правильно обращаться с лассо.

6

Старикашка Тейлор все-таки сумел отомстить, но его месть вместо нас досталась Молли. За это я был готов его убить.

Через пару дней после того, как мы поймали койота, в Талии ожидался праздник по случаю окончания уборки урожая, на котором всегда затевались самые веселые танцы, самое шумное гулянье между Четвертым Июля и Рождеством. Я собирался там быть вместе с Молли. Договорились мы об этом в день рыбалки, тогда Джонни еще не вернулся из Панхендла. Когда он про это узнал, то готов был кусать локти. Пришлось ему довольствоваться Мейбл Петерс.

Короче, я навел марафет и одолжил у отца шарабан. В сумерках подъезжая к дому Молли, я дико волновался. Одна только мысль, что вот сейчас она сядет ко мне в шарабан и всю дорогу до Талии мы будем вместе, сводила меня с ума. А танцы — что там танцы.

Дом Тейлоров был погружен в глухую тьму. Я подумал, что тут не обошлось без проделок Джонни, может быть, он приехал раньше и забрал Молли. Или случилось что-нибудь еще. Вечер был тихий, красивый, не слышно было ни звука. Я привязал лошадей, пересек двор и взошел на крыльцо. По-прежнему ни звука.

— Что за черт! — сказал я и заколотил в дверь что было сил.

— Я сегодня никуда не поеду, Гид, — услышал я вдруг голос Молли. И чуть не свалился с катушек. Она стояла у дверей за сеткой, прижавшись к стене так, чтобы я ее не видел. — Я не могу. Тебе придется ехать без меня, — сказала она. — Я плохо себя чувствую.

— Ох ты, а меня чуть кондрашка не хватил. Во имя всего святого, что же ты свет не зажжешь?

— Не хочу, — сказала она дрожащим голосом. — Я буду сидеть в темноте, Гид.

Стало тихо, и тут, не видя ее, я понял, что она плачет. Она умела плакать, не издавая ни звука. Потом я услышал, как она двинулась в темноте, зацепилась за стол или что-то такое, пробежала через сени, и все снова стихло. Слышался только скрип ветряка.

Я зашел в дом. Молли, ясное дело, плакала, лежа на кровати. В окно светила луна. Я присел, старая кровать скрипнула, моя ладонь легла на руку Молли.

— Ну, лапа, — сказал я, — не расстраивайся. Повернись ко мне и скажи, что у тебя болит, вдруг я придумаю какое-нибудь лекарство.

Она не отвечала, и я слегка обнял ее за плечи, почувствовав, что пока продвигаться дальше мне не следует. Она спрятала голову ко мне под мышку, и было похоже, что ей нравится, что я здесь.

Я пошарил вокруг, наткнулся на спички и зажег лампу. И тут же понял, в чем дело. Под ее глазом устроился синяк, а лицо, шея и весь перед платья были мокры от слез. Синяк был не слишком велик, и от него она выглядела то ли старше, то ли красивее, но синяк был синяком, и я знал, кто его посадил.

— Не смей говорить об отце ни слова, — сказала она. — Я знаю, о чем ты подумал. Он бы ничего такого не сделал, если бы я не вела себя так гнусно.

Она, конечно, врала, но я промолчал.

— Жаль, что так получилось, — сказал я. — Только синяк не такой уж боль-

шой, Молли. Незачем из-за этого сидеть в темноте. Завтра он сойдет начисто.

Она вытерла лицо покрывалом, но в ложбинке на шее осталась влага. Лицо ее казалось почти злобным, а я вынул носовой платок и вытер ей эту ложбинку.

— Пусть никогда, нигде больше не будет вообще никаких танцев, — сказала она. — Тогда я про них забуду и перестану переживать. Не видать мне никогда танцев, будь их даже целая сотня. Я, наверное, такая дрянь, что их недостойна.

— Перестань, перестань, — сказал я. — Ты совсем не дрянь, мучиться нечего. Мы можем повеселиться и здесь.

— Но я тут сижу всегда, я не хочу здесь оставаться, я хочу туда, где куча народу.

— О'кей, — сказал я. — Едем. Еще не поздно. Нечего сидеть дома из-за легкой тени под глазом.

Тут она расплакалась пуще прежнего. Откуда у девчонок так много слез? Ничего в ее жизни от этих танцев не могло измениться, но плакала она так, будто у нее разбито сердце.

— Успокойся, — сказал я. — Ведешь себя, как последняя дура. Если хочешь ехать, вставай, вытирай лицо и поехали. Ей-богу, пока мы туда доберемся, все уже так напьются, что не заметят даже трех фингалов. А если ехать не хочешь, все равно — успокойся, пойдем в гостиную, приготовим попкорн или еще что-нибудь. Можешь плакать хоть всю ночь, но этим ты ничему не поможешь.

В конце концов она затихла и лежала, прижавшись ко мне, пока совершенно не успокоилась.

— Вот так лучше, — сказал я. — Ты решила что-нибудь?

— Останемся здесь, — сказала она.

— А где твой отец?

— У него кончился запас виски, пришлось ему ехать в Хенриетту. Наверное, дня на два-три.

Мы перешли в гостиную, развели в камине огонь, и только он нам светил. Молли собралась на кухню за едой, но я схватил ее в охапку, закружил и зацеловал.

— Вот тебе и танцы, — сказал я. — Так еще и лучше, когда нет никакой толпы. А синяк этот тебя просто украшает.

— Сними галстук, — сказала она. — Он царапается.

— С удовольствием. Я от него задыхаюсь.

Я снял галстук, снял и суконный пиджак, а Молли до кухни так и не добралась.

— Давай танцевать, — сказал я. — Сами по себе. Ты спой что-нибудь.

Она положила голову мне на грудь и стала напевать какую-то песню. Я ее крепко обнял, и мы закружились по комнате. От огня в камине все вокруг раскачивалось и колебалось.

— Я путаю мелодии, — сказала она. — Давай лучше музыку будем воображать.

— У меня с воображением плохо, — сказал я, но танцевать мы продолжали. Танец получался страшно медленным. Ее волосы потрясающе пахли. Хотелось послать к черту танцы и целовать ее, целовать. Я остановился и приподнял ее

лицо. Мы целовались долго-долго, мне казалось, что вот-вот наступит рассвет, но было темно по-прежнему.

— Я хочу того, что не получилось в тот день, — сказал я. — Я люблю тебя. Я вправду очень тебя люблю.

Она стояла, прижавшись ко мне и закрыв глаза. Она ничего не ответила, но когда я снова ее поцеловал, ее губы радостно мне ответили.

— Ну что, о'кей? Исправим это сегодня?

— Да. Я хочу этого, — сказала она. — Только не торопись. Давай ни о чем не думать.

Мы стояли, целовались, все крепче прижимаясь друг к другу, потом перебрались в ее комнату. Как только мы там очутились, я вышел в сени, чтобы закрыть на задвижку сетчатую дверь. Когда я вернулся, она плакала.

Она вцепилась в меня, а я ее крепко обнял.

— Ты где был? — спросила она. — Не смей бросать меня и уходить.

— Я только дверь закрыл, — сказал я.

Она вдруг расвирепела, и я еле удержал ее, чтобы она мне не врезала.

— Никогда не оставляй меня, — твердила она. — Мне плевать, закрыта дверь или нет. Если покинешь меня еще раз, можешь катиться и не оглядываться.

И вдруг укусила меня. Всерьез укусила. Наверное, так разозлилась, так обиделась или что-то там еще. Я здорово удивился и чуть не уронил ее на пол. Но удержал, и держал до тех пор, пока она не успокоилась. Тогда мы снова обнялись и снова долго целовались. Покидать я ее вовсе не хотел, это я знал точно. А вот как снять сапоги, не переставая ее целовать, не знал.

— Молли, давай сядем. Новые сапоги сведут меня в могилу.

— Бедный Гид, — сказала она. — Садись на кровать, я тебе помогу.

Через мгновение сапоги с меня слетели, и я обнимал ее снова. Потом я случайно порвал ее красивое платье и боялся, что вот тут-то она задаст мне жару, но нет, обошлось, она обняла меня за шею и поцеловала, а когда я попытался было извиниться, ее губы не дали мне говорить.

— Молчи, — сказала она. — Ни слова больше.

Наверное, я ждал, что отец вот-вот начнет трясти меня за ступню, поэтому проснулся первым. Рядом была Молли, и она была прекрасна. Через мгновение она тоже проснулась и зевнула. Увидела меня, улыбнулась, подкатилась ко мне и поцеловала. Как все было хорошо! Но тут я вспомнил, что папин шарбан с лошадьми так и стоит во дворе, сообразил, что уже давно светло и отец, небось, не может понять, куда это я запропастился.

— Боже праведный, — сказал я. — Отец сдерет с меня шкуру. Мне давно уже пора быть дома.

— Трус, — сказала Молли. — Будем валяться целый день. Покажем им, как нами командовать. Оставайся, здесь только мы, здесь тепло и уютно. Оставайся, а, Гид?

— Господи, как я этого хочу, — сказал я. — Но все-таки отец имеет право мной командовать. Лучше уж мне ноги в руки и бежать.

— Если бы мы только остались вместе, — сказала она. Потом села, ничем не прикрывшись, и улыбнулась. — Но лепешек я тебе все равно напеку.

Она меня поцеловала, перелетела через меня и, выставив на мое обозрение

свою попку, стала искать в шкафу джинсы.

Если она сама не беспокоилась по поводу того, что произошло между нами этой ночью, то что же мне тревожиться? Я любил ее и был уверен, что теперь-то мне не составит труда уговорить ее выйти за меня замуж. Но когда мне на глаза попалась простыня, я перестал что-либо понимать.

— Эй, лапа, — сказал я, — может, с тобой что-то не так? Тут должна быть кровь.

— Что это ты придумал? — спросила она, с улыбкой поворачиваясь ко мне. Джинсы она нашла, но надевать их не спешила. — Смешной Гид.

Утренний свет лился из окна и всю ее словно окутывал. Она накинула рубашку, не застегивая, а волосы ее падали на плечи. Ничего красивее я в жизни не видел.

— Не беспокойся, Гид, — сказала она с невинным, будто утренняя заря, видом. — Кровь бывает только в первый раз.

И тут я по-настоящему съехал с копыт.

7

В середине ноября отец решил продать партию телок, самому возиться с ними ему было неохота, и он отрядил нас с Джонни.

— Я, конечно, делаю глупость, что посылаю двух придурков вместо одного, — сказал он. — Но все-таки иногда, может, кто-нибудь из вас слегка протрезвеет и приглядит за скотом. Я жду вас обратно в воскресенье, и я не хочу, парни, чтобы вы отдали гурт задарма. Если вам попадутся приличные годовалые бычки, можете купить и привезти сотню.

Для нас это было чистой малиной. Отправились мы ранним утром, когда дул дьявольски холодный ветер, пригнали гурт в Хенриетту, погрузили в вагоны на Форт-Уэрт и легли спать в единственном, пассажирском вагоне в хвосте поезда. Ночью прицепили паровоз, и мы двинулись, когда точно, я не заметил, потому что проснулся уже возле Декатура. Вагон жутко болтало. Джонни сидел на полу, держась за челюсть. Наверное, свалился с полки и стукнулся об пол. Кроме нас, был только один пассажир — промасленный работяга с нефтяной вышки. Он сел где-то по пути, может быть, в Беркбернете. Теперь он спал на скамье.

— Черт, пошли на воздух, — сказал Джонни. — Не могу спать в этой долбаной трясушке. Идем поглядим вокруг.

— О'кей, — сказал я.

Мы надели куртки и вышли в хвостовой тамбур. Ночь была ясной и чертовски холодной. Северный ветер хлестал в лицо. Мы прислонились к стенке вагона и смотрели на проносящуюся мимо нас страну.

— Поезд — это хорошо, — сказал Джонни. — Куда быстрее лошади.

Я следил, как выматываются и убегают назад из-под вагона рельсы, казалось, что скорость не так уж и велика, но постоянство их бега завораживало. Я все поглядывал, ожидая, что вот-вот они прекратятся, остановятся, но они не останавливались. Пронесся мимо нас какой-то городок, сплошь застроенный зерновыми элеваторами, как он назывался, я не знал и никогда прежде не видел в наших краях вплоть до самого Канзаса так много элеваторов в одном месте. В свете луны торчали только их причудливые силуэты. Путешествие — удивительная вещь.

— Вот тут, наверное, делают овсянку для всей земли, — сказал Джонни. — Хорошо, что я не фермер. Лучше ковбойской жизни ничего не бывает. Ни о чем на свете не заботишься.

— Как посмотреть, — сказал я. — А если работаешь на своем ранчо? Заботишься о деньгах, о скотине и много еще о чем.

— Тогда ты не ковбой, а хозяин ранчо, — сказал он. — Я никогда не говорил, что хочу иметь ранчо. Черт, чего это я не взял овчину? Никогда не думал, что в ноябре может быть так холодно.

— Это от скорости.

Уши замерзли, но все равно здесь было лучше, чем внутри болтающегося вагона.

— Мой совет, — сказал он. — Забудь об этом ранчо. И о женитьбе забудь. Поедем лучше на равнины и словим за хвост настоящую жизнь. А когда ранчо достанется тебе, продашь его, и тебе не придется беспокоиться ни о чем все оставшиеся годы.

— Это годится для тебя, — сказал я. — Ты безответственный, как обезьяна. Но ты ничего не достигнешь в жизни.

— На черта быть ответственным? — сказал он. — И вообще, все зависит от того, чего ты хочешь достичь. Я вот хочу стать хорошим ковбоем.

— Кстати, о женитьбе, — сказал я. — Ты мне напомнил, я давно хотел с тобой переговорить. Это серьезно. Я, конечно, понимаю, что у тебя больше прав на Молли, чем у меня, но ты мне ответь: ты на ней собираешься жениться или нет? Один из нас обязан это сделать, факт. Если ты не женишься, то женюсь я.

Он глянул на меня, как на помешанного. Потом рассмеялся, но как-то не слишком уверенно.

— Ничего смешного, — сказал я. — Я все знаю. Я знаю, что ты с ней был. Я тоже, но ты — первый, и это на твоей совести. Теперь один из нас должен что-то решать.

— Похоже, ты всерьез, — сказал он. — А еще похоже, что ты рухнул с дуба. Бога ради, о чем это ты?

— Все проще пареной репы, — сказал я. — Ты уболтал Молли, и она позволила тебе с ней переспать. О'кей. Я тебя не виню, я сам сделал то же самое. Кто бы отказался. Но в ответе — первый, больше других в ответе. Молли — девушка сердечная, с ней так нельзя, и ты это прекрасно понимаешь. Один из нас должен о ней позаботиться, иначе просто свинство. Ты был первый, поэтому — твой выбор.

— Это неправда, Гид, — сказал он. — Ничего подобного, я не был первым. Я всегда знал, что первый был ты. Ты! Нечего на меня валить. Я на твоём месте так никогда бы не сделал.

Тут я смутился.

— Не надо песен. Молли мне сама проговорила, что я не первый. Чего это ты отрещиваешься, чего крутишь?

— Да не был я первым, понял? — сказал он. — А раз это не ты, то первым был кто-то другой. Не ты и не я. До прошлого лета у нас с ней ничего не было. А когда у тебя началось?

— В праздник урожая, ночью, — сказал я.

После этих замечательных новостей мы оба заткнулись минут на пятнадцать. Уши у меня отмерзли окончательно.

— Что ж, похоже, мы ее поймали, — наконец произнес Джонни. — Вот это да. Я всегда был уверен, что первый — ты. А если нет, тогда кто же?

— Ну, не случайный же прохожий, — сказал я. — Она хорошая девочка. Кого же мы проглядели? А?

— Вот черт, — сказал он. — Могли бы сообразить раньше. Наверняка этот сучонок Эдди.

— Быть того не может. Он же просто пустое место. Никогда не поверю.

И тут же вспомнил, как она говорила об этом Эдди, что он единственный подходящий для нее глупец. Выходит, говорила всерьез?

— Точно, он, — сказал Джонни. — Придется его отделать как следует. Чего он липнет? Этот собачник, сукин сын, по пояс в блохах.

— Вот жопа, — сказал я. — Он всегда в говне по уши. Почему она связалась с таким ничтожеством?

— Чумовая она, — сказал он.

Невесело. Этого долбаного Эдди мы оба терпеть не могли.

— У нее мозги устроены не так, как у других девушек, — сказал Джонни. — Она слишком добра, в этом ее беда. И живет всю жизнь со своим сраным папашей, так что не умеет отличить приличного человека от подонка.

— Точно. Во всем виноват старикашка.

— Наверное, ей кажется, что ее никто из приличных людей не станет уважать, раз у нее такой папаша. Вот она и сошлась с Эдди.

— А может, кто-нибудь другой? — сказал я. — Уж лучше первый встречный, чем Эдди.

Но мы не смогли вычислить никого.

— Ладно. Ты понял, что никто из нас не обязан на ней жениться? — сказал Джонни. — Никаких угрызений совести. Раз он был первым, пусть сам и женится.

Ничего себе соображение!

— Господи, — сказал я. — Я что, буду тихо сидеть и глядеть, как этот козел женится на Молли? Да у него нет ничего, кроме своры собак и пары рабочих сапог. И ей всю жизнь придется таскаться за ним от одной нефтяной вышки к другой.

— Так ей и надо, ей-богу, — сказал он. Нечего было с ним водиться.

— Верно, — сказал я. — Но я все равно на ней женюсь, пусть даже я третий. Я не позволю, чтобы она вышла замуж за Эдди.

— Смотри, — сказал он. — Вот картинка! Я и не думал, что мы уже так близко.

Я повернул голову и увидел огни Форт-Уэрта. Вам и не снилось столько огней. Трудно было себе представить, как можно жить в таком огромном городе, но множество огней — это было потрясающе. Паровоз загудел. Мы вернулись в вагон погреться. Работяга-нефтяник продолжал спать, наверное, был пьян.

— Давай, — сказал Джонни.

Мы осторожно сняли со спящего ботинки, вынули из них шнурки и спрятали ботинки в углу. Шнурками мы обмотали ему лодыжки, шнурки завязали на много узлов, да еще и поплевали на них для крепости.

— За час не освободится, — сказал Джонни.

— Так ему и надо. Керосинщик хренов.

Нам казалось, что мы классно пошутили.

Вскоре нашему веселью пришел конец: поезд замедлил ход и остановился у скотных дворов. Как они устроены, что там за порядки, что нам следует делать, а чего не следует, мы не знали и проболтались в темноте на холоде не меньше часа, ожидая, когда выгрузят скотину. Вокруг нас сновали погонщики с палками и железнодорожники с фонарями.

— Надо бы спросить у кого-нибудь, — в конце концов сказал я. — Как бы поезд не увез наших телок.

— Черт знает, — сказал Джонни. — Руки отмерзли. Только мне неохота тревожить этих людей.

Мне тоже было неохота, и мы постояли еще. Потом паровоз загудел, мы так напугались, что остановили какого-то парня и спросили у него. Он оказался мексиканцем и говорил только по-мексикански, а мы — только как белые, так что пришлось обратиться к другому. Тот был погонщик.

— Парни, вы же совсем замерзли, — сказал он.

Оказалось, что наши телки давно выгружены и отправлены в загон. А мы толклись зазря около вагона, груженного скотом для бойни.

— Ну что, теперь пойдем в гостиницу? — спросил Джонни.

— Нет, сперва найдем наш гурт, — сказал я. — Не дай бог, его перемешали с другими. Отца тогда кондратий хватит.

И мы отправились на поиски. То еще было развлечение. Мы перелезли в темноте через сотню заборов, но узнать нашу скотину было невозможно. Гуртов были тысячи, по одному в каждом загоне. В конце концов мы оказались в загоне вместе с парочкой хряков. Поначалу мы их не заметили, думали, что загон пустой, но потом услышали приближающееся хрюканье.

— Черт побери! — сказал Джонни. — Бежим.

Мы рванули, но не успели сделать и двух шагов, как возник второй хряк. Он свирепо визжал и поднимался с земли, чтобы броситься на нас. Но не успел, потому что через мгновение мы уже висели на заборе.

— А пошло оно, — сказал Джонни. — Если охота, так продолжай искать. А я в гостиницу. Не хочу воевать с хряками.

Эти старые боровы хрюкали, скрипели и визжали так, будто впрямь жаждали нашей крови.

— Черт бы их всех побрал, — сказал я. — Выгрузили наш гурт, не спросившись. Я ведь за него отвечаю. А ежели он потерялся?

— Тогда домой нам дороги нет, — сказал Джонни. — Здесь чего-нибудь подзаработаем, а потом в поезд и на север. Если гурт пропал, то я больше никогда не покажусь в графстве Арчер.

Наконец мы выбрались из скотопригонного двора и оказались в огромном здании биржи. Через нее вышли на улицу и двинулись вдоль нее, разглядывая забегаловки и гостиницы. Забегаловки были еще закрыты, гостиницы выглядели полумертвыми, но одна наконец нашлась, «Лонгхорн». Выплывывая на ковер табачную слюну, навстречу выкатился старикан и сдал нам комнату за пятьдесят центов с носа. Я все думал о гурте. Если он потерялся, лучше уж мне убраться дальше, чем Панхендл. Пожалуй, стоит рвануть в Канаду.

А Джонни не волновался — гурт-то был не его.

— Я иду баиньки, — сказал он. — Интересно, тот керосинщик проснулся или нет?

Комната была голая, тесная и даже без намека на умывальник. А кро-

вать — самая крохотная в мире.

— По полдоллара за эту коечку? — возмутился я. — У меня в детстве кроватка больше была.

Джонни стянул сапоги и рухнул. Спать он мог где угодно.

— Ты на мне или подо мной? — спросил он. — Рядом не поместишься.

Я поднял шторы и выглянул на улицу. Оказалось, что уже совсем светло.

— Эй, уже утро, — сказал я. — Поднимайся, пошли искать гурт.

Но Джонни крепко спал. Я решил, что управлюсь сам, и вышел на улицу.

Солнце было уже высоко, и на скотопригонном дворе все теперь выглядело веселей, мычали коровы, сновали и толпились торгаши. Поверх заборов перекинули мостки из толстых широких досок, можно было ходить по ним, не утопая в навозе, и осматривать скот. Вскоре я нашел свой гурт, и на сердце полегчало. Местный работяга закидывал моим телкам сено в ясли. Оказалось, что дело тут поставлено отлично. Работяга же оказался настоящим занудой.

— Привет, — сказал я. — Рад видеть свой гурт в полном порядке.

— Ты Фрай младший, верно? — спросил он.

— Гидеон Фрай, приятно познакомиться.

— А чего ты так долго дрыхнешь? — сказал он. — Твой отец всегда является сюда на рассвете. Прозевал двух хороших покупателей.

Нравоучения этого толстяка в вельветовой кепке меня не интересовали, и я спросил, куда пошли покупатели. Он взгромоздился на забор и показал одного из них в другом конце двора. Это был скупщик от «Свифта и Армера». Я подошел, представился, и, будь я проклят, он тут же купил весь гурт по десяти центов за фунт. Как только скотину взвесили, мы пошли в здание биржи, и он выписал мне чек. Вот и все. У меня вскружилась голова. Я-то собирался потеть здесь целый день, а через час после восхода солнца скот был уже продан.

Я погулял по улицам и позавтракал в маленьком кафе. Отправился было будить Джонни, да передумал — пусть спит. Деньги, заработанные на продаже телок, жгли карман, и мне казалось, что я попусту трачу время. Там, на скотопригонном дворе, было столько скота, который только и ждал, чтоб его купили, продали и заработали на сделке.

Когда я начал покупать и продавать, в кармане у меня было восемь отцовских тысяч. Я купил гурт бычков, а через час толкнул его с выгодой в один процент. Ей-богу, я чувствовал себя на высоте. Но потом какой-то козел из южного Техаса продал мне другой гурт. То ли я уже устал, то ли еще что, но его бычков я рассмотрел плохо. Короче, это был полный провал. Первая сделка принесла мне шестьсот долларов, и я рассчитывал, что на этом гурте наварю еще больше. Если потом я еще куплю для папы хороших бычков, то все равно останусь с прибылью. Но, Господь свидетель, хуже, чем этот южный гурт, я в жизни не покупал. Когда наконец я сподобился рассмотреть скотину внимательно, зрелище открылось жалкое: у всех телят был острый конъюнктивит, ноги в гнойных ранах, да и сами они были какие-то морщинистые. Глядя на них сверху, с мостков, я их плохо рассмотрел. Пришлось снова перепродать этот гурт тому же козлу, но теперь уже с убытком в четыре процента. В одночасье я потерял тысячу двести долларов. Еще днем я купил хороших бычков для отца и распорядился отправить их в Хенриетту, но тысячу двести эта покупка не покрывала. Доллары упорхнули. С торговыми делами в тот день я за-

вязал. Очень хотелось отлупить того подонка из Техаса, но не было никакого законного повода. Лихо он содрал с меня шкуру, у меня во рту даже возник привкус, будто кошки нагадили.

За час до сумерек я убрался с биржи и отправился в гостиницу «Лонгхорн». Снова было холодно, хотелось спать, и казалось, что я один-одинешенек на всем белом свете. Нестерпимо хотелось видеть Молли. Форт-Уэрт стал отвратительным, пыльным и уродливым местом, почти таким же, как Канзас, где я лечился в больнице. Я тут же отдал бы еще тысячу двести долларов, только бы вдруг оказаться дома, ужинать с Молли и слушать ее голос.

Но там меня не было. Деньги потеряны, ничего не попишешь. Тоска. Я поднялся в нашу комнату, собираясь поднять Джонни, чтобы прилечь самому. Но Джонни не было. Комната казалась отвратительно голой, холодной, я чувствовал себя в ней так одиноко, что, хоть и валился с ног, тут же расхотел спать. На кровати лежало тонкое зеленое покрывало, которое все равно не могло согреть.

И я спустился вниз и снова вышел на улицу. Уже горели фонари, от них город выкрасился желтым и наполнился тенями. В ближайшей забегаловке Джонни не оказалось. Обошел я их десяток, пока его не обнаружил. Он сидел за столиком в глубине зала с незнакомым мне стариком. Как они видели друг друга — настоящая загадка, потому что их разделяло огромное количество пустых пивных бутылок. Старика звали Сэмом, я что-то слышал о нем от папы. Он попрошайничал на скотопригонном дворе. Одна нога у него была деревянная, но в ботинке. В молодости он был ковбоем на большом ранчо и потерял ногу, когда грузил скот в поезд: ее зажало между буферами двух вагонов. Настроение у Джонни было отличное.

— Привет, дружище, — сказал он. — Где тебя носило целый день? Я здорово поспал.

— Я торговал, — сказал я. — И лучше бы этого не делал. Один сукин сын так меня напарил, что я потерял кучу отцовских денег. Не знаю, как теперь быть.

— Пей пиво и не унывай, — сказал Джонни. — Никогда не унывай. Сэм покажет нам местечко, где мы сможем потерять девственность. Гульнем и поедем домой.

— Я покажу, сынок, — сказал Сэм. — Позови подавальщицу. Я подыхаю от жажды.

Явилась толстуха-подавальщица в красной юбке, страх какая уродливая. Пара бутылок пива не смогли поднять мне настроение.

— Что же ты не пришел? — сказал я Джонни. — Ты был мне нужен. Какой ты, к черту, помощник?

— Правильный, — ответил он. — И совсем не пьяный, так что не криви рожу. Я не имею права напиваться без тебя, это было бы непочтительно. А если бы я пришел, то мы бы потеряли намного больше и сидели бы по уши в дерьме — такое у меня было настроение.

— Я потерял достаточно, как раз на двоих, — сказал я. — Блядское везение.

— Мои слова, сынок, — сказал Сэм. — Блядское везение. Я это повторяю много лет. Позови подавальщицу, поставь мне еще пива, ладно?

Пива мы выпили целое море. Ушли не раньше десяти или одиннадцати, когда полчища пустых бутылок заняли весь стол и выстроились плотным коль-

цом на полу вокруг нас. Между мной и спящим Сэмом остался узкий проход для толстухи. Сэм давно уже соскользнул на пол и спал, удобно устроившись и положив свою деревянную ногу на перекладину стула. Кто-то пытался вытащить его вон, но мы с Джонни приказали оставить его в покое. В Сэмовом брюхе было столько нашего пива, что мы просто обязаны были его оберегать. Если бы кто-нибудь попытался его у нас похитить, мы бы дрались насмерть.

Мы пили и пили...

Конечно, на поезд мы опоздали. Наш новый скот прибыл в Хенриетту на двенадцать часов раньше нас. От этого он слегка сник. Приехали мы уже в темноте и гнали гурт до дому всю ночь, аж до половины десятого утра. В темноте нас то и дело заносило в заросли, а от холода мы чуть не отдали концы. Видок у нас к утру был тот еще. Когда мы загоняли скотину, папа уже был на гумне и подошел освидетельствовать покупку.

— Что ж, не самая плохая скотина, — сказал он. — А как дела с нашим гуртом?

— Хорошо, — сказал я. — Только я привез не все деньги. Я решил поторговать, немного заработал, а потом один тип меня напарил. Так что я потерял все и еще двенадцать сотен сверху. Может, за несколько лет отработаю.

Я был уверен, что он сейчас начнет орать, но он ощупывал скотину.

— Решил поучиться торговать, значит? — сказал он. — Хорошо. Может быть, научишься.

И тут же нарядил нас работать. Нужно было клеймить новый скот. Муки совести меня оставили, и я с радостью занялся делом. Оказалось, что предугадывать, как отец отнесется к тому или другому событию, я еще не научился.

8

Очухаться после поездки в Форт-Уэрт не удавалось до самой середины ноября. Джонни клялся завязать с пьянкой навечно, но обычно его вечность продолжалась не дольше недели, так было и на этот раз. А я жил невесело, все время ожидая, что папа наедет на меня по поводу двенадцати сотен долларов, но он прикидывался, что забыл о них, ничего не забывая на самом деле.

Однажды в середине октября мы, как каторжные, обмывали до вечера скот дезинфекцией. Едва добрались до постели, как кто-то с воплями подлетел к задним воротам. Я схватил штаны и выскочил во двор. Отец был уже там. Приехал младший брат Мейбл Петерс.

— Папа велел передать, что мы горим, — сказал он. — Бабушка подожгла дом.

Мы поверили сразу. Отец стащил мальчишку с лошади и велел мне скакать туда, а он с парнем приедет на повозке. Я накинул куртку и помчался.

Когда я приехал, на месте дома пылал костер — этот курятник сгорел в считанные мгновения. Петерсы, обняв собак, сидели на земле и плакали. Все семья была в сборе, и меня поразило, как их много — шестеро младших братьев Мейбл, отец с матерью и бабушка.

— Вот и все, нет нашего дома, — сказал старик. — Вся надежда на Господа.

Больше всех переживала бабушка, ведь это она устроила пожар. Ей было девяносто пять. Один из мальчишек сказал, что она плеснула керосин из лампы на скатерть. Мать Мейбл билась в истерике, она не могла досчитаться парнишки, который поехал к нам, ей казалось, что он погиб в огне. Затушить огонь было невозможно, приходилось просто тоскливо смотреть, как Петерсы пытаются прикинуть, что же у них вообще осталось. Старик сбегал к заднему крыльцу и сумел вытащить цедилку для молока, хоть она, скорее всего, не сгорела бы. Один из мальчиков спас каталог Гвардии Монтгомери, но оставил гореть Библию, а Мейбл вытащила блюдо с орехами, стоявшее на новом стуле, единственной новой вещи в доме. О стуле все позабыли, а малыши уже съели почти все орехи.

— Ну вот мы и погорели, сынок, — сказал мне старик.

— Отец едет, — сказал я.

Я заставил Мейбл устроиться поближе к огню, чтобы она не мерзла. Она была босая, а теплой одежды у нее не было никогда.

На пожар стал съезжаться народ. Отец прибыл последним, но он привез одеяла, кофеварки и еду, и получилось, что от него больше всего пользы. Мы подразгребли огонь, сварили кофе и вручили каждому погорельцу по одеялу.

— Вот беда, Гид, — сказала Мейбл, зубы ее стучали. — Жалко, что я не замужем.

Она глянула на меня. Огонь озарил ее худое личико. Лицом она была нестерпимо хороша.

— Будь я замужем, все было бы не так худо, — продолжала она. — Все бы могли пожить в доме моего мужа.

У меня тоже чуть не застучали зубы. Петерсов жаль, но кому охота, чтоб твой дом заполонила вся эта армия детей и стариков.

— Почему я не взяла тот стул? — произнесла Мейбл и снова заплакала. — Почему не взяла стул? Зачем эти орехи?

Сестра миссис Петерс жила в Талии, там погорельцы могли найти приют на несколько дней, даже если эта сестра и не будет в восторге. Отец поймал Петерсова мула и отправился домой, разъехались и все соседи, а погорелое семейство погрузилось в повозку, закутавшись в одеяла, и я повез их, самых грустных на свете людей, в Талию. Дул северный ветер, под курткой у меня ничего не было, и я начал замерзать. Петерсы спали, но на полпути проснулась Мейбл и села, поделившись одеялом, рядом со мной.

— Мы так благодарны тебе, Гид, — сказала она. — Ты самый лучший из всех, кто сегодня приезжал. Вот выйду за тебя замуж и все тебе верну сполна. Не я буду, если не так.

Я начал мямлить что-то, мол, не хотелось бы вселять надежду, но она обняла меня и стала целовать. И так всю дорогу до Талии, я едва управлялся с лошадьми. И впрямь, она сумела скрасить наше грустное путешествие.

— Помни, что я тебе сказала, — шепнула она, когда мы въезжали в город. Она была бледна и взволнована, холода мы совсем не чувствовали.

Мне самому пришлось будить сестру миссис Петерс, потому что все боялись собаки, а я отогнал ее кнутом. Зажегся свет, Петерсы сгрудились в гостиной, закутанные в одеяла и потешно смахивающие на индейцев. Сестра их приняла, я получил назад пару одеял и поехал домой. Но сначала выбежала Мейбл, повисла на мне и висела не меньше десяти минут.

— Приезжай меня проведать, — сказала она. — Мне будет так одиноко.

Для Петерсов настала тяжкая пора. Все, кроме Мейбл, уехали в какой-то городок в Арканзасе, откуда были родом. А она нашла работу в бакалейной лавке, сняла комнату у одной вдовы и принялась за созидание своего доброго имени. Она оставалась беднее бедного, и только спустя много времени ей удалось справиться с нищетой.

9

В октябре трижды случался сильный дождь, а во вторую неделю ноября — такой ливень, что уровень осадков составил целых три дюйма. Весь наш край снова расцвел, травы подросло больше, чем скота, и мы поняли, что легко перезимуем.

Однажды утром отец послал Джонни проверить, не прохудилась ли где запруда, а мне велел запрягать фургон — мы с ним едем в Талию.

— Ну вот, так и быть, — сказал он, когда мы были в пути. — Пожалуй, дам тебе в этом году посеять немного пшеницы. Поглядим, что ты за фермер. Сегодня купи себе семян. И не лопни от злости, — добавил он.

Я в самом деле готов был лопнуть.

— И вообще, заткнись, — продолжал отец. — И так целое утро зуб болит.

— Зуб тут ни при чем, — сказал я. — Как мне кажется.

— Я не спрашиваю, чего там тебе кажется. Я просто хочу сказать, что не могу слушать всякую болтовню при такой боли.

— Я не собираюсь делаться фермером, — заявил я. — Это сообщение твой зуб выдержит. Ты не в себе. Нам ведь скотину нужно покупать.

— Да врежь ты этому мулу, — сказал папа. — Шугани от канавы, нечего ему жрать по пути. Скоро будет засуха, помяни мое слово, несколько сухих лет. На будущий год пригодится все наше нынешнее сено, поэтому я не хочу, чтоб стадо разбухало. А тебе не помешает поучиться фермерству.

Я тут же подумал о Панхенгле. Нужно совершить что-нибудь из ряда вон, чтобы привести отца в чувство. Может, он остынет, если я на некоторое время смоюсь.

В Талии мы купили семена, а пока я их грузил и торчал в кормовой лавке, пытаюсь выторговать по дешевке у хозяина полтелеги хлопковой шелухи, папа сходил к дантисту и избавился от зуба.

— Три доллара выкинул, — сказал он. — Когда прохудится следующий, ты мне сам его выдерешь.

— О'кей, — сказал я. — За два с полтиной. И ездить никуда не нужно.

— Когда же прекратятся эти северные ветры, — сказал он. — Кровь стынет.

По дороге домой мы разговаривали мало — до самого Бугра Идиота. Оттуда была видна усадьба Тейлоров на плоском верху холма, а на западе — подкопченный сарай Петерсов.

— Ты как думаешь, на которой из этих девок ты женишься? — спросил отец. — Можем поговорить об этом, раз уж все равно языки чешем.

Ну, дела.

— Может, я вообще не женюсь, — сказал я. — А тебя это не касается.

— Почему не касается? Любопытно же, в какого сорта дерьмо ты собрался вляпаться.

— Ну, если я вообще женюсь, так уж точно на Молли, — ответил я. — Женишься на Мейбл меня и под пистолетом не заставишь.

— Вот как, — сказал папа и сплюнул. — Доктор не велел, но, пожалуй, надо пожевать табаку. А то я кровью истеку.

Дальше он плевался не просто кровью, а кровью с примесью табачного сока.

— О'кей, — сказал он. — Мейбл не та девушка, которую ты хочешь. Это про-

сто девушка, которая хочет тебя. А Молли тебя не хочет.

— Еще как хочет, — ответил я, но в животе у меня похолодело. — Откуда ты знаешь? У нас с ней все отлично.

— Конечно, — ответил он. — Я и не говорю ничего такого. Но тебе за ней не угнаться, и твоему дружку Джонни тоже, это ясно каждому, кто не слеп. И это хорошо. Потому что иначе она пустила бы тебя по миру.

— О чем мы тут толкуем? — сказал я. — Может, я вообще не женюсь. А если да, так только на Молли.

Не зарекайся, — сказал он. — И не жалея, если по-твоему не выйдет. Если не женишься на ней, она будет твоим лучшим другом. А если все-таки женишься, тебя ждут тридцать три несчастья. И не забывай, что я тебя предупредил. Женщины замечательные существа, черт бы их побрал, но мужчина не должен жениться никогда, разве что из-за детей. Другого оправдания нет.

— А ты сам? Женился, выжил, и ничего с тобой не случилось.

— Да, — сказал он. — Я выжил. А твоя мать — нет. Я и сам удивляюсь, что выжил. Нам досталось обоим.

— Ну, ладно, но насчет Молли ты ошибаешься. — сказал я. — Это я точно знаю.

Он ухмыльнулся.

— Точно ты можешь знать, который сейчас час, — сказал он. — Да и то, если у тебя часы лучше моих. Ну вот, а если женишься на девке Петерсов, придется тебе тоже не сладко, но зато не потеряешь друга.

— Ей-богу, с тобой невозможно разговаривать, — сказал я. — Ты про меня знаешь, как про какую-нибудь луну, не больше. Думаешь, что вдоль и поперек, а на самом деле ничего про меня не знаешь.

— Пожалуй, — сказал он. — Я исправлюсь.

Его что-то рассмешило, и следующие пару миль он только нахлестывал мулов вожжами и усмехался про себя.

— Ты что, хочешь сказать, что мне лучше жениться на Мейбл, чем на Молли? — спросил я. — Мне просто любопытно.

— Да нет, — сказал он. — Я тебе уже говорил: я вообще не советую жениться раньше сорока или пятидесяти. Доживешь до этого возраста, тогда сам разберешься. Только, боюсь, не хватит ума так долго ждать. Мне просто интересно, хорошо ли ты себя знаешь.

— Уж всяко лучше, чем ты меня.

Папа вздохнул.

— Из всех животных в мире человек трудней всего поддается воспитанию, — сказал он. — И это потому, что никто не занимался всерьез его породами.

— Никто не выводит породы людей, — сказал я.

— И очень жаль, — ответил он. — Я случаю нужного быка с нужной коровой в нужное время. И все — могу о приплоде не беспокоиться. А вот чтобы нужный мужчина сошелся с нужной женщиной, шанс ничтожен. Вот почему я не жалею, что постарел. Если бы я снова сделался молодым, боюсь, что наворил бы глупостей гораздо больше, чем когда-то.

Он сказал это как-то очень грустно.

— Тоскливо звучит, — сказал я. — Мне кажется, жизнь должна приносить куда больше радости, чем по-твоему выходит.

— Ты ее еще не прожил, — сказал он.

А потом рассказал мне, сколько работы нам предстоит этой зимой.

10

Работы и впрямь навалилось невпроворот, так что поехать к Молли, чтобы пригласить ее на рождественские танцы, я смог только после первого декабря.

Молли, одетая в красную фланелевую рубашку и широкие штаны, развешивала белье. Как обычно, она была босиком, несмотря на холод. Она обняла меня, а ее рука легла мне на шею, будто настоящая ледышка.

— Похоже, будет снег, — сказала она.

Я ее поцеловал и помог развесить белье. Оно застывало раньше, чем мы успевали перекинуть его через веревку, такой стоял холод. По двору кружили ошметки горелой мешковины: наверное, старик опять заморозил ветряк, и Молли пришлось отогревать трубы.

Она взяла меня за руку, я подхватил корзину из-под белья, и мы двинулись к дому. На кухне от тепла запотели все окна. Мы уселись за стол и принялись грызть печенье, которое утром испекла Молли.

— Ты вовремя приехал, — сказала она. — Я жутко по тебе соскучилась.

Она потрогала меня под столом пальцами ноги.

— Отец загонял вусмерть, — сказал я. — Так что когда я обычно освобождаюсь, то уже ни к черту не гожусь — не компания для прекрасной молодой леди.

— Я бы перенесла, — сказала она. — Неплохое печенье получилось? Ты вот приехал, и все стало так хорошо...

Я вместе со стулом пододвинулся к ней поближе. Нужно почаще сюда выбираться.

— Джонни иногда заезжает, — сказала она. — Он мне расписал, как вы с ним шикарно погуляли в Форт-Уэрте. Я бы хотела как-нибудь поглядеть на Форт-Уэрт.

— Можем там провести медовый месяц, — сказал я.

Она посмотрела на меня полунасмешливо, полусерьезно. Взгляд ее одновременно выражал скорбь и что-то еще, совсем другое. Моя рука лежала у нее в ладонях.

— Я же говорила тебе, — я не выйду замуж, пока не настанет время рожать, — сказала она.

— Ух ты, ух ты! Лучше помолчи, — сказал я. — Не говори глупостей. Следующим летом мы поженимся, а что ты там пищишь, меня не интересует.

Она покачала головой и задумалась, глядя в сторону.

— Ну ладно, а пока постарайся не схлопотать новый фингал, — сказал я. — Мы с тобой идем через две недели на грандиозные танцы.

— Мне очень жаль, Гид, — сказала она. — Я так и знала, что ты приехал из-за этого. Но я уже одному парню обещала.

Да, дела. Удар в поддых. Но ничего удивительного, Джонни каждый день проезжает неподалеку, всего в двух милях, нет ничего странного, что он меня обошел.

— Так и быть, один танец ему уступлю, — сказал я. — Но я с тобой все равно буду танцевать. До упаду. Джонни не посмеет со мной спорить.

— А это не Джонни, — сказала она. — Джонни меня уже приглашал. Но я пообещала Эдди, что ходить на танцы буду только с ним.

Я ничего не соображал. Просто не мог в это поверить.

— Ты что, с дуба свалилась? — сказал я.

И чуть не заорал на нее, но увидел, что она едва не плачет. И сдержался.

— Так это он пригласил тебя на танцы? — спросил я. — Что-то его не видать в последнее время. Может, его вообще нет в наших краях.

— Он не приглашал, — она пыталась не плакать, но слезы все равно текли из глаз. — Он, кажется, в Оклахоме, его нет уже целый месяц. Но ведь я ему обещала.

— Милая, он, может, и не приедет, — сказал я. — Ты же не хочешь пропустить танцы?

— Не хочу, ты знаешь, что не хочу, — сказала она. — Но он не велел ходить без него. Так что, видно, мне больше танцев не видать.

— Ну уж, это ни в какие ворота не лезет, — сказал я. — Высечь бы тебя как следует. А Эдди что за тип? Разве так поступают с девушками!

Я обнял Молли, и она уткнулась мокрым лицом в мою шею.

— Эдди не считается, — сказал я. — Ты сама это знаешь, Молли.

— Я иногда жалею, что ему обещала, — сказала она. — Но я обещала. А ты — мой любимчик.

Мы просидели долго, мало говорили, много целовались и ни разу не вспоминали ни Эдди, ни танцы. Ушло, стало вдруг безразличным. Просто было хорошо сидеть с ней.

— Останься поужинать, — попросила она. — Мы зарезали телянку, поедем мяса. Папа, кажется, сегодня не вернется, но я точно не знаю.

Я решил остаться. На всю ночь, если она захочет. Пошел подоил коров, задал им корму, наколот дров, чтобы Молли хватило на все холода. Свою лошадь поставил на гумно. Мы поужинали и здорово развеселились. Нашлась кукуруза, и мы отправились в гостиную готовить попкорн. Там царил порядок, видно, старикан сюда давно не заглядывал. При нем гостиная сразу же наполнялась всяким барахлом и пустыми бутылками.

— Тебе не хочется отсюда куда-нибудь уехать? — спросил я.

Мы сидели на полу у камина. Рубашка Молли была расстегнута, отсветы пламени играли на ее груди и шее.

— Это куда же? — ответила она. — И зачем? Нет, я не могла бы уехать. Я хочу жить здесь. И потом, кто бы присматривал за папой?

Попкорн мы посолили и приправили маслом. Когда Молли меня поцеловала, я почувствовал вкус соленого теплого масла. Никогда это не забуду.

— Как ты мне нравишься, — сказала она. — Ты всегда можешь оставаться у меня, когда захочешь. Ты и сам про это знаешь. Верно? А танцы не имеют никакого значения.

Она прилегла, положив голову мне на колени.

— Ты мне тоже очень нравишься. Но для меня все имеет значение. Я хочу тебя и не желаю, чтоб возле тебя кто-то еще крутился.

Она улыбнулась, села и снова поцеловала меня с солью и маслом. Огонь горячил наши лица. Тут вдруг хлопнула задняя дверь, и ввалился в кухню старик. Мы слышали, как он топочет, пытаюсь снять сапоги.

Вот беда, мы даже с места не могли двинуться. Потом все же сели, так что,

когда он вошел в гостиную, мы с невинным видом жевали попкорн.

— Я здесь, — сказала Молли. — Со мной тут Гид.

— Да ну?

Старик развернулся и потопал обратно в кухню. Было слышно, как он достает стакан из буфета. Он вернулся с полным стаканом в одной руке и бутылкой — в другой. Раньше я никогда не замечал, чтоб он пил из стакана. Он был в овчине и старой грязной шапке-шотландке с опущенными и завязанными под подбородком ушами. Видно было, что настроение у него хреновое, это меня немного встревожило. Я продолжал поедать попкорн.

— Иди, принеси дров, — сказал он. — Холод собачий.

Было непонятно, к кому он обращается — к Молли или ко мне. Я пошел и принес целую охапку.

— Положи сюда, — сказал он.

Я брякнул дрова рядом с его стулом. Он снял перчатки, выбрал подходящее полено и швырнул его в огонь. Молли пришлось отскочить, чтобы искры и пепел ее не достали. Я разозлился.

— Хороший способ поджигать дома, — сказал я. — Давайте я сам буду подкладывать, мистер Тейлор.

— На кой черт, — сказал он.

Он поставил стакан на краешек стула и глотнул из бутылки. Стаканом он больше ни разу не воспользовался.

— Как хотите, — сказал я. Спорить с ним не хотелось. — Но вообще-то, это опасно.

— Опа-асно... в жопу, — он ухмыльнулся и глянул на Молли, будто приготовил крутую шутку. — Здесь мой дом, понятно? Если я захочу его спалить, то спалю, понятно? И у тебя не спрошусь. Вали домой. Тебя кто-нибудь сюда звал?

— Он просто заглянул ненадолго, — робко сказала Молли. — Он ничего плохого не делает, папочка.

Старик тяжело глянул на нее.

— Я тебя не просил за него заступаться, — сказал он. — Ты не соскучилась по ремню, сестренка, а? Что мой ужин, готов? Чего расселась?

Видно, что ей было больно и стыдно и что, похоже, она его смертельно боялась, только сама этого не замечала. Она молча взяла вазу с попкорном и отправилась на кухню.

Я встал, накинул куртку и подошел к огню погреть руки.

— Катись отсюда, — сказал он. — Не стой между мной и огнем, ты что — оглох? Видно, тоже соскучился по ремню, ловец койотов сраный!

Дольше терпеть старого козла я не мог.

— Вам меня не достать, — сказал я. — Слишком глаза залили.

Он гнусно осклабился.

— Нечего вертеться вокруг моей девчонки, — заявил он. — Я ее лучше топором зарублю, чем отдам такому хлюсту, как ты.

— Слушай, ты, у меня скулы свело от твоего поноса, — сказал я. — Если не заткнешься, я тебя вмажу в этот камин, ясно?

Ну вот, первый раз в жизни я нагрубил человеку старше меня. И сам испугался, но старикан только хватил еще один глоток виски.

— Ты сопливый хорек, — сказал он и уставился в огонь.

Я оставил его в компании с бутылкой и ушел на кухню. Молли плакала, помешивая его жратву на плите.

— Пожалуйста, не ссорься с папой, — сказала она. — Никогда, Гид. Иначе ты мне разонравишься.

Я обнял ее, прижавшись к ее спине.

— Не разонравлюсь, — сказал я. — Я не хочу без тебя сегодня ночью, понимаешь?

Она отвлеклась от сковороды и поцеловала меня, но все же было как-то не по себе оттого, что старикан находился рядом.

— Ты моя девочка, — сказал я. — Ты моя единственная.

Я оторвался от нее и собрался уходить. Она сдвинула сковороду с огня и вышла за мной. Холод стоял жуткий, а на ней надето было не больше, чем раньше.

— Я помогу тебе с лошастью, — сказала она. — Папа уже про ужин забыл и не вспомнит, пока я не напомню.

Я обнял ее и крепко прижал к себе.

— Чего это он так взбесился? — спросил я. — Я ничего плохого не сделал.

— Молчи, — сказала она. — Не говори о нем. Не нужно наскокивать на него.

Я, конечно, заткнулся, но все равно — ничего себе папаша у девчонки!

— Похоже, что сегодня он драться не будет, — сказала Молли. — Одна болтовня.

Молли смешная. Ей кажется нормальным, что отец ее бьет.

Пока мы добирались до гумна, ледяной ветер сбивал с ног. Молли совсем замерзла. Я накинул на нее свою овчину, а сам стал седлать лошадь. Молли светила мне керосиновой лампой, по стенам качались тени, и это совершенно не нравилось лошади. Я справился с седлом, отобрал у Молли лампу, поставил ее на землю и стал тереть ее руки, чтобы согреть.

— Ты простудишься, — сказал я. — Ты замечательная, но все равно — очень глупая.

Она обняла меня за шею заледеневшими руками.

— Я вышла, чтобы ты поцеловал меня на прощание, — ответила она. — В доме при посторонних никакого удовольствия целоваться.

Я поцеловал ее, и было очень странно, что она такая холодная снаружи и такая горячая внутри. Девушки горячее Молли я никогда не встречал. Я погасил лампу, и мы вышли на холод. Я посадил Молли в седло перед собой и обнял. Открылась луна, и тощие рваные облака пролетали по ней на юг.

— Не хотелось бы мне быть луной, — сказала Молли.

У ворот я спешил и помог ей слезть. Прижал ее к лошади, чтобы она поднабрала тепла от нее и от меня.

— Пойдем со мной на танцы, — сказал я. — Если Эдди станет приставать, ему придется иметь дело со мной.

Она поцеловала меня долгим поцелуем, переминаясь с ноги на ногу, окончательно, наверное, заоченев. Потом отстранилась и глянула на меня.

— Ты ведь не единственный хороший человек на свете, — сказала она. — Откуда ты знаешь, что ты лучше, чем он?

— Оттуда же, откуда и ты, — сказал я. — Ты просто себе голову морочишь. Давай пойдем вместе.

— Не могу, милый, — сказала она. — Я обещала. Но я так рада, что ты ко мне приехал. Приезжай почаще.

— Еще успею тебе надоесть, — сказал я. — Это я обещаю.

Она продолжала держать меня за руку, даже когда я уже сидел в седле. Потом вспомнила, что на ней моя куртка, сняла ее и протянула мне.

— Иди в дом, а то замерзнешь до смерти, — сказал я. — Скоро увидимся.

— Если бы ты мог остаться, — сказала она. — Не хочу, чтобы ты уезжал. Ты замерзнешь по дороге.

Я тронул лошадь, а то она сама замерзла бы окончательно. Не думаю, чтобы ей очень хотелось идти в дом. Шагов через двадцать я остановился, чтобы застегнуться.

— Не пропадай, — крикнула Молли.

— Иди домой, милая. Жуткий холод.

Наверное, она улыбнулась, не знаю. Когда я оглянулся еще раз, она все еще стояла на ветру у забора.

11

С Джонни мы договорились, что все равно пойдем на танцы, но никаких девчонок с собой не возьмем. Нам обоим была нужна только Молли.

В тот день вечер выдался красивый и не слишком холодный. Только лишь мы пересекли Луковичный ручей, на нас напал азарт, и мы помчались к городу галопом, но все равно оказались не первыми. Возле дансинга уже собралась половина всех лошадей и бричек нашего графства и даже несколько автомобилей.

Я тоже хотел автомобиль, но папа скупился. Джонни же уверял всех, что эта штука ему ни к чему.

Дансинг был почти полон, народ развлекался на всю катушку, танцуя, разгуливая и глотая один за другим яичные флипы. Мы вошли в середине кадрили, вклиниться не было возможности, так что мы просто стояли и притопывали.

— А вот и они, — сказал я.

Молли танцевала на противоположной от нас стороне площадки. Черные волосы так и летали вокруг плеч, и разругивалась она, как никогда. Топот рабочих сапог Эдди сотрясал весь дансинг. Он даже и не подумал принарядиться, и было похоже, что уже сильно набрался. От ревности я не мог спокойно стоять: когда Эдди в танце сошелся с Молли, он наклонился к ней и крепко поцеловал, прежде чем перейти к другой девушке. Казалось, что ей это даже приятно. Наверное, вырвавшись из дому, она так обрадовалась, что попросту забылась.

— И чего это всех перестарков тянет на танцы? — спросил Джонни. — Настоящая потеха.

Я с ним был согласен. Сюда собрался весь город. Дети верещали и носилась в толпе, гоняясь друг за другом, и гадали, что за подарки им достанутся на Рождество. Родителям не было до них дела. Каждый, кто мог двигаться, танцевал: толстые, худые, уродливые, привлекательные. В комнате отдыха несколько холостяков набирались яичным флипом и рассуждали о войне, но их было не больше дюжины. А в одном каре отплясывал священник — редкое зрелище.

— Глотну-ка я флипа, — сказал Джонни. — А там посмотрим, что нам предпринять.

Он пошел один, я не хотел напиваться до окончания танцев. Тошно было и так.

Когда кадрили закончилась, я стал пробираться к Молли, но было так людно, что, конечно же, добрые пять десятков человек налетели на меня по дороге, чтобы пожать руку, потолковать о делах, пожелать веселого Рождества, расспросить об отце, о скотине и тому подобном, так что не успел я приблизиться к ней, как заиграли вальс, Эдди ее подхватил, обнял, и они пошли танцевать. Я разозлился не на шутку. Прижал он ее так крепко, что было непонятно, как она еще может дышать.

Когда вальс закончился, я оказался возле них. Джонни на другом конце площадки болтал с Мейбл и каким-то парнем. Эдди был весь красный и лыбился, а его чуб спадал на глаза. Настроение у него было что надо.

— Привет, скотник, — сказал он, — потанцуй с моей телкой. Мне пора выпить. Здесь чертовски жарко.

Он вручил мне Молли и пошел на улицу. Наверное, где-то припрятал бутылку.

— С Рождеством тебя, Гид, — сказала Молли. — Хорошо, что ты сюда выбрался. А знаешь, Эдди купил автомобиль.

Известие было не из веселых, и подробностями я не стал интересоваться. Очень похоже на этого придурка. Рубашки без пятнадцати заплаток у него в жизни не было. Позже мы узнали, что тогда он взял подержанную машину за сорок пять долларов. Наскреб на своей работенке, пуп надорвал.

Мы медленно, очень медленно закружились в вальсе. На Молли было темно-синее платье, под глазами лежали легкие тени, будто она не выспалась. Шея ее пахла лавандой. И еще от нее слегка отдавало виски, наверное Эдди уговорил ее выпить. Мне хотелось ей сказать очень много, но она положила голову мне на плечо, и разговор не получился. Потом я разрешил Джонни потанцевать с ней — сказал, что ему это подарок на Рождество. Один танец я танцевал с Мейбл, она заболтала меня до смерти.

С Молли отплясывали кадрили, у нас здорово получалось, настоящее веселье. В середине танца вернулся Эдди, пришлось ему посидеть и подождать. Для сегодняшнего вечера мне было достаточно, и я решил выпить. Когда провожал Молли после танца, сказал ей, что у меня для нее есть рождественский подарок.

— Я сама за ним приеду, — сказала она. — Последнее время у папы скверное настроение.

Эдди схватил ее и потянул к себе, он стал градусов на пятнадцать пьяней. Постепенно напивался и Джонни. Он все время был с Мейбл.

— Старина Джош отвезет ее домой, — сказал он. — А меня она зовет заехать попозже, она приготовит горячий шоколад. Я не могу устоять перед горячим шоколадом, ты же знаешь.

Я пошел и принял очень крепкий флип. Меня поманила скрипичная музыка, я устроился за баром и стал слушать. Потом вдруг прибежала Молли и зашептала мне в ухо. Она плакала.

— Разними их, Гид, — говорила она. — Такой хороший вечер, нельзя, чтобы они дрались. Эдди делается таким гнусным. Скажи Джонни, что он мне разо-

нравится, если не прекратит драку.

— Что там у них? — спросил я. — Черт, многовато я выпил. Где они?

— На улице, — сказала она. — Иди, разними их.

От холодного воздуха в голове прояснилось. Эдди и Джонни я нашел за машинами. Похоже, что они уже успели разок сцепиться, потому что у Джонни из носа текла кровь. Вообще-то, это ничего не значило, иногда у него нос кровоточит, если он просто разволнуется, Человек восемь мужиков собрались вокруг полюбоваться. Несколько машин светили фарами, чтобы было лучше видно.

Эдди стоял наготове, согнув руку и сжав кулак, а Джонни просто следил за ним, заложив большие пальцы рук в карманы. Пьян он был в стельку. Оба они крепко набрались.

— Ты долбаный собачий керосинщик, трус ты паршивый, — сказал Джонни.

Джонни был в заводе, он любил подраться. Эми серьезно напряжился и держал кулаки наготове. Похоже, он трусил, а испуганный человек может быть очень опасным. Но Джонни никогда не обращал внимания на такую ерунду.

Я было начал что-то втолковывать Джонни, но передумал. Все равно драки не избежать. Эми был настороже и все усмехался своим гнусным смешком, но тут Джонни стремительно налетел на него, и они повалились на землю. Когда Джонни в ударе, он бывает очень скорым. Они катались в пыли, безуспешно стараясь ухватить друг друга за горло.

— Разве это драка? — сказал какой-то мужик. — Телепаются на земле, и все тут. Если уж драться, так вставайте и деритесь.

Они послушались, и для Джонни это стало роковым, потому что Эдди тут же снова отправил его на землю и принялся бить ногами. Джонни пытался встать, но когда почти встал, Эдди прижал его к автомобилю, продолжая месить кулаками.

— Вот теперь на драку похоже, — сказал тот же мужик.

Я заволновался: похоже, нам грозит позор. Джонни никак не мог выпрямиться, а Эдди метелил его и метелил, наконец снова сбил с ног и стоял, сжав кулаки. Видно, решил, что победа за ним, и усмехнулся.

— Вы, сраные скотники, драться не умеете! — заявил он. — Только рабочий класс дерется как следует!

Ох, как он ошибся, думая, что Джонни Мак-Клауд сдастся только потому, что его слегка помяли. Глаза Джонни были открыты, а я-то хорошо знал, что он никогда не кончает драку, пока глаза смотрят. Сейчас у него всего лишь перерыв для отдыха. Эдди продолжал лыбиться, а Джонни поднялся, и ему удалось устоять на ногах. Эдди выбросил вперед ногу для удара, но Джонни ее поймал, и — раз, Эдди валялся на земле, а его сапог, оказавшись в руках Джонни, уже летел далеко во тьму. Потом Джонни прижал Эдди к автомобилю, они куда-то качнулись, вылетели из света, и что было дальше, я точно не знаю. В общем, как-то так получилось, что Джонни закинул Эдди на крышу машины и скинул вниз на другую сторону, а сам быстро помчался туда же встречать клиента, зрители кинулись за ним, но тут шоу остановилось. Эдди держался за шею и отплевывался, он не мог ни встать, ни слова сказать. Похоже, что он прикусил язык. И вдруг явился шериф.

— Эти парни случайно не обижают друг друга? — спросил он.

— Нет, они просто дерутся, Гус, — сказал кто-то. — Я думаю, дело идет к концу.

Эдди наконец-то встал. Оба бойца утомились и вряд ли могли говорить. Я показал Джонни — молчи, мол, но он меня не видел. Этот шериф ничего не имел против драк, но терпеть не мог ругани.

— Оставь в покое девчонку, понял? — сказал Джонни. — Хер ты собачий, вот ты кто.

Эдди пошел искать сапог, а шериф ухватил Джонни за руку.

— Мне не нравится, когда так ругаются, — сказал он. — И вообще — кто начал драку?

— Я, видит Бог, — сказал Джонни. — И, видит Бог, я ее закончил. И тебя мог бы запросто отметелить, если бы не твой сраный значок.

Дурацкое заявление, ничего глупее нельзя было придумать. И шериф поволок Джонни.

— Я не потерплю, чтобы имя Господа поминали всуе, — говорил он. — Даже во время Рождества. Что, если бы тебя слышали леди?

И они удалились.

— Гус его не отпустит, — сказал тот же мужик. — Он терпеть не может, когда ругаются, и я с ним согласен.

— Но, знаешь, — сказал другой, — в этом графстве Гуса больше не выберут. Люди неблагодарны.

Я станцевал вальс с Молли и сообщил ей, что все о'кей.

— Они не покалечились, — сказал я. — Эдди придет, как только отыщет сапог. А мне, наверное, нужно отвести лошадь Джонни к тюрьме. Может, удастся уговорить шерифа, чтоб он его отпустил.

Узнав, что никто не убит, Молли почувствовала облегчение.

— Я хочу проводить тебя домой, — сказал я. — Несмотря на шикарный автомобиль Эдди.

— Я злюсь, когда ты так говоришь об Эдди, — сказала она. — Разве преступление работать на нефтяной вышке?

— Да нет, какое уж преступление. И спорить с такой сладкой девушкой, как ты, я не собираюсь.

— Хорошо бы, чтоб Джонни отпустили, — сказала она. — Передай ему, чтобы ко мне заехал, когда сможет. Жалко, что из-за меня у него такие неприятности.

На улицу она со мной не вышла, даже на секунду, — наверное, не хотела, чтоб мы столкнулись с Эдди, но я выудил у нее обещание прийти на следующей неделе к нам, помочь резать хряков. Тогда я и вручу ей рождественский подарок. Ох, как мне не хотелось оставлять ее здесь на танцах.

Шериф не отпустил Джонни, наверное, тот продолжал его доставать всю дорогу до тюрьмы. Это был особенный шериф. Он никогда не сердился и никогда не веселился.

— Этот парень много сквернословит, — заявил он. — Я этого не люблю, особенно когда присутствуют леди. Это позор для всего графства.

— Я вас понимаю, — сказал я. — Если вы разрешите мне его забрать, я его быстро вывезу из города, и он никому не сможет причинить вреда.

— Нет уж, пусть побудет тут, — ответил шериф. — Поставь его лошадь в сарай. Ему нужен урок. Я хочу с ним побеседовать, прежде чем выпустить. А он уже спит.

И я ехал домой в одиночестве — целых восемнадцать миль.

12

Папа решил, что резать свиней самое время в среду перед Рождеством. Нужно было забить четырех больших хряков. Три туши предназначались для продажи, и покупатели пришли нам помочь. Отец сам съездил и позвал Молли, чтобы она готовила еду для рабочих. Джонни, конечно, тоже был здесь, но только путался под ногами. Если из-под него вынуть лошадь, толку от него никакого.

День удался. Свиней разделали быстро, и Молли приготовила замечательный обед. После обеда мы стали варить мыло и жарить шкварки, а покупатели погрузили свою свинину и отправились восвояси. Дело было к вечеру, мы выскребли все котлы, а Молли осталась, чтобы состряпать нам ужин. Папа подарил Джонни четверть туши, тот пожелал нам всем веселого Рождества, привязал свинину к седлу и отправился домой. Я посмотрел ему вслед и на мгновение ощутил печаль. Молли никогда не выйдет за него замуж, но вдруг я подумал, как было бы здорово, если бы все сложилось иначе.

Мы с папой сидели на кухне за столом, горели лампы, было тепло и уютно. Молли колдовала у плиты, не обращая на нас внимания. Девять лет мы стряпали сами и считали, что все у нас получается прекрасно, но когда ужин приготовила и подала Молли, вся наша прежняя жизнь показалась бесцветной и скучной. А тут дом вдруг стал полным. Даже папа что-то такое почувствовал.

— Спасибо, что ты нас кормишь, — сказал он. — Лучшего подарка на Рождество не придумать.

Она повернулась и долго на него глядела, держа в руках сковороду с лепешками и соусник, и я не думаю, что она хорошо его расслышала. Она просто улыбнулась и вернулась к стряпне. Папа ничего такого больше не говорил. Бедный папа, он казался очень усталым, видно, уже нехорошо себя чувствовал. Мне так кажется. Но он ни словом об этом не обмолвился.

Молли накормила нас мясом с бобами, лепешками с соусом и пирогом. Мы здорово наелись. Я не мог отвести от нее глаз и только про то и думал, как бы уговорить ее выйти за меня замуж. Тогда бы она была здесь круглые сутки. Она села на другом конце стола и спокойно пила кофе. Мы все молчали, но молчание было легким.

Папа собрался спать и предложил заплатить Молли, но она, конечно же, отказалась. Тогда он велел ей забрать с собой четверть туши и шкварок, а мне — проводить ее до дому, чтобы ничего не случилось.

Он ушел, и мы остались в кухне вдвоем.

— Поехали к нам, Гид, — сказала Молли. — Папа уехал в Уичито. Сегодня тебе не придется с ним цапаться.

— О'кей, — ответил я.

У нее мы развели огонь в камине и долго сидели перед ним. Я вручил Молли рождественский подарок, только пока не разрешил вскрывать. Мы сидели, не разговаривая, даже не целуясь, ничего такого вообще, мы просто отдыхали вместе. Потом она наклонилась вперед, вынула шпильки, потрянула своими

длинными волосами и прижалась ко мне. Пламя играло на ее лице, глазах и губах. Я чуть не потерял сознание, так я ее любил и ею восхищался. Я ее обнял, она захотела пойти в спальню и по дороге вытащила рубашку из юбки. Было очень холодно, мы укрылись одеялами и через некоторое время согрелись, стало уютно и тепло, только ее пальцы остались холодными. Старика не было, и нас ничто не удерживало. Но я так разволновался, что у меня ничего не получилось. Видно, я мало соображал в этих делах.

— Черт бы меня побрал, — сказал я. — И впрямь, тебе стоит выйти замуж за кого-нибудь другого.

— Помолчи и успокойся, — сказала она и меня поцеловала.

— Зачем ты со мной только связалась, — сказал я.

— Ты мой любимчик, — сказала она. — Ничего страшного. Ты просто по Мне с ума сходишь. Я это вижу и этого хочу. Давай поспим, милый.

И я заснул. В жизни так замечательно не спал. Даже когда проснулся, не мог поверить, что можно так хорошо спать. Глаза Молли были еще закрыты, и я ее обнимал. Чистая радость. Потом я ее разбудил, потому что мне стало одиноко. Мы ласкались и болтали. Но она так и не пообещала выйти за меня.

— Это было бы ошибкой, — сказала она. — В этом смысле я тебя не люблю.

Она склонилась надо мной, и ее волосы касались моей груди.

— Но ты-то меня любишь, так ведь? — произнесла она, будто раньше это ей не приходило в голову. — И любишь именно в этом смысле, Гид. Это грустно. Я в этом смысле никого не люблю.

Она надолго уткнулась мне в шею, и я чувствовал ее дыхание.

На заре мы встали и плотно позавтракали. Нам было весело. Я поехал домой и принялся за работу, и все у меня ладилось. Но на следующее утро я проснулся в такой тоске по ней, что просто тошнило. Целый день мне мерещились ее волосы и лицо надо мной.

13

Январь выдался теплым, похоже, что и вся зима обещала быть теплой. Джонни возился с коровами, отец помаленьку ковырялся то там, то здесь и по-прежнему чувствовал себя неважно. Четыре дня подряд я таскался по дурацкому полю вслед за дурацкими мулами, непрерывно думая о Молли и о том, когда же мне наконец удастся с ней увидеться.

А потом, поздним утром в понедельник, ко мне на поле прискакал Джонни, свернув по пути на Дальнее пастбище. Он остановился в стороне, и конь его нерешительно перебирал ногами. Я махнул, чтобы он подъехал поближе. Мне все равно уже осточертело ломать ноги по комковатой земле. Джонни спешился, и мы присели у плуга.

— Ты не засох от работенки? — спросил Джонни.

— Нет, я ее обожаю, — сказал я. — Всю оставшуюся жизнь только бы и пахал. А ты чего грустный?

— Наверное, из-за Молли. Если бы меня так к ней не тянуло. Если бы. А то она меня ни в грош не ставит. Обращает внимания куда меньше, чем мне бы хотелось. Что-то у нее с мозгами не в порядке.

— У нее вывихнутые мозги, — сказал я. — Что она опять учудила?

— Ничего нового, — кисло сказал он. — Прошлой ночью я скакал черт знает откуда, чтоб ее навестить. А тут, глядь, стоит автомобиль этого долбаного Эдди. Я даже заходить не стал.

— Ты их видел?

— Я заглянул в окно кухни. Он сидел и жрал коблер, а она вокруг суетилась, будто он хозяин какой.

Мне стало просто дурно. Минут десять мы молчали, в голову ничего утешительного не шло.

— Дело дрянь, — сказал я. — Уедем куда-нибудь. Не я буду, если останусь здесь пахать, пока она поит коблером какого-то Эдди. Поехали в Панхендл, покажем им всем.

— Хорошо, — сказал он. — Ты прекращаешь пахать прямо сейчас?

Я перестал пахать, поехал домой на муле и его распряг. Папа сидел у печки и ковырял мозоль на пальце. Он выглядел утомленным, но мне в этот момент было не до сочувствия.

— Папа, — сказал я, — все очень плохо. Мне осточертело тут. Мы с Джонни поедем на равнины. На какое-то время. Я надеюсь, ты в состоянии нанять работников.

— На равнины? — сказал он. — Значит, керосинщик вас выживает?

— Ничего подобного, — ответил я. — Мне жалко, что ты останешься один.

— Я, пожалуй, справлюсь, — сказал он. — Справлялся всегда.

Он собрался заявить еще что-то, поэтому я заткнулся.

— Сообщай иногда о себе, — это было последнее, что он сказал.

В тот же вечер мы уехали в Хенриетту и там наняли одного знакомого, чтобы он отогнал наших лошадей домой. Мы выпили и расслабились, а около полуночи погрузились в поезд, шедший на север.

Около часу дня мы вышли в Кларендоне. Подняв воротники, мы пошли вниз по улице, разглядывая город. Прогулка могла быть приятной, если бы

нам не пришлось тащить наши седла.

Похоже, что нам повезло: мы сразу же наткнулись на конные торги. Продавалась пара сотен мустангов, пригнанных из Нью-Мексико, а вокруг них толпились десятки скотоводов. Поосмотревшись, мы заприметили птицу попроще — одного забавного старика — и спросили его, где пара ковбоев могла бы подыскать работу.

— Ковбои это вы? — спросил старик дружелюбно. — А что вы вообще умеете? Например, объезжать мустангов?

Старик был неряшлив, а одному его уху не хватало половины.

— Умеем, — сказал Джонни. — Оба умеем.

Что было откровенной ложью — он смог бы усидеть на мустанге только если у того стреножить все четыре ноги. В седле он держался классно, но объезжать лошадей не умел.

— Объезжать мустангов умею я, — уточил я, — а он умеет все остальное.

— Меня звать Гринсом, — представился старик. — Мнегодились бы пара помощников. После торгов нужно отогнать домой гурт лошадей, а потом кто-то должен их объездить, сам я этим заниматься не собираюсь. Едем со мной. Неделю я на вас погляжу. Плачу доллар за каждого мустанга, а потом, если мы поладим, — пятнадцать в месяц, плюс постель и стол. Идет?

Не жирно. Сам мистер Гринсом показался мне такой засушкой, что я не мог поверить, будто он владелец приличного ранчо, но Джонни решил, что условия подходящие, и мы нанялись. Выяснилось, что у Гринсома тридцать восемь акров земли. Он купил девятнадцать лошадей и доверил нам с Джонни самим решать, как мы их погоним к нему на ранчо.

Джонни в роли объездчика мустангов — сплошной смех. По дороге на ранчо мустанг сбросил меня только раз, да и то случайно, просто я зазевался. Джонни свалился четыре раза.

— Так ты ни одного мустанга не объездишь, — сказал ему мистер Гринсом после четвертого падения.

К этому времени Джонни был уже почти калекой и со злости решил во всем сознаться.

— Черт, я никакой не объездчик, — заявил он. — Гид это дело знает, ему оно нравится. А я — ковбой. Мне нравится ездить на лошадях, которые уже кое-что умеют. Я люблю спокойно работать. Я пробуду у вас неделю, и если вы не убедитесь, что я лучший помощник из всех, кто у вас когда-нибудь работал, то гоните меня в шею немедленно.

Мистер Гринсом развеселился.

— Мои мальчики устроят вам небольшой экзамен, — сказал он.

И в самом деле, он имел в виду *своих* мальчиков. Он жил с добродушной толстухой-женой и семью взрослыми сыновьями и гонял их куда сильнее, чем наемных рабочих. У всех парней были имена с «Дж»: Джимми, Джонни, Джерри, Джо, Джейки, Джей и Джордман. Мы с Джонни, батраки и семеро хозяйских сыновей спали в огромном сарае с нарами. Ужинали в большом доме, и миссис Гринсом рассказывала, что после появления четвертого мальчика в доме стало слишком шумно, и, когда дети подросли, их переселили в барак для ковбоев. Куда этот шум подевался — не знаю, каждый из них произносил после еды: «Спасибо за ужин, мама, все очень вкусно» — и больше ни звука.

Нам с Джонни показалось, что попали мы в довольно странную семейку. Но два других ковбоя — Эд и Малонус — вот они-то были твердо убеждены, что хозяйева у них с придурью. Они так обрадовались появлению новых помощников, которые не имели отношения к семье, что чуть нас не расцеловали.

Наутро старик спросил меня, в самом ли деле я берусь объезжать мустангов. За доллар каждого, как и договаривались, ответил я.

— Ну, и скольких ты обкатаешь за день? — спросил он.

— Часам к трем — всех. Осталось только восемнадцать, — сказал я. — На одном я ездил вчера.

Не поверил, похоже. Отослал куда-то Джонни, своих парней и ковбоев, а сам целый день крутился возле конюшни, работая что-то по мелочи, а краем глаза присматривая за мной.

А мне было все равно. В то утро я был в ударе. Даже холод меня не брал. Я приготовил крепкие удила и направился к мустангам. К обеду я справился с шестью, а еще с шестеркой — за следующие три часа. Я даже оседлал по второму разу тех, кто оказался слабым учеником, и проехался на них заново, чтобы старик не платил денег зря. К тому времени он уже сидел на заборе. Держу пари, за день он сжевал целую пачку табака. Я закончил и отпустил лошадей пастись, и он отправился в дом, не сказав ни слова. Мне было все равно. Лошади сбрасывали меня семь раз, я заоченел, все у меня болело, но чувствовал я себя на миллион долларов. Наверное, я мог бы объездить и пятьдесят лошадей, но только пусть бы кто-нибудь их для меня седлал.

Вечером старик учудил. Он взял да и заплатил мне за ужином.

— Мать, ради Бога, — сказал он. — Вели этим парням замолчать.

Хотя они и так молчали.

— Я хочу, чтобы вы все слушали, — сказал он. — Вот парень, который умеет работать по-настоящему. Сегодня он объездил восемнадцать лошадей. Я сам видел. И еще одну — вчера.

Я смутился. Старик встал, проковылял в спальню и принес оттуда мешок, в котором побрякивал металл.

— Я плачу тебе прямо сейчас, — сказал он. — Пусть это раззадорит моих парней.

И он отсчитал мне девятнадцать долларов серебром. В комнате слышался только звон монет. Даже когда я клал деньги в карман, все молчали как рыбы. Позже Эд рассказал мне, что своим парням старик вообще никогда не платил, только давал им по доллару на Рождество. Я не сильно этому удивился. Мистер Гринсом — не первый скупердяй, которого я встречал.

Неделю мы поработали на славу, легко поладив с другими работниками.

А потом Гринсом послал нас на большое пастбище поискать больных телок — вот и вся работа, которая для нас имелась. И тут я решил, что с меня довольно. Я натянул поводья и остановился.

— К черту, — сказал я. — Возвращаюсь домой.

Мы повернулись спиной к ветру и смотрели, как он шарит по пустым равнинам. Джонни сделал попытку меня отговорить, но у него ничего не вышло.

Наверное, нам следовало пожать друг другу руки, но мы этого не сделали. Он слегка кивнул, повернул лошадь, пригнулся и направился к северу, навстречу ветру. Я постоял, глядя, как Джонни пересекает продуваемое насквозь

пастбище. Потом поехал на ранчо, заявил об уходе и уговорил старика одолжить мне лошадь до Кларендона.

14

Помню, как наутро после моего возвращения папа заглянул в мою комнату, но не стал будить. Я уже почти проснулся и видел, как он постоял в дверях и вышел, видно, решив, что мне нужно отдохнуть с дороги. Я провалялся в постели до девяти.

Когда я наконец оделся и вышел во двор, он загружал ясли сеном. Утро было холодное, даже земля заиндевила.

— Ну, как дела в Панхендле? — спросил он. — Похоже, ты разбогател быстрее, чем я думал. Или быстрее разорился. Так что?

— Да нет, я просто по дому соскучился, — ответил я. — Как тут дела?

— Все разваливается, — сказал он. — Особенно я. Загляни-ка к лошадям. Парочку нужно перековать, а у меня сил нет.

Выглядел он скверно. Как я и думал, он не нанял ни одного работника. И не лукавил, говоря о развале. Он вдруг стал совсем худым, а был всегда крупным, в теле. Поначалу я подумал, что он перетрутился, но все было хуже. Он был болен и потерял свой кураж, а руки утратили ловкость и хватку. Но к врачам не обращался ни за какие коврижки.

Мне стало стыдно, что я бросил его одного. Конечно, останься я, здоровье его лучше бы не стало, но мне было бы полегче.

— Черт возьми, папа, пора сходить к врачу, — сказал я. — Может, тебе нужно просто какое-нибудь лекарство для бодрости. Что ты упрямишься?

— Я не упряплюсь, — ответил он. — Не хочу платить врачам, они скажут мне то, что я и без них знаю. От старости нет лекарства.

— Ты просто скупись, — говорил я. — Нельзя рисковать здоровьем из-за нескольких долларов.

— Ну да, я скупой, — сказал он. — А еще я богат.

— По тому, как ты живешь, — не скажешь.

— Это потому, что я хочу остаться богатым. Самый простой способ обнищать — начать жить, как богатый.

Ничего я не мог с ним поделать. День изо дня он продолжал работать, в холод и в зной. И сам не замечал, что толку от него никакого. Девять десятых делал я, а он только меня погонял и изматывал. Работа была занудной, тяжелой и постылой, без всякой радости: я перекидывал жмых и сено, кормил скотину, строил заборы и делал еще много чего, кроме этих обычных зимних дел. Только через три недели после возвращения я наконец увиделся с Молли.

Вдруг однажды она приехала сама, приготовила для нас ужин и, наверное, сразу же разглядела, как плох стал отец. Но виду не подала, целый день была весела и ни словом не обмолвилась об этом. Только стала приезжать два-три раза в неделю, чтобы нам готовить. Иногда приезжала так рано, что успевала выехать со мной на пастбища и вообще — помочь по хозяйству. Меня ее приезды радовали, я балдел от нее все сильнее. Так было одиноко, я так уставал, так беспокоился об отце, а тут рядом вдруг появлялся свой теплый человек. Но, что бы я ни втолковывал ей, выйти замуж за меня она не соглашалась.

— Я знаю, что ты этого хочешь, Гид, — говорила она. — Но если я соглашусь, все плохо кончится. Ты пожалеешь, что ко мне сватался.

— Неправда, — сказал я. — Никогда не пожалею.

Она немного подумала и улыбнулась, улыбнулась грустно.

— Или я вдруг пожалею, — сказала она. — И это тоже будет плохо.

Однажды вечером, когда папа ушел спать, мы сидели у камина и говорили о нем. Только с Молли можно было так замечательно посидеть у огня. Каждый раз, когда она приезжала, мы старались урвать время для нас двоих, и только тогда я мог слегка расслабиться.

— Постарайся уговорить его пойти к доктору, — сказала она. — Иначе он всерьез заболеет.

— Он упрям, как черт, — сказал я. — Не идет, и все тут.

— Не ругай его, — сказала она. — Он очень хороший. Никто так не добр ко мне, как он, даже ты.

При чем тут оно было, не знаю, но походило на правду. Папа всегда давал ей понять, что лучше ее никого на свете нет.

— Не может же он умереть, — сказал я. — Ты как думаешь?

— Может, Гид. Он становится все слабей, — сказала она и обняла меня.

Я испугался и задумался. Представить себе, что папы нет рядом, что он перестал командовать? Нет, невозможно. Несмотря на болезнь, он был вездесущим и никогда не пропускал ни единой мелочи. Жить было его естественным состоянием.

— Да ну, брось. У него ни минутки свободной, некогда ему умирать, — сказал я.

— Хорошо, что мой папа в полном здравии, — сказала она. — Он до ста лет проживет. Если бы он умер, я бы свихнулась.

— Никто не вечен, — сказал я. — А у меня в голове всегда сидело, что папа меня переживет, — смешно, да? Про то, другое, и не думал никогда.

Мы сидели и долго об этом соображали. Я не верил. Знал, что когда-нибудь это случится, но поверить не мог. Не верил, что его не станет.

Иногда жизнь показывает гнусную козью рожу. Мы вот жалели моего папу, а буквально через три дня отец Молли в поисках виски ввалился в свою коптильню и хватанул по ошибке изрядный глоток из бутылки со щелоком, который его и убил. Из коптильни он так и не выбрался. Его нашел Эдди, он там ошивался в это время со своим дружкой, они выпивали со стариком. Вечер был пыльный и ветреный. И, как только я туда приехал, Молли мне сказала:

— Вот, Гид, мой бедный папочка так и не дожил до ста лет.

В ту ночь она чуть не свихнулась.

А я окончательно утратил уважение к Эдди Уайту. Наверное, он просто боялся мертвецов. Как бы там ни было, он послал к нам на машине своего дружка с сообщением о происшествии. Папа уже спал, я не стал его будить. Оставил ему записку на кухонном столё, чтоб утром он ее увидел. Потом оседлал лошадь и помчался, а когда я туда добрался, Эдди со своим дружкой собирались восвояси. Уж не знаю, куда они так спешили, но все равно — бросили Молли одну с мертвым папашей, а этому, будь ты как угодно пьян, — оправдания нет. Я нашел ее на кухне, она надрывно рыдала, даже не зная, что Эдди уехал. Тело старика лежало на кровати в спальне, накрытое пледом. Про Эдди я не сказал ни слова, и она тоже — наверное, просто забыла, что он тут был.

Она все хотела что-то сделать для покойного, например, обмыть его. Но не

желала входить в его комнату вместе со мной, а я не хотел пускать ее туда одну, чтобы она опять не разрыдалась. Я заставил ее выпить кофе, вытер ей лицо полотенцем, а потом мы помыли посуду. Посуды накопилось много, видно, она кормила ужином Эдди и его приятеля. Уборка ее чуть-чуть успокоила. Когда мы привели кухню в порядок, я велел ей держать лампу, а сам попытался выпрямить тело старика. Выглядел он ужасно, а я понятия не имел, что и как нужно делать. Стащил с него сапоги, обтер его, уложил и прикрыл поаккуратней. Напрасно Молли пришла со мной — ей стало дурно. Ее стошнило прямо в спальне, а потом я отволокнул ее в уборную и держал ее голову, пока желудок не освободился совсем. Она была бледна, ее колотило. В спальне я помог ей раздеться, натянул на нее ночную рубашку и уложил в постель. Пока я наводил порядок в уборной и другой спальне, она все плакала. Потом я притушил лампу на кухонном столе и лег с нею рядом. Она думала, что кто-нибудь может прийти, например, Эдди, ей казалось, что он поехал куда-то, чтоб сообщить о смерти старика. Я-то не верил, что он сообщит хоть кому-нибудь, и так оно и случилось.

— Что мне делать, Гид? — говорила она. — Ты же знаешь, без папы мне не прожить.

— Успокойся, милая, — отвечал я. — Давай я тебя крепко-крепко обниму. Давай немного помолчим.

С полчаса ее глаза были широко раскрыты, вся она была напряжена, но потом согрелась, расслабилась и уснула. Я пролежал без сна всю ночь, обнимая ее, а она не пошевелилась до самого утра. Когда посветлело и она проснулась, я по-прежнему обнимал ее. Момент, в который она вспомнила о том, что случилось, я уловил совершенно ясно и испугался, что она снова раскиснет. Только ничего такого не произошло. Она очень серьезно поцеловала меня, потом встала и прибрала волосы. Она так и не заплакала, пока не приехал мой папа и не стал собираться остальной народ.

Последний приличный дождь, похоже, что последний на веки вечные, прошел в начале февраля. За март не выпало ни капли, и к середине апреля пастбища выглядели, как в июле. Погода не прибавляла бодрости духа ни мне, ни папе. В чертовом пекле нужно было кормить скот, а папе такая тяжелая работа была не под силу. Так что я вертелся между засухой и папиной болезнью.

Однажды утром я столкнулся с Эдди. Я подкармливал коров на пастбище Реки. Целый час я драл глотку, чертовы коровы прекрасно меня слышали, но так раскисли от жары, что им было лень шевелиться, чтобы подойти к телеге. Подползло не больше шестидесяти пяти или семидесяти голов. Только я начал их кормить, как из кустов с наглым лаем пулей вылетели три лопоухих пса. Коровы рванули врассыпную. Я слез с телеги, отогнал собак, еще раз собрал в кучу глупых телок, но, будь я проклят, собаки снова их разогнали. Я вскочил в седло, приготовил лассо и погнался за псами. Поймать не поймал, но пару ихлестал до полусмерти. Третий оказался здорово юрким. Возвращаюсь назад к телеге, сматываю лассо, а тут по луту ко мне подгребают Эдди. Я мог бы и сразу догадаться, что собаки его, — в эту пору только ему хватало времени носиться за этими тварями. Он был в старом джемпере цвета хаки, залатанных штанах и брезентовых сапогах, а рожа его не встречалась с бритвой вот уже дней десять, не меньше. Мы оба были в бешенстве. Но начал я все же довольно вежливо:

— Здорово, Эд.

— Черт бы тебя побрал, Фрай, — заорал он. — Ты что сделал с собаками? Где мне их теперь искать? Я гонялся за ними целое утро, а теперь все опять по новой.

— Я тоже за коровами гонялся, а теперь они разбежались, — ответил я. — Твои собаки жрать захотят, так домой прибегут, скажешь нет?

— На хрен они мне дома? — сказал он. — Может, я хочу еще немного поохотиться.

— Слушай, ты... — заявил я. — Мне твои желания до жопы, ясно? Я хочу, чтобы ты со своими псами убрался вон с моего пастбища. А если они еще раз напугают мне стадо, так нежно все не кончится. Они у меня будут ежами срать.

— Эй, готовься, сейчас схлопочешь по заднице, — сказал он.

Я слез с лошади.

— Ну, начинай, — сказал я. — У тебя пожрать есть с собой? А то проголодаешься, пока до дому доберешься.

— Ладно, отдохай, — сказал он. — А то придется волочь тебя в больницу. Отложим на потом. А ты запомни.

— Не тяни резину, а то состаришься, — сказал я.

— И вот что, — продолжал он. — Оставь в покое мою жену. Даже близко к ней не подходи.

— Кого в покое оставить? — переспросил я.

— Мою жену! — рявкнул он. — Не приближайся, понял?

Меня ударила молния — не быстрая, а медленная-медленная: будто, пронизывая насквозь, вошло огненное сверло. Когда оно достигло пяток, я превратился в настоящий чурбан. И не мог произнести ни бе, ни ме.

— Похоже, ты малость удивлен, — сказал он. — Ну что ж, это тебе урок. Тебе и твоему пердиле-корешу. Мы женаты три недели, и она — настоящий персик. Мы оба в отпаде друг от друга. Никогда у меня не было женщины, у которой бы так от меня ехала крыша. Ну, почему не слышу поздравлений? — он подмигнул и расплылся в улыбке.

16

Папе становилось все хуже. Хотелось поговорить о нем с Молли, но время, когда это было возможно, ушло навсегда. Пару раз я наведывался к Мейбл Петерс. Приятная она девушка, да толку от нее мало. Она отчаянно хотела за меня замуж, и я сам начал к этому склоняться: хуже, чем есть, все равно не будет, а кто-то ведь должен стряпать и заниматься домом. Я было хотел нанять женщину, но папа не позволил.

Однажды мы с ним отгоняли небольшой гурт скота на Дальнее пастбище. На обратном пути остановились на Бугре передохнуть, и тут у нас произошел разговор. День был хорош, пахло весной, распустились кусты мескита. Папа спешил, чтобы отодрать с себя чертополох, и сказал, что пока ему неохота обратно в седло. Мы присели под дубом и начали говорить. Теперь мне уже нравилось с ним беседовать. Видно, чтобы так получалось, мне нужно было потратить много времени. Мы сидели и видели чуть не полграфства, до самых бугров на Западе над Луковичным ручьем, где кончались отцовские владения.

— Хорошее у меня ранчо, — сказал он. — Это единственное, что меня радует. Лучшей земли нет во всем графстве.

Пожалуй, он был прав. Только я особой радости в этом не видел.

— А еще хорошо, что я поизносился куда больше, чем эта страна. Не хотелось бы состариться в измочаленной стране.

— Ни черта ты не поизносился, — отрезал я. — Ты просто зануда. Полежал бы в больнице немного и поправился бы.

Он помолчал.

— Конечно, паршиво, что она за него вышла, — сказал он, глядя вдаль. — Она будет хорошей женой. И вот что, сын, я тебе скажу: женская любовь, она как утренняя роса, одинаково ложится что на розу, что на кусок дерьма. Будет лучше, если ты ее в себе переборешь.

— Мне теперь не так уж больно, — сказал я. — Только вот какого черта она выбрала такого подонка? Никак не возьму в толк.

— Ну, у нее хватит мозгов, чтобы постоять за себя, — сказал он. — Их у нее куда больше, чем у тебя. Она справится.

— Да нет у нее никаких мозгов, чтобы справиться, — возразил я.

Запах весны поднимался от земли сквозь траву и растекался вместе с легким ветерком. Было жутко, что папа чувствовал себя так плохо в самое лучшее время года.

— Я виноват, что ты не добился своего, — сказал он. — Я всегда тобой командовал. Слишком мало давал тебе воли. А она с пеленок была сама по себе.

— Поехали домой, — сказал я.

Когда мы доехали до гумна, был уже поздний вечер и последние солнечные лучи играли на флюгере. Отец устал. Он выпил немного пахты и пошел спать. Казалось, что наконец-то он обо мне чуть-чуть забеспокоился.

— Ты все же упрям, — сказал он. — А от упрямства происходят большие

неприятности.

Следующим утром он меня не разбудил, а когда я спустился вниз, на столе лежала записка.

Дорогой Гид,

Ужасная ночь. Нет смысла терпеть все это.

Пожалуй, отправлюсь я в горы и отпущу своих коней. Знаешь эту песню, она очень старая?

Заботься о ранчо как следует, оно замечательное, не доверяйся первому встречному дураку. Побольше работай на воздухе, это полезно для здоровья.

Скажи мисс Молли, что я ценю ее помощь, скажи просто — благодарю, а Господь ее не забудет.

Таких длинных писем я не писал уже лет десять, оно становится слишком длинным. Обязательно почини ветряк, там, кажется, нужно заменить шток.

Твой Отец

В кладовке не оказалось ружья, и я понял, что это именно ТО. Я сел и обхватил руками голову. Ох, как нужно было, чтобы со мной оказались Джонни или Молли. Но никого не было. Я вышел во двор, остановил ветряк, потом снарядил повозку, положил в нее тент и поехал прямо к холму. Я нашел папу на западном склоне. На нем были чистые джинсы и рубашка цвета хаки, он был без шляпы и лежал на траве лицом к небу. Увидев его, я почему-то не испугался. Он лежал естественно и удобно, просто мой папа. Я втащил его в повозку, отвез домой и положил на диван в гостиной, накрыв одеялом. В пыльной, прохладной, сумеречной комнате все выглядело гораздо хуже, чем на солнце. Мне страшно не хотелось, чтобы именно я назвал его мертвым. Я долго не мог привыкнуть к его смерти. Даже три месяца спустя я все еще удивлялся, когда утром меня никто не будил.

Оказалось, что папа пользовался куда большей известностью, чем мне казалось: похороны были многолюдными, и произносилось много речей о том, каким славным первопроходцем он был когда-то. Только пользы от этого не вышло — ни ему, ни мне. Но больше всего меня напрягала неизбежная встреча с Молли. После того как я съездил в город к гробовщику, меня стали навещать разные люди, некоторые привозили еду. И Молли, конечно, тоже приехала. Она привезла пирог. Мне это показалось таким странным, что даже разболелась голова. Я понимал, что под впечатлением недавней смерти своего отца она искренне хотела мне помочь, но чем тут можно было помочь? Все приехавшие старались меня приободрить, но от всего этого моя тоска становилась еще черней. То и дело я ловил взгляд Молли, она была грустна и все плакала, и я жалел, что не подошел к ней, не обнял и не сказал, что, мол, все о'кей. В конце концов коротко мы все же поговорили.

— Молли, — сказал я, — одно из последних папиных желаний было, чтобы я поблагодарил тебя за помощь зимой.

— Хорошо бы, Гид, если бы ты навестил меня как-нибудь, — сказала она. — Когда все это закончится.

И она тут же уехала. Потом я видел ее издали на похоронах. Эдди тоже был там. Не было только Джонни. Я написал ему открытку, но он на нее не ответил. Он вернулся только в сентябре, и мы снова хоронили отца: отвели на

холм его старую белую верховую лошадь, которую он звал Снегурочкой, и отпустили пастись на воле. На ней больше никто никогда не ездил. Папино седло осталось висеть в сарае. Изредка, когда ранним утром я занимаюсь хозяйством, мне кажется, будто папа и его старая лошадь где-то здесь, неподалеку, будто они плывут в тумане по пастбищам, осматривая новых телят.

17

Пару дней после смерти отца я всерьез хотел продать ранчо: плюнуть и податься куда глаза глядят, чтобы ничто не напоминало ни папу, ни Молли. Но потом передумал. Мне вдруг стало нравиться, что здесь все говорит об отце. Отвратительно чувствовать, что неподалеку Молли милуется с Эми, но бежать от них — жалкая трусость. Раньше я никогда тщательно не оценивал наши земли, землей занимался отец. Но теперь она мне нравилась.

Я перестал думать об отъезде, но о том, как мне тут жить, пришлось крепко призадуматься. Я понимал четко — я не отшельник. Остаюсь я дома в одиночестве, — через месяц окочурюсь от тоски. Получалось, что единственный выход — жениться на Мейбл. Девушек лучше, чем она, в графстве уже не оставалось, а мне казалось, что я смогу с ней поладить. Она будет благодарна, что я взял ее в жены, и не издаст ни единого писка в ближайшие пятнадцать лет.

Когда вернется Джонни, я найму его в помощь. Было бы неплохо прикупить еще кусок земли, если удастся. Довольствоваться тем, что я получил в наследство, — заурядная леность. Правда, Мейбл и Джонни не сильно любят друг друга, но я рассчитывал, что это сгладится, когда мы поженимся, и Джонни прекратит свои попытки залезть ей под юбку.

Я не замечал, как наступает вечер, пока вдруг не обратил внимание на отражение луны в корыте с водой. Дом казался таким неприветливым, что я оседлал Денвера и отправился в Талию, даже не поужинав.

Заглянув в окно с галереи пансиона, я увидел, что Мейбл еще не ложилась. Она сидела и штопала стеганое одеяло. Мне стало ее жалко. Когда я постучался, она накинула халат и открыла дверь.

— О, Гид, заходи, — сказала она. — Я только что думала о тебе. Ты какой-то понурый, — добавила она. — Хочешь горячего шоколада?

Я отказался. Ее комната сверкала чистотой.

— Я что-то не в духе, — сказал я. — Давай посидим на крыльце. Вечер теплый.

— О'кей.

Мы устроились на качелях, потихоньку раскачиваясь, а она, теплая, как грелка, приникла ко мне. Высоко над нами стояла луна, и я гадал, отражается ли она по-прежнему в корыте с водой там, на ранчо.

— Солнышко, давай поженимся, — сказал я. — Мне осточертело жить в одиночестве.

— Мне тоже, — сказала она и крепко сжала мне руку.

Я ее обнял и поцеловал, а потом встал, думая, что она сейчас переоденется, и мы пойдем разбудим мирового судью, все совершим и поедем до-; мой. Но она оставила меня в дураках. Никогда не видал, чтобы кто-нибудь еще так быстро маневрировал.

— Как я людям в глаза погляжу, если мы так скоропалительно поженимся? — заявила она. — О чем ты думаешь?

Выходило, что раньше, чем через две недели, нам не пожениться. Я не подозревал, что она такая несамостоятельная. Она даже не позволила мне у нее переночевать, и мне пришлось потратить пятьдесят центов на гостиницу.

Но я не уступал, не видел в этом пользы. На следующее утро я сказал ей, что не собираюсь ждать две недели, у меня слишком много дел. Тогда она решила, что мне нужно съездить на ранчо и одеться поприличнее. Пока я ездил, она уволилась с работы и уложила вещи. Вернувшись в город, я разыскал знакомого торговца и купил автомобиль. Если уж Эдди он по карману, то чем я хуже. Торговец показал мне, как с ним управляться, я подъехал к пансиону и уложил вещи Мейбл. Потом мы сходили к пастору Методистской церкви. День был отличный, и Мейбл нарядилась, как куколка. В шерстяном костюме я просто испекся. Пастор пригласил в свидетели свою жену и повенчал нас. Я заплатил ему три доллара. Мейбл висела у меня на руке всю дорогу до пансиона, и, было похоже, весь город уже знал, что мы свершили. Было неловко и жарко, но Мейбл мне не разрешила даже снять пиджак, пока мы не выберемся из города. С этим долбаным автомобилем на наших разбитых дорогах пришлось столько возиться, что я тысячу раз пожалел, что его купил. Но в конце концов до дому мы добрались, и я поставил его у задних ворот.

— Ну, вот мы и дома, — сказал я. — Муж с женой.

И я начал выгружать ее вещи с заднего сиденья.

— Как не стыдно, Гид, разве ты не поможешь мне выйти? — сказала она. — Похоже, мне придется тобою заняться.

И она немедленно перешла от слов к делу.

18

Кроме друг друга, за первый месяц нашей совместной жизни мы никого не видели. Наверное, с кем-то я встречался, но обменялся только парой слов, избегая всяких там длинных разговоров. От шуточек насчет молодоженов меня просто воротит. Можно лопнуть от смеха и без них — уже оттого только, что таковым являешься.

Не в том дело, что Мейбл оказалась никудышной. Она хороший человек, наверное, по-настоящему хороший, не какая-то там лентяйка и тому подобное. Она исправно выполняла свои обязанности и обихаживала меня куда лучше, чем это делал я сам. И часто я радовался, что она рядом.

Но, тем не менее, факт есть факт, а заключался он в том, что я совершил чудовищно необдуманный поступок. Когда я сообразил, насколько он был необдуманным, мне стало просто стыдно за самого себя. Право, я поступил, как десятилетний малец. Папа, пожалуй, верно говорил, что я совсем не умею понимать свою пользу.

Мейбл оказалась той еще штучкой. Я был уверен, что знаю ее вдоль и поперек, знал еще задолго до того, как к ней посватался. Но уже через две недели жизни вдвоем я сообразил, что даже полный идиот понял бы ее раньше и точнее, чем я. Она ставила себя гораздо выше, а меня — гораздо ниже, чем мне прежде казалось. За подарок судьбы она меня не признавала, а всячески давала понять, что я должен принимать за подарок судьбы именно ее. Она почитала себя первой красавицей графства, и никто не смог бы ее разубедить. Я было попытался, но бросил — пусть себе думает, что хочет.

Все, в сущности, сводилось к двум вещам. Во-первых, Мейбл не была щедрой. Наверное, у нее никогда не было возможности научиться щедрости. За каждый грошовый вклад она хотела получить с меня долларовую прибыль. И, кстати, — получала.

Во-вторых, я по-прежнему ходил с ума по Молли. Те несколько раз, которые мы были с нею вместе, весили куда больше, чем целая будущая жизнь с Мейбл. По отношению к Молли я был полон чувств, по отношению к Мейбл — нет. А Мейбл не испытывала никаких чувств ко мне.

И вскоре я снова начал пропадать возле скотины до самой темноты. Раньше мне не хотелось домой, потому что там пусто, а теперь — потому что не понимал, что мне там делать. Много раз я глядел на луну в небе и на ее отражение в корыте с водой и убедился в одном: ей, луне, на все наплевать. Что бы со мной ни происходило, ей было все равно. И всем остальным тоже, я чувствовал. Пришла наконец открытка от Джонни, но у меня не хватило пороку на нее ответить.

Такой тоски, как в тот первый месяц, я не испытывал никогда. Если тебе суждено одиночество, лучше быть одиноким одному. Но раз я сам отринул правильный выбор, так нечего киснуть. Что сделано, то сделано. Лучше попытаться извлечь из того, что есть, наибольшую пользу. Только что-то добра от этой пользы намечалось маловато...

19

Мы поженились в конце апреля и провели май вдвоем. В июне стало ясно, что нужно как-то выкручиваться, что-то делать с самим собой. Я так сник, что даже работа перестала мне быть в радость. Однажды утром, починив забор на северо-востоке, я решил, что пора навестить кого-нибудь из соседей. Ближе всех жила Молли.

Когда возле сарая я не увидел автомобиля, то вздохнул с облегчением. Глупо было бы поворачивать назад — решение поехать стоило многих сил. Молли развешивала белье на заднем дворе. Простыни трепетали на сильном ветру, и она меня не заметила. Она ни капли не изменилась — на ней были все те же джинсы и старая холщовая рубашка, хвостом выдернувшаяся из штанов. Один зажим она держала во рту, а еще несколько торчали из кармана рубашки. Спереди, где прикасались простыни, рубашка намокла. Распущенные волосы то и дело спадали на лицо, и она смахивала их рукой.

Я спешил, привязал Вилли к дереву мескита, вошел во двор и остановился возле ветряка у Молли за спиной. Занятно, смогу ли я что-нибудь произнести?

— Привет, соседка, — сказал я. — Как поживаешь?

Она обернулась, держа в руках скатерть. Казалось, что она вот-вот заплачет. Легкие тени лежали под глазами. Скатерть упала на траву, я бросился ее поднимать.

— Боже, Гид, — сказала она. — Ты меня напугал.

Я вдруг смутился. Присел, поднял скатерть, собираясь отряхнуть с нее траву. Молли тоже присела, положила мокрую руку мне на шею и поцеловала меня. Ее теплое, словно свет солнца, лицо было передо мной, я сел на траву и обнял ее.

— Ну, разве мы не настоящая супружеская чета? — сказал я.

Она улыбнулась, улыбка получилась недоделанной, ее рот задрожал.

— Наверное, похоже, — сказала она. — Я так рада тебя видеть. Пошли в дом.

Скатерть и зажимы остались лежать, где упали. Я помог Молли подняться, обнял ее за талию и спросил, не стоит ли развесить белье до конца. Она покачала головой.

— Нет. Давай посидим на погребке, — сказала она.

Погреб был каменным, его прогрело солнце. Она держала меня за руку.

— Где Эми? — спросил я.

— Отдохни, — ответила она. — Он в Оклахоме, уехал на буровую.

— Боже правый, — сказал я. — Ну и странный парень. Как это — взять да уехать и оставить такую, как ты? Не понимаю.

Она усмехнулась.

— Ты не Эдди. Он не семейный человек. Он бы спятил, если бы не мог болтаться по белу свету.

Меня подмывало спросить, какого черта она за него вышла, но я прикусил язык.

Молли все поглядывала на меня и поглаживала мою руку, улыбаясь.

— Ох, как я рада тебя видеть, — сказала она и меня поцеловала. Я приник к ней надолго, но потом сообразил, что мне следует ей, для нее, что-то сказать. Но она прочла мои мысли.

— Не деревеней, — сказала она. — От деревяшки никакой радости. Ведь сейчас только мы вдвоем, только ты и я.

— Знаю, — сказал я. — Слаще тебя я никогда никого не обнимал, и мне нравится это повторять. Но послушай, давай поговорим. Я женат, ты замужем, и я теперь не тот робкий малец, как когда-то.

— Ладно, — сказала она, улыбнувшись. — А робость тут при чем?

Она оторвала ниточку с воротника моей рубашки и погладила меня по шее.

— При том, — сказал я. — Она от поцелуев и объятий. Мне нужно или все, или ничего.

— Как мило, — сказала она. — Я всегда мечтала, что в один прекрасный день ты придешь готовый весь, целиком отдаться моей любви. Я надеялась, что рано или поздно так и будет.

Это заявление меня выбило из колеи.

— О Боже, радость моя, — сказал я. — Последние десять лет я только то и делаю, что целиком отдаюсь твоей любви. А может быть, еще дольше. И ты это прекрасно знаешь.

Она долго и немного грустно глядела мне в глаза, а один краешек ее губ был чуть-чуть приподнят.

— Да, тебе так кажется, — сказала она. — Но это не так. Это не так даже сейчас.

— Тогда что значит «весь целиком»? — спросил я.

Я глядел в ее лицо, такое близкое, и мне казалось, что любить сильнее, чем я ее люблю, невозможно. Но ее прохладный взгляд выводил меня из себя. Я был готов ее возненавидеть. Это было ужасно, этого мне совсем не хотелось.

— Ничего, кроме того, чтоб ты меня любил, — сказала она. — И ничего больше. Чтобы были только ты и я. А у тебя в голове то Джонни, то Эми, то

ранчо, то твой отец, или что подумают люди, или что правильно, а что нет. Всегда что-то вроде этого. Или ты думаешь о себе и решаешь, сильно ли я тебе нравлюсь. Или просто хочешь со мной лечь. Или тебе нравится думать о том, что я твоя девушка. Это не значит любить. Я это знаю точно.

— Только не тебе об этом говорить, — заявил я, имея в виду ее замужество с Эдди.

— Почему же? Я тебе всегда про это твердила, — сказала она. — К примеру, сейчас ты думаешь не обо мне, а об Эми.

Она улыбнулась и дотронулась до моей щеки, но я уже был вне себя, мне казалось, что лопнули все мои кровяные сосуды, я повалил ее на погреб, прижал и стал целовать. Позже я заметил, что у нее на ноге содрана кожа. Удивительно, как вся она не покрылась синяками. Она отвечала поцелуями на мои поцелуи, это длилось очень долго, и я понимал, что ничего, ничего не получается, — она от меня далеко. Я отпустил ее и посмотрел: она была холодна, а я внутри сжат, как пружина. Я не понимал ничего.

— Молли, что я должен сделать? — спросил я. — Ты чуть не свела меня с ума, понимаешь?

— Мне хотелось бы свести тебя с ума окончательно, — сказала она, прижимая мою руку к груди. Я ощущал, как она дышит.

— Я не знал, что ты такая, — сказал я. — Почему ты хочешь сделать мне больно?

— Ох, Гид, — сказала она со слезами на глазах. — Я не хочу делать тебе больно. Я хочу одного: чтобы ты хоть на секунду вылез из себя, тогда ты сможешь удержать меня. Я больше ничего не хочу.

Она заплакала, а я устыдился своей злости, продолжая злиться по-прежнему. Ну как она могла выйти за Эдди, а потом чего-то еще ожидать от меня? Но мне не хотелось, чтобы она продолжала расстраиваться.

— Я не знаю, как мне сделать то, что ты хочешь, — сказал я. — Я бы сделал, если бы понимал, как.

Она села, вытерла глаза и улыбнулась, а щеки ее все еще были мокры от слез.

— Я знаю, что ты не понимаешь, — сказала она. — Но, может быть, я смогу тебе показать.

Тогда она повела меня в дом, и там, после солнца, было гораздо лучше — прохладно и сумрачно. Я заставил, чтобы она позволила помазать йодом обдранное место у нее на ноге, и йод чертовски ее обжег. Я казался себе полным ничтожеством, раз поднял на нее руку. Но она не сказала ни слова. Я чувствовал себя больным, беспокойным, напряженным, как будто состоял из одних нервов, и тогда она все это вылюбила из меня, как какую-то лихорадку. После того как мы кончили, я еще долго не мог заснуть, не мог спокойно лежать в постели, потому что все еще чувствовал себя виноватым, а она была со мной, я помню ее лицо, — и наконец я заснул и прекрасно спал. Проснулся я, когда солнце светило вовсю, а комната была накалена. Молли, ничем не прикрытая, по-прежнему была рядом и держала мою руку на своей груди.

— Если у тебя получается заснуть, ты хорошо спишь, — сказала она. — Ты за четыре часа ни разу не шелохнулся.

Я притянул ее лицо к себе.

— Я тебя не отпущу, — сказал я. — Я отдам тебе все, что у меня есть. Ты

единственная, кто этого стоит. Знать не знаю, чего ты снова связалась с ничтожеством вроде меня, но теперь отступать уже поздно.

Она мотнула головой, смахивая волосы с глаз, но они снова упали, упали мне на лицо. Я пролежал целый час, прислушиваясь к ее дыханию и вдыхая ее запах. Было похоже, что она чем-то очень довольна. Хоть как-то мне удалось угодить ей, моей загадке. Солнце двигалось, его лучи переехали на нашу постель, мы лежали прямо в них, и тучи крохотных пылинок плясали над нами.

— Клянусь, ты пахнешь тыквой, Молли, — сказал я. — Никогда раньше этого не замечал.

— Может, раньше я пахла по-другому, — сказала она. — Я помираю с голода. Лежи, а я придумаю, чего поесть.

Я тоже был голоден, но не так, чтобы вставать. Никогда я не чувствовал себя так сладко и лениво. Остаться бы тут, в этой комнате, на парочку месяцев. Весь народ просто на уши встал бы. Молли вылезла из постели и собирала волосы, стоя у кровати, а солнечный луч упал прямо на ее живот.

— Ты просто картинка, — сказал я.

Она усмехнулась и натянула джинсы. Видно, я снова задремал. А когда открыл глаза, она сидела на кровати, скрестив ноги, и ела хлеб, запивая пахтой. Кроме джинсов, на ней ничего не было. Рядом на стуле стояла еда для меня: хлеб и пара кусков холодной курицы. Еда долго не продержалась. Когда мы поели, вся постель оказалась в крошках, а на верхней губе Молли красовалось пятнышко пахты. Я стер ее углом простыни. Я хотел, чтобы мы снова легли, но было так много крошек, что из этого ничего не получилось, мы оба встали, я натянул штаны, и мы перешли в гостиную, устроились на диване и немного поговорили, обнявшись.

— Когда я сюда ехал, то хотел задать тебе кучу вопросов, — сказал я. — Почему ты за него вышла, и тому подобное. Но вопросы я забыл, а если которые и помню, так ответы мне не интересны. Как ты думаешь, почему?

— Из-за меня, наверное, — сказала она.

Она где-то нашла леденец на палочке и теперь его посасывала, прильнув к моей руке. Она по-прежнему была в одних джинсах, совершенно расслабленная и в прекрасном настроении. Когда мы изредка целовались, к вкусу ее губ примешивался леденец.

— Я хочу, чтобы мы решили одно, Молли. Что нам делать с теми людьми, с которыми мы связаны, женаты? Ты хочешь, чтобы мы с тобой куда-нибудь уехали, или как?

— Ты хочешь уехать? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Это не для меня.

— Я рада, — сказала она. — Потому что я никуда не поехала бы. Я хочу всегда жить в этом доме.

Мы расстелили одеяло, вытянулись на полу в гостиной и пролежали так до самой темноты. Я не мог решиться ехать домой, а она меня не подгоняла.

— Гид, теперь я хочу родить ребенка, — сказала она. — Я уверена, из тебя получится отличный папочка.

— Боже милосердный, — сказал я.

В комнате стоял полумрак. Ее голова лежала у меня на груди. Не очень-то далеко мы отрывались друг от друга в этот день. Наверное, прежде она чув-

ствовала себя такой же одинокой, как и я.

— Ты странная женщина, — сказал я. — Почему ты не хочешь, чтобы отцом ребенка был твой муж?

— Ох, Гид, — сказала она. — Какой из него отец? Во всяком случае, не такой хороший, как ты. Ты ведь не против, правда? — спросила она очень серьезно. — Я имею в виду, чтобы у нас с тобой был ребенок. Конечно, он будет числиться ребенком Эдди, и знать правду будем только мы с тобой и ребенок.

Я долго все это обдумывал. Вот ведь как получается: я женат на Мейбл, а Молли — замужем за Эдди. Было странно представлять, что у Молли родится дитя, но если этому суждено случиться, я хочу, чтобы оно было моим.

— Конечно, я не против, любимая. Если ты хочешь, я тоже хочу.

Она обняла меня.

— Я знала, что ты когда-нибудь ко мне придешь, — сказала она.

В тот день мы больше ничего друг другу не сказали. Вскоре я встал и оделся, а она проводила меня до лошади. Там мы еще постояли, глядя на Млечный Путь, Большую Медведицу и другие летние звезды. Наконец я вспрыгнул в седло.

— Я буду приезжать при первой возможности, — сказал я. — О'кей? Но, наверное, всякий раз так надолго оставаться не смогу. Я буду по тебе скучать.

— О'кей, — сказала она. — Я тоже.

Домой я ехал при лунном свете. Он был таким ярким, что я хорошо разглядел, как впереди меня старый большой койот нырнул в заросли. Наверное, следовало сочинять, что соврать Мейбл, но вместо этого я думал о Молли, о том, какая она нежная. И одновременно в ней есть что-то суровое, как у моего отца. Я вспомнил весь день: как по-разному она выглядела, как утром вешала белье, а рубашка у нее выпросталась, как сидела на диване вечером совсем без рубашки. У нее такое изменчивое лицо, хотя вроде всегда одно и то же. Когда я ехал через Дальнее пастбище, мне навстречу заржала папина белая лошадь. Папы мне сильно не хватало.

20

Однажды в начале июня Мейбл встала в стервозном настроении и почти выгнала меня из дому. Покончив с хозяйственными делами, я помазал мазью пару приболевших телят и решил съездить в Антелопу, где мы всегда получали почту. А раз я буду там, то почему бы мне не нанять людей на молотьбу пшеницы. Вообще-то я тогда думал, что пшеница у меня в последний раз и больше ничего общего с фермерством я не допущу.

Оседлал я Диртдобера, самого старого конягу на ранчо, ему было не меньше двадцати трех лет, и на нем ездили только за почтой. Пожалуй, это и было главной ошибкой. Добравшись до Антелопы, я его привязал и дал ему хорошенько отдохнуть, а покамест переговорил с ребятами и нашел парня с молотилкой, который пообещал на другой день приехать на ранчо. Пока я болтался по городу, на северо-западе возникла отвратительного вида туча, и я подумал, что неплохо бы успеть добраться домой сухим. Кроме того, в тот день пришел каталог «Монтгомери Уард», и он был таким тяжелым, что грозил оказаться не под силу старине Дирту, который очень не любил тяжести.

Однако я уложил каталог в седельную сумку, и мы отправились. Если начнется дождь, а на это было очень похоже, тому парню не придется возиться с моей пшеницей. Но я ошибся, не выпало ни капли. Врезал град.

Настоящий град. Вначале как слива, потом с куриное яйцо, а потом такой, что даже нашим индюшкам такие яйца не снились. И конечно, он застал нас с Диртом посреди чистого поля. Уговорить этого конягу двигаться шустрее я был не в силах. Прикрылся каталогом — никакого толку. Наконец, мы добрались до небольшого дубка-недоростка, и я понял, что лучше защиты все равно не найти. Мгновенно я расседлал Дирта, залез под его брюхо, накрылся седлом и так лежал, скрючившись. Сперва Дирт пытался на меня помочиться, но мне было наплевать — я больше беспокоился о сохранности собственного черепа. Пару раз я ему все же врезал, чтобы он прекратил свинство, а этот сукин сын сумел отвязаться, наступил мне на бедро копытом и смылся. Я испугался, что град может забить его до смерти, но гоняться за ним не стал. Перебрался по ту сторону ствола, где меньше доставал ветер, и свернулся под седлом. Слава Богу, голову от града я спас, а на седле появились вмятины, которые так никогда и не исчезли. Град лупил битый час. Когда он начал утихать, я устроил себе что-то вроде иглу из одеяла, и получилось так уютно, что у меня осталась одна только единственная забота — мокрая пшеница.

Град кончился, теперь поля выглядели как после метели. Выглянуло солнце, и все стало таять, но некоторые ледяные кучи продержались еще пару дней. Я мог только кое-как ковылять — Дирт чуть не сломал мне бедро, а о том, чтобы тащить седло и одеяло, не могло быть и речи, особенно по скользкой после града земле. Дирту, похоже, ничего не сделалось: было видно, как в полумиле от меня он трусит домой.

— Подонок, — выругался я. — погоди, доберусь я до тебя.

Но смог доковылять только до дома Элденфелдеров. Это голландская семья, жили они за полмили от меня и держали около полусотни подлых борзых собак. Не хотелось, чтобы эта свора на меня набросилась, но мне, инвалиду, деться было некуда. Однако все обошлось. Они накормили меня слегка подгнившей говядиной, и Анни, старшая придурковатая дочь, доставила домой.

Дирт был уже там. Он пытался копытом открыть дверь в клеть с овсом. Старый болван вздулся множеством шишек, и сердце не позволило мне лишиться его пищи.

Оказалось, что под градом гораздо уютнее, чем в доме. Десять разбитых окон не сильно подняли настроение Мейбл. И, конечно, нечего было рассчитывать, что она сделает мне массаж бедра. Даже если бы я ввалился с двумя культишками вместо ног, она бы не обратила внимания. Ужином не пахло, и я, конечно, ляпнул неподходящее.

— Привет, — сказал я. — Что на ужин? Суп из града?

— Я тебе такой суп устрою. Из града, — заявила она. — Как ты смел смыться и оставить меня одну в такую бурю! Где шлялся целый день?

— Ну, я путешествовал в сторону дома, — сказал я. — Довольно медленно.

— Заметно, — сказала она. — Спорим, ты в Антелопе резался в домино. Торопился спустить все свое наследство.

Я промолчал.

— Где почта? — спросила она.

— Не было ничего, только каталог, я его потерял во время града. Придется попросить, чтоб нам прислали еще один.

Забавно, что она вдруг так взъерепенилась.

— Что же ты за муж? — заявила она. — Ничего такого мы не сделаем. Ты сядешь на коня, поедешь и его отыщешь. Я хочу сделать заказы по каталогу, пока он не устарел.

— Ты что — совсем с приветом? — ответил я. — Его град разнес в клочья. Нужно будет у кого-нибудь одолжить.

— Я ничего не собираюсь ни у кого одалживать, — отрезала она. — Ты потерял, ты и ищи.

Я попытался обнять и приласкать ее, стараясь поправить положение, но она ушла в спальню, а я не стал ее удерживать. Когда подоил коров и вернулся в дом, ее было не видно и не слышно. Я поджарил яичницу с беконом и поужинал. Потом помыл посуду, но Мейбл не появлялась. Тогда я уселся в гостиной и сделал в дневнике кое-какие подсчеты: хотелось прикупить три куска земли, чтобы наши владения на северо-западе сомкнулись.

Около девяти часов я ее услышал, а потом она явилась — похоже, что со сна, в халате и ночной рубашке. Если она бывала в форме, то выглядела классно.

— Привет, — сказал я, а она уселась мне на колени, поцеловала и вообще казалась вполне дружелюбной.

— Где каталог? — спросила она.

— Боже правый, — сказал я. — Ты о нем еще не забыла? Он там, где я его потерял. Он там и останется.

— Я знала, знала, что ты неотесанный болван, — заявила она. — Но что ты лентяй, для меня новость.

Она соскочила с моих колен и с ревом метнулась в заднюю дверь. Честное слово, я подумал, что она помешалась.

И пошел ее искать. Я вышел на крыльцо, а она тут же нырнула в погреб. Я остановился на его верхней ступеньке, там было темно, хоть глаз выколи.

— Вылезай, Мейбл, будет тебе, — сказал я. — Что ты страдаешь из-за странного каталога? Вылезай, а то наступишь на ядовитую ящерицу.

— И пусть, даст Бог, — ответила она. — Пусть. Пусть закусуют меня до смерти. Все лучше, чем с тобою жить.

Я стал спускаться, но, черт меня побери, если она не швырнула в меня банку консервированных персиков. Было слышно, как она разбилась о ступеньки подо мной. Потом полетела еще пара первых попавшихся банок.

И я решил оставить ее в покое — а то, чего доброго, все запасы будут уничтожены.

— О'кей, — сказал я. — Ночуй здесь, раз у тебя не все дома.

Она ничего не ответила, я повернулся и пошел спать. Ночь была теплой, а в погребе стояла койка. Я решил, что ничего плохого с ней не случится.

Уснуть по-настоящему я так и не смог. Пару раз пытался урезонить Мейбл, но это только нанесло дополнительный урон запасу консервов. Последний раз я вышел в половине четвертого, а потом просто сидел на кухне и читал альманах, пока не рассвело. Когда я снова заглянул в погреб, Мейбл мирно спала, свернувшись на койке. Ступеньки выглядели так, будто на завод фруктовых консервов обрушился циклон. Когда я готовил завтрак, услышал, как она закричала. И вышел к погребу.

— Я еще не ездил за каталогом, — сказал я.

— Ты не мог бы перенести меня? — спросила она. — Я же босиком, еще порежусь.

— Боюсь. Вдруг уроню и разобью твою драгоценную задницу.

Взял корзину, швабру и совок и уничтожил следы ночного разгрома. Она сидела на койке и смотрела. Потом пошла в дом и приготовила кофе. Больше об этом происшествии не было произнесено ни слова. А следующие пару дней она была просто душкой.

21

Дело было в июле, одна дурковатая лошадь пробила дыру в корыте с водой. Когда, мокрый по уши, я ее заделывал, то поднял случайно голову и увидел всадника. Он мчался через Бугор, приближаясь к гумну. Провалиться мне на этом месте, если то не был Джонни. Он вернулся и скакал на замечательном гнедом мерине, прозванном Бубновым Валетом.

— Вот это да, — сказал я, поднимаясь и пожимая его руку. — Где ты взял такую лошадь?

— Купил у одного типа, — ответил он. — Как живешь?

— Все в порядке, — сказал я. — Давно вернулся?

— Прошлой ночью.

— Ну что, остаешься дома? — спросил я. — Там уволился?

— Да, я здесь навсегда, — сказал он. — Тебе работник нужен?

— Еще как, — ответил я. — Можешь приступить хоть сегодня. Если хочешь, можешь жить во флигеле и столоваться у нас.

— Годится. Если Мейбл не будет против, — ответил он.

Я сказал, что не будет. До того мы о ней вообще не вспоминали.

Джонни помощник что надо. За день мы успевали наворочать столько всякого такого, с чем я один ковырялся бы целую неделю. С ним славно работалось. Почти всегда. Но иногда он ухитрялся меня разозлить как никто. Особенно когда вдруг вел себя так, будто собирался опять приударить за Молли. Хотя, честно сказать, я не верил, что тут ему что-нибудь обломится.

Освободившись от ковбойских забот, я получил время, чтобы обдумать свои планы, и меня стал сильно кусать земляной жук. Чего мне всегда будет мало, так это — земли. Словом, в один прекрасный день я нацепил шпоры и поехал в Уичито, чтобы взять в банке заем для покупки тех трех кусков, которые объединили бы мои земли на северо-западе. Это было хорошим началом для расширения моих владений. В банке мне сочинили купчую, я взял ее с собой, чтобы дать подписать другим участникам сделки, и отправился домой.

Проезжая владения Тейлоров, я решил показать купчую Молли. Я очень гордился приобретением, а то, что Эдди нет дома, уже знал — проверил с утра. Постучал в заднюю дверь и вошел, Молли повернулась ко мне от плиты. Она консервировала последний огородный урожай.

— Хорошо, что приехал, — продолжала она. — Давай посидим и остынем.

Я выпил два ковша воды из ведра. Она села за стол, и я протянул ковш ей.

— Да, попью, — сказала она и стала пить, закинув голову.

Видно, она работала не покладая рук — рукава пропотели по локоть, рубашка прилипла к животу, а мокрые пряди волос — к шее. Когда она опустила ковш, я нагнулся и поцеловал ее, она закинула руки за голову, и вода из ковша выплеснулась мне на плечо.

— Знаешь, почему я так рада, что ты приехал? — спросила она. — Я хочу тебе показать кое-что.

Я улыбнулся. Мне было чертовски хорошо.

— Что же у тебя есть такое, чего я еще не видел?

— Вот, — сказала она с улыбкой, вставая передо мной.

И задрала подол, выставляя передо мной живот. Он был не намного больше

обычного, только чуть-чуть, но я тут же догадался, о чем речь. А еще она кинулась ко мне и обняла.

— Ты что — не рад? — спросила она. — Это мы с тобой его зачали. Я так этим горжусь. Я так этого хотела.

Я не знал, что и сказать. Бешеной радости я не испытывал, не то что она. Купчая меня волновала куда больше.

— Ну, конечно, Молли, — сказал я. — Раз ты хотела. А он вправду наш?

— Он в самом деле наш.

Больше мне сказать было нечего. А она была так счастлива, что взяла да потеряла сознание: прямо на мне вдруг обмякла.

Позже, когда было не до рассуждений, я сказал:

— Милая, я, конечно, ничего в этом не понимаю. Но ты такая горячая, а нам ведь нужно быть поосторожнее, чтобы не получилось, что ты выкинешь.

— Эта кровать настоящая лужа пота, — сказала она, перелезая через меня. — Я принесу воды, обольемся, будет попрохладнее.

Она притащила ковш, побрызгала на простыни и заодно на меня, присела рядом и взяла меня за руку.

— Я не выкину, — сказала она. — Я так рада, что первенец — твой. Не хотелось бы, чтоб первый появился от кого-нибудь другого.

— Ты самая странная женщина, — сказал я. — Другой такой нет на всем свете.

— Это хорошо, — ответила она.

Когда одевалась, снова выставила живот.

— Смотри, как растягивается резинка, — заявила она, натянув панталоны.

— Мне всегда казалось, что пузо уродует женщин, — сказал я. — Но тебя не уродует.

Она захохотала и упала на кровать. Мне очень нравилось, когда она так смеялась.

— Простыни все еще прохладные, вот хорошо-то, — сказала она.

Я был почти одет, но снова свалился с ней рядом и стал ее целовать.

— Ты мой лапушка, — сказала она.

Мы оделись, и я показал ей купчую. На нее она не произвела никакого впечатления. А может, и произвела, потому что просто так она меня в тот день не отпустила.

— Гид, а у тебя нет ли времени поглядеть мой ветряк? — спросила Молли. — Он еле вертится.

— Пошли, посмотрим, — ответил я.

— Идем. Только заколю волосы, а то от них жарко до смерти.

В ящике с инструментами я нашел клещи и гаечные ключи и поднялся наверх к насосу. Оказалось, что там просто разболтался шток, и я закрепил его за пару минут. Но вниз спускаться не стал, а присел на перекладину и стал поджидать Молли. В жизни мне теперь не хватало только папы. Обидно, что он не застал такой благодатный для скотоводства год, всегда он мечтал, чтоб так все сложилось. С того места, где я сидел, хорошо просматривались мои новые земли.

Я держался за насос и не заметил, как этот чертов шток поехал вниз. Он придавил мне палец. Я еле удержался, чтоб не рухнуть на землю. Стал обсасывать огромный кровяной волдырь. На северо-востоке набухали тяжелые тучи,

возможно, собирался дождь.

Застегивая рубашку, на крыльцо вышла Молли. Волосы она собрала в высокий узел, чтобы шее было прохладнее.

— Слезай, — сказала она. — А то я окривею, на тебя глядя.

— Я люблюсь своими новыми землями, — сказал я. — Все, что отсюда на запад, до самого горизонта, все принадлежат теперь мне. Кроме твоей земли, конечно.

— Ты да твоя земля, — сказала она. — Мою ты не получишь. Слезай лучше ко мне.

Она смотрела вверх, прикрываясь ладонью от солнца.

Я слез.

— Палец чуть не отхватил, — сказал я. — Видно, пора домой, а то еще что-нибудь сотворю.

Она взяла мой палец в рот. Он по-прежнему болел, но домой мне не очень-то хотелось.

— Лучше поцелуй, — сказал я. — Нечего облизывать.

— Я маленького пока еще не ощущаю, — сказала она. — Но скоро почувствую.

— На днях заменю насос на твоем ветряке, — сказал я.

Молли с подобранными волосами выглядела гораздо стройнее, нежнее и казалась сдержаннее.

— Похоже, младенцы тебя не особо интересуют, — сказала она. — Пошли подоим корову. Уже не так жарко.

Я взял ведро. Старая пестрая корова ждала в стойле.

— Хочешь, я подою?

— Тогда ее нужно стреножить. Она не любит чужих.

Я кинул корму в ясли, и Пеструха подошла. Молли вытащила из-под корыта стульчик, села и занялась дойкой. Корова доилась легко, но то и дело махала хвостом и попадала Молли по лицу. Мне стало смешно.

— Эй, — сказал я, — давай подержу ее за хвост.

И схватил, а корова, похоже, и не заметила.

— Если она отдавит тебе ногу, научишься ходить в обуви, — сказал я.

Я присел на корточки с ней рядом и положил свободную от коровьего хвоста руку ей на шею. Там было прохладно. Потом проехал рукой по спине под рубашкой и добрался до живота. По ребрам стекал пот.

— Я очень хочу тебя понять, — сказал я. — Но никак не могу сообразить, чего ты от меня ждешь. А доиться ты будешь неплохо.

Я погладил ее грудь, она заулыбалась.

— Я хочу, чтобы ты просто меня любил и поменьше болтал.

Мы оставили Пеструху в стойле жевать траву прерий. Я нес ведро с молоком, Молли обняла меня за пояс, и так мы подошли к моей лошади. Я отнес ведро к дому, вернулся и поцеловал Молли на прощание. Она прижалась ко мне животом. Потом я вспрыгнул на лошадь, а она стояла рядом, улыбаясь и теребя полы рубашки.

— Я вправду рад, Молли, — сказал я. — Только пока у меня в голове новые земли. Лучше поеду, а то я начинаю по тебе скучать, еще не уехав.

— Похоже, я теперь знаю, что значит слово «хорошо», — сказала она. — Привет Мейбл.

— Непременно передам. А от меня привет Эдди.

Наша общая шутка. Если кто из нас и передавал приветы, то только она — такая уж она сумасшедшая.

— Ты меня не выгонишь, если я загляну через пару деньков?

— Вот уж чего никогда не делала, — ответила она.

Из-под крыши сарая вырвались ласточки и засновали вокруг. Молли глядела на них.

— Мне нравится, когда к вечеру делается прохладней, — сказала она.

Она стояла у забора, теребя полы рубашки, а я поскакал вверх по холму.

Дико было уезжать от нее, так и подмывало повернуть назад, пока она еще меня видела. Она всегда оставалась там, где ты ее оставил, оставалась столько, сколько могла тебя видеть. Я вспоминал ее на кухне — всю в поту и полную любви, вспоминал, как она пила воду из ковша и ее мокрую шею, и она мне казалась такой же вечной, как моя земля. Старина Денвер торопился домой, но я придержал его, чтобы он шел рысью, и до стойла он дорвался только когда солнце уже стало опускаться за Бугор.

II И ВРЕМЯ УНЕСЕТ МОЮ ОТРАДУ

*Все говорит о том, что час пробьет —
И время унесет мою отраду.*

В. Шекспир. Сонет 641[2]

1

Однажды, когда я плакала под песни Кейт Смит, приехал Джонни.
— Бог мой, остановись, Молли, — сказал он. — Клеенку продырявишь.

— Я знаю, что глупо, — сказала я. — Присядь.

Встала и налила ему кофе, он дул на него и ничего не говорил, а потом дотянулся и пожал мне руку.

— Хватит, кончай, — сказал он. — День сегодня такой хороший. Иди, в огороде покопайся, нечего сидеть взаперти. Что на тебя нашло?

— Да это радио, — сказала я, — Кейт Смит. Мне от нее всегда грустно.

И вообще не от нее, а от одной песни. «Боже, храни Америку, край моей любви...» — она всегда ее поет. Просто я хочу, чтоб закончилась война и мои мальчишки вернулись домой. Чтоб мой мальчик вернулся.

— Да не слушай ты это патриотическое барахло, — сказал он. — Нагоняет тоску. Ничего хорошего.

— Не раздражай меня, — сказала я. — А тебе не помешало бы чуть побольше патриотизма. Меня не развеселишь, если такое будешь говорить. Я хочу знать о маленьком Джо, знать что угодно, знать наверняка.

Он погладил мою руку и стал пить кофе.

— Я ведь тоже хочу, милая, — сказал он. — Он ведь и мой сын. И может, его уже нет в живых. Больше года, как он пропал. Ну, а если знать, что его вправду уже нет, — что, сидеть сложа руки и ничего не делать?

Заставил меня встать и выйти с ним во двор. День в самом деле был прекрасный. На воле я немного развеселилась. Мы присели на погреб, он снял шляпу и обнял меня.

— Я знал, что рано или поздно ты все равно улыбнешься, — сказал он.

— Смотри, какая уже высокая кукуруза, — сказала я. — Еще три недели, и приезжай есть початки. Что сегодня поделывает твой босс?

— Он пытается купить еще одно ранчо, чтобы мне было чем управлять, — сказал он. — Гид просто помешан на земле.

— А ты ему не перечь, — посоветовала я, потому что этот Джонни всегда пытается уговорить Гида. — Все на свете на чем-нибудь да помешаны.

Воздух был по-майски прозрачным, насквозь просматривалось полграфства. Май я всегда любила.

— А ты на чем помешана? — спросил Джонни.

— Я? Ни на чем, я просто чокнутая, — ответила я. — Мозгов у меня мало, такая уж я есть.

Джонни наклонился и меня поцеловал — я заранее чувствовала, что дело к этому идет. Когда он только вошел в дом, это уже сидело у него в голове.

Перевод С. Маршака.

— А я, Молли, помешан на женщинах, — сказал он, обнимая меня за плечи и беспечно улыбаясь.

Рассмешил меня. Не могла его не любить, даже когда его не хотела. Он умел действовать самым рассудительным образом, но когда он был со мной, мне казалось, что он разом и мужчина, и мальчишка. Гид совсем не такой — он никогда не был мальчишкой, так его вымуштровал отец. Пожалуй, поэтому мне было трудно растить Джимми. Не то что Джо. С Джонни и с Джо я всегда справлялась запросто.

— Ты не хотел бы помочь мне подвязать помидоры? — спросила я. — Можно этим заняться.

— Можно заняться, а можно и не заниматься, — ответил он. — Нельзя ли хоть раз отнестись ко мне как к человеку, а не как к наемному рабочему? На Гида ишачу, так он мне хоть платит.

— Прошу прощения, — сказала я. — Но тут кто-то что-то пел про огород.

— Ну да. Чтоб ты про войну забыла. А знаешь, зачем я приехал? Я приехал за тобой поухаживать, — и снова меня поцеловал. Смешной какой.

— Хорошо, милый, я за тебя выйду, — сказала я, когда он перестал целоваться. — Вот только кошелек возьму, чтоб расплатиться со священником.

Всегда он терялся от таких заявлений, хоть знал, что я шучу. Если бывают на свете прирожденные холостяки, то первый среди них — Джонни Мак-Клауд.

— Да брось, — сказал он. — Скорей я на аллигаторе женюсь.

Только упомяни о женитьбе, и Джонни тут же выпадает в осадок. Пора бы мне прекратить свои шутки. Наверное, и Гид достает его насчет того же, и Джонни, небось, было стыдно, что он на мне не женился. Лучше бы он сделал предложение, я бы ему отказала, и вся неловкость бы кончилась. Второй раз выходить замуж я не собиралась, мне хватило одного Эдди. А уж если бы вышла, так не за Джонни. Может, за Гида. Но с ним — совсем другая история.

— Что ж, похоже, помидорам не суждено быть привязанными, — сказала я и взяла его под руку.

Не хотелось идти в дом, очень уж хорошо было на воздухе, но Джонни хотел. Ну, значит, так тому и быть. Единственная женщина, на которую он всегда мог рассчитывать, — я, и я всегда старалась дать ему все, что ему было нужно, иначе что же это была бы за любовь.

На его бедре обнаружилось огромное синее уродливое пятно — лошадь двинула его о дерево. Я принесла из кладовки мазь и велела ему лежать спокойно, пока я буду втирать эту мазь.

— Ты так обо мне заботишься, — сказал он. — Похоже, я давно бы стал калеккой, если бы не ты.

— Не такая уж это забота — намазать мазью, — сказала я. — Мог бы и сам это сделать, если бы хоть чуть-чуть о себе подумал.

— Когда это делаешь ты, куда как приятнее, — сказал он. — И раз тебе нравится, можешь еще натереть мне спину.

Джонни и Гид и тут были разные. Когда Джонни забирался в постель, неважно зачем, он старался остаться там подольше. А Гид не такой. Чтобы он хоть десяток минут полежал, его нужно связать. Пыталась я с ним бороться целых двадцать лет — но безуспешно, и потеряла всякую надежду. Когда мы

были помоложе, иногда удавалось заставить его расслабиться, но чем старше мы становились, тем неудачнее оказывались все мои попытки. В нем столько энергии, что ему не под силу затормозиться хоть на минутку. А может, ему делалось стыдно, когда он оказывался здесь, у меня, днем. Ночью с ним было полегче, но он редко бывал у меня по ночам.

С Джонни — совсем другое дело. Он мог часами валяться, наслаждаясь жизнью.

Теперь он лежал, вылупив глаза. Он всегда так упорно пялился на меня, что иногда доводил меня до смеха.

— Послушай, Молли, — сказал он. — Ты не могла бы залатать карман моих штанов, пока я их не надел? А то я потеряю кошелек со всем своим капиталом.

— Не знаю, есть ли у меня голубая нитка, — сказала я.

— Не важно, я не франт.

Он задремал, а я надела лифчик и починила ему штаны. Он всегда одевался во всякую рвань. Может быть, он влезал в нее специально, когда ехал ко мне, чтобы мне было что зашивать. Он спал, я смотрела на него. Точь-в-точь Джо. У того все от Джонни: и глаза, и беспечность. Если бы он не был таким легкомысленным, никогда бы не оказался в экипаже бомбардировщика. Но Джонни это нравилось. Уже после того, как наш Джо стал считаться пропавшим без вести, Джонни однажды сказал: пусть лучше сын будет мертвым героем, чем живым трусом.

— А по мне так лучше просто Джо, — сказала я. Думаю, что он меня не понял.

В головах у мужчин все по-другому, не так, как у женщин; а может, они и чувствуют иначе. Когда Джимми отправляли на Тихий океан, Гид сказал почти то же самое, что Джонни. Мальчики и сами, наверное, так думали. Джо нравилось летать на бомбардировщике, нравилось в Англии. Наверное, там вокруг него хороводились толпы девчонок. Боялась, что он возьмет да и женится на англичанке, привезет ее к нам в Техас. Ну и что с ней тут делать? Но в его письмах ничего такого не было. «Как там у вас, мама?» Или «что поделывают Гид и Джонни?», или «мама, мне так не хватает твоей стряпни, эти армейские повара тебе в подметки не годятся. Пришли мне своего печенья». Вот такие письма. Джо был всегда самым непоседливым и самым добродушным ребенком в мире. Дождалась, когда ему стукнет шестнадцать, и сказала, что его отец — Джонни. Не торопилась, потому что Джимми сильно переживал, когда узнал, что его отец — Гид. Но Джо только развеселился. Похоже, он сам подозревал, и, когда заулыбался, услышав от меня свеженькую новость, я заревела и ревела полчаса, так мне вдруг стало легко. Не думаю, чтобы они с Джонни когда-нибудь об этом толковали. Их обоих интересовали лошади, танцы и родео. Похоже, что они так ни словом и не перекинулись про отцовство. Джо такие вещи не волновали, не то что Джимми.

Джонни крепко спал. Конечно, на женщинах, особенно на мне, он уж точно помешан, и меня всегда забавляло, как он это преподносил. Но теперь его помешательство стало уже не таким, как прежде. Однажды много лет назад он так стремительно влетел в кухню и завалил меня на спину, что даже не заметил Джимми. Джимми отчаянно испугался. Наверное, скоро Джонни перестанет налетать на меня в середине дня, мне будет этого сильно не хватать, даже если сейчас оно мне не очень нравится. Вколола иголку в подушечку, верну-

лась в постель и заставила его повернуться, чтобы прилечь рядом, у него под рукой. Не спала, а глядела в окно и от нечего делать считала его пульс. На юге собиралось облако. Джонни изредка всхрапывал, словно хряк какой-то, — один короткий хрюк — и снова тишина. Однажды он вытягивал ногу и так меня оцарапал, что я чуть не подпрыгнула: ногти у него были просто невозможные. Тогда я дала ему щипцы, они просуществовали у него всего несколько дней и сломались: он перекусывал ими проволоку. Часы на его руке, которую я держала, показали шесть. Встала очень тихо, натянула платье и приготовила ужин: стейк с соусом и горох. Принесла с огорода зеленый лук, Джонни любил лук.

В спальне было почти совсем темно, только сквозь западное окно пробивались последние лучи солнца. Присела на кровать и потрясла Джонни.

— Вставай, если хочешь получить ужин.

Он открыл глаза и потянулся.

— О черт, ты уже одета, — сказал, улыбаясь.

— Повторять приглашение не буду, — сказала я.

— Мы с тобой гимнастикой давно не занимались, — заявил он. — Ты ведь не против, а?

— Ну, не знаю, — ответила я. — Я потеряла девичий азарт.

— Да у тебя его никогда и не было, тебе просто нравилось задом вертеть, — сказал он.

Пошла накрывать на стол, а он еще минут десять возился: одевался и умывался. Появился на кухне и сказал:

— Бог мой, откуда у тебя лук? Ты уже подоила?

— Нет, — ответила я. — Доить будешь ты, пока я вымою посуду.

— Чего ее мыть-то? — сказал он. И правда, чего?

Он пошел со мной на гумно, но доить пришлось мне самой. Загнал корову в стойло и развлекал меня болтовней, но дойка — занятие ниже его достоинства. Гид делает любое дело без разбору, а Джонни — привереда. Джо — весь в него, но я всегда старалась не давать ему спуска. Однажды я послала его полоть огород, а когда глянула, чем же он занимается, оказалось, что он забавляется с деревянной лошадкой.

— Что это ты делаешь? — сказала я. — Кажется, тебе было велено полоть грядки.

Он к тому времени уже стал крепким орешком.

— Иди к черту, мама, — ответил он. — Я еду на лошади. Ковбоям негоже полоть грядки.

— Сейчас я покажу тебе ковбоя, сынок, — сказала я.

Как сказала, так и сделала, но после парень стал еще более непослушным, а папа Джонни только смеялся. Зато когда в очередной раз он начал подъезжать ко мне с любовью — задала ему жару.

— Вали, обхаживай свою лошадь, — сказала я. — Ковбоям негоже путаться с девушками.

— Милая, чего это ты на меня сердишься? — сказал он, но в тот день так и остался ни с чем.

Подоила, Джонни растворил ворота, чтобы старуха Мюли шла на волю, а я понесла в дом ведро с молоком. Он догнал, обнял, и немного молока пролилось. Вручила ведро ему.

— Я всегда был плохой дояркой, — сказал он. — Зато сколько времени сэкономил!

Только один раз ему пришлось заняться домом, той зимой, когда убили Эдди, а я слегла с тяжеленным гриппом. Хозяйство по очереди вели Гид и Джонни, пока я не поправилась. Оба мальчика тогда тоже болели.

Вечер был красивый и теплый. Процедила молоко, а Джонни налил себе кофе. Открыла банку сливового варенья: он любит кофе с вареньем. Когда на блюде собралось около сотни косточек, отобрала банку и спрятала на ледник.

— Чудо, что у тебя еще нет диабета, — сказала я. — Разве можно есть столько сахара?

— Чудо, что я не заработал что-нибудь похуже, имея дело с такой старухой, как ты, — заявил он.

Подошла сзади и надавила ему на шею.

— После ужина всегда делаюсь старухой, — сказала я. — А днем все равно молодая и красивая.

— Заметил, — сказал он. — Интересно, почему это так?

Еще немного посидели, потом он напялил шляпу, и мы вышли к задним воротам. Загорались звезды, а на западе посверкивали молнии.

— Гид сегодня, наверное, уже купил очередной пяток участков, — сказал он. — И слава Богу. Если бы не эта его придурь, он загонял бы меня до смерти. Но вообще-то, в сорок семь лет пора бы остепениться.

— Гид поздно начал, — ответила я. — Пока был жив отец, он еще и во вкус не успел войти.

— Зато сейчас наверстывает.

— Скажи, чтобы он ко мне заехал, — сказала я. — А то, как они в город переселились, я его редко вижу.

И поговорить с ним не успеть, когда приезжает. Он всегда спешит.

— Он у тебя и так часто бывает, без моих напоминаний, — сказал Джонни. — Не хочу его соблазнять.

— Как у него дела с Мейбл? — спросила я.

— Просто беда. Так разве когда-нибудь было иначе? Сейчас у них хоть большой дом, можно не попадаться друг другу на глаза.

— Жалко, — сказала я. — Гид заслуживает лучшего.

— Мне тоже так кажется, — сказал он.

— Мы пропустили последние известия. Совсем забыла.

— Ничего не потеряли, — сказал он. — Нечего принимать близко к сердцу всю эту армейскую чепуху.

— Ты же американец, — сказала я. — Неужели тебя не волнует, что там происходит?

— Не сильно, — ответил он. — Заволнует, когда япошки или немцы пересекут границу нашего графства.

Заткнулась, хватит, это наша больная тема. Джонни не меняется. Только он вдрут, кажется, пожалел о сказанном.

— Прости, дорогая, — сказал он и погладил мне руку. — Я не хотел, чтобы тебе было больно. Ты меня здорово накормила.

— Я рада, что тебе понравилось.

Поцеловала его в щеку, он влез в пикап и поехал. Потом притормозил и вы-

сунулся в окошко:

— Большое спасибо, что штаны мне починила.

— Не за что.

Его машина покатила вверх по холму. Задние огни подпрыгивали. Оба — что Джонни, что Гид — были никудышными водителями. Зато Джо и Джимми могли выписывать лихие восьмерки вокруг своих папашек. Стояла у забора, пока огни совсем не исчезли за гребнем. Похоже, что солидную часть жизни я провела, глядя, как они уезжают. Гид, Джонни, мальчишки. Да нет, все в порядке. Я должна быть там, где они всегда могут меня найти, если им вздумается вернуться. И они всегда меня находили. Понаблюдала за облаками и решила не беспокоиться — сильной грозы не будет. Пошла в дом и легла спать.

2

А через несколько дней налетела страшная буря. Перед сном я вышла на крыльцо, и вечер стоял хороший как никогда — можно было легко пересчитать все звезды Млечного Пути. Вернулась в дом, прочитала пару рассказов из «Ридерс Дайджест» и уснула. Разбудил рев штормового ветра. Ветви старого платана колотились о крышу. Вылезла из постели и проверила, все ли окна закрыты, вышла на заднее крыльцо поглядеть на облака. Юго-западный ветер чуть не сорвал с меня рубашку. Под вой такого ветра спать невозможно, и я вернулась в спальню за халатом и подушкой. В погребе у меня заранее заготовлена раскладушка с несколькими покрывалами.

Попыталась поймать по радио прогноз погоды, но слышались одни только электрические разряды. Впрочем, стук платана по крыше заменял любой прогноз. Сунула в карман яблоко на случай, если проголодаюсь, и плотно прикрыла за собой дверь. Не успела сойти с крыльца, как меня стали лупить крупные дождевые капли. Ветер чуть не сбивал с ног, огромный клубок старого перекасти-поля налетел с юга и вцепился в ноги. В темноте я его не увидела, он меня напугал и слегка поцарапал. Удалось освободиться из его объятий, добраться до погреба и захлопнуть за собой дверь. Прохладные ступени из песчаника приятно ласкали ноги. Тьма, хоть глаз выколи. Знала, что на столе — керосиновая лампа, но, пока до нее добиралась, ударилась пальцами ноги о старую сковородку, которая торчала на полу посредине погреба. Все забывала ее выкинуть и каждый раз, спускаясь в погреб, на нее натыкалась. Рев ветра доносился и сюда, но уже не казался таким угрожающим. Здесь я чувствовала себя в безопасности. Зажгла лампу и перетряхнула одеяла — вдруг там затаилась ядовитая ящерица. Погреб был чистым, ящерицы тут попадались редко, но проверить лишний раз не мешало — неохота, чтоб покусали. Потушила лампу, свернулась под одеялами и съела яблоко, сладкое, душистое, будто только что сорванное с яблони.

Можно было задремать и заснуть, но — не тут-то было. Лежала с открытыми глазами. Дождь барабанил в металлическую дверь погреба. Поняла через полчаса, что этой ночью мне от тоски не убежать, и заплакала, даже не пытаюсь сдержаться. Сперва просто хлюпала носом, но потом все, что чувствовала, заполонило голову и грудь, и я заревела, заглушая шум дождя. Рыдала так сильно, что стала задыхаться, закашлялась, чтобы восстановить дыхание, потянулась за убежавшим одеялом, чуть не свалилась с раскладушки и спаслась только ухватившись за брезент. Груды мои болтались, как пустые мешки. Пе-

ревернула подушку сухой стороной вверх, поревела еще, потом успокоилась, наконец скинула подушку на пол и перевернулась на живот, устроив голову на руки. Так и не смогла заснуть, потому что на душе было очень скверно, но, во всяком случае, помирать уже не собиралась.

Когда терзает такая тоска, нет никакого лекарства, нужно просто сжать зубы и ждать, пока буря внутри не уgomонится. Наверное, все от одиночества — неумоготу, когда не о ком печься. Тоскливо заботиться о себе самой, скучно, когда кто-то другой пытается держать меня под своим крылом. Оно, конечно, приятно, но в любви не важно, во всяком случае, для меня. Главное, чтобы было на кого излить свои чувства. На расстоянии не получается, нужно его касаться, ему стряпать, делать для него кучу разных мелочей, Он должен быть мужчиной или мальчиком. Не смогла бы опекаль женщину, даже мать. Мужчинам нужны тысячи вещей, о которых они сами не догадываются, и получить они их могут только от женщины. Когда мужчинам требуется твоя забота, чувствуешь себя удобно и легко. Иногда возникают сложности, но все равно нужно пробовать. С Джонни и Джо всегда было просто: они почти одинаковы, и подход к ним нужен один и тот же. А с Гидом бывало тяжело — он слишком честен. Он никогда не обманывался насчет себя и не разрешал этого другим, даже самому себе во благо. Много раз пробовала, и всегда — неудачно, особенно когда у него осложнялись отношения с Мейбл. Тяжело было с папой и с Эдди, но всего труднее — с Джимми. Это просто умноженный Гид. Если папа и Эдди не любили меня, так хоть себя-то они любили, и потому всегда можно было сообразить, как с ними обойтись. А Джимми не любил ни себя, ни меня, и жизнь у него была просто адской. Он так и не изменился. Здесь или на Тихом океане, везде, где бы он ни был, он хотел быть не моим, а чьим-нибудь чужим сыном. Я не могла не только приласкать его, но даже коснуться его руки после того, как он узнал, что Гид — его отец и что не только Гида, но и Джонни я по-прежнему пускаю к себе в постель. И не просто так пускаю, а хочу, чтобы они приходили. Джимми, конечно, этого не знал, а если бы узнал — возненавидел бы меня еще сильнее, потому что ему этого было не понять. Может быть, дело в его религиозных заморочках, но не только в них. Сама я во всем виновата. Если бы вышла за Гида, то Джимми рос бы счастливым ребенком. Но разве это было возможно? Эдди убил бы Гида, или Джонни и Гид рассорились и разошлись навсегда, и мог бы не родиться Джо. Не понимаю, что же неправильного я сделала. Но знаю — Джимми несчастен. Я тоже почти всегда несчастна. В моей жизни было четверо мужчин и два мальчика, и, лежа на раскладушке в погребе, я представляла каждого из них как наяву. И хотела любого из них обнять здесь и сейчас. Уж лучше ослепнуть, чтобы только щупать и осязать, чем так, как теперь — видеть перед глазами одни бесплотные образы.

У всех бывают тяжкие ночи. Не первый раз вот так схожу с ума, и уже не девочка, чтобы думать, будто в последний. Когда дорогие люди вдали, в голову всегда лезут безумные, сумасшедшие мысли и видения. Видела руки, лица, отдельные части тел, даже животы Эдди, Джонни и Гида. Может, стоило выйти за Джонни, это было бы нам обоим во благо, но он-то никогда не решился бы на женитьбу, даже захоти я. Боялся ответственности. И что тогда было бы с Гидом? Это ведь он всегда видел меня своей женой.

Однажды почти решила за него выйти. Наверное, ревность к Мейбл за-

мучила. Мы были у меня в спальне.

— Если ты соберешься с силами ее бросить, то я за тебя выйду, — сказала я. — А если кишка тонка, так нечего об этом болтать.

Тут он стал разрываться на части — у него дома в это время творилось черт знает что.

— Кишки тут ни при чем, — сказал он. — Будь они тонкими, ты бы меня здесь не увидела. Но я считаю, что разводы — это неправильно. Если Мейбл хочет, пусть подает на развод. А я — не могу.

— Если бы тебя взаправду мучила совесть, тебя бы здесь не было, — сказала я. — Все дело в кишках.

Ужасно с ним разговаривала. Чего он меня не придушил-то? Доводила иногда его до исступления.

— Давай чуток помолчим, милая, — сказал он. — Минут через пятнадцать-двадцать мне пора ехать.

Стало стыдно, я притянула его к себе. С ним бывало трудно, не то что с Джонни. Или с Эдди. С Джонни всегда легко, а Эдди просто обожал быть грубым и подлым с женщинами. Никогда не ругалась с ним так, как с Гидом. Гида иногда ненавидела, а Эдди никогда не вызывал сильных чувств — ни добрых, ни злых.

Вдоволь наревевшись и передумав обо всем, вроде бы заснула. Сон был скверным, каким-то горячечным, но спала долго и могла бы проспять все утро. Но тут кто-то заколотил в дверь погреба. Открыла глаза и оказалась в полной темноте.

— Я здесь, — крикнула я. — Не заперто.

Вспыхнули яркие лучи солнца, осветили ступеньки и ножки раскладушки. Наверху возникли сапоги Гида.

— Ну, слава Богу, — сказал его голос. — Мне можно войти? А то я подумал, что тебя унесло.

Он спустился пониже, стали видны его колени.

Села, откинула волосы с лица.

— Бог мой, — сказала я. — Проспала. Который час, Гид? Корова, небось, решила, что про нее забыли.

— Да нет, еще не поздно, — сказал он. — Около семи. Корову я могу подоить. Мне можно спуститься?

— Входи, — я натянула на себя одеяла. — Дом не улетел?

Он спускался. Вначале слегка выпятившийся живот, потом и он весь, он мне улыбался, но был слегка взволнован. Гид — мой любимчик. Когда видела его, всегда чувствовала радость, иногда острую, как пчелиное жало.

— Очень за тебя волновался, — сказал он. — В пять часов по радио сказали, что тут пронеслись два смерча.

— Все в порядке, — сказала я. — Садись.

Гид сел на раскладушку, я его обняла, не удержалась. Он еще не побрился, щетина колола мне шею, мои руки гладили его спину, я чувствовала пронзительную радость. Он был напряжен и упруг, как барабан. У меня он всегда появлялся напряженным. Гладила его, ласкала, и он вздохнул, как будто расслабился внутри.

— Что бы я делал, если бы тебя унесло, — сказал он.

— Ну вот, не унесло же меня.

Потеснилась, чтобы он прилег рядом. Неудобно, но на несколько минут — терпимо. Снова стала собой. Он вдруг смутился, наверное, решил, что я могу подумать, что приехал он для постельных дел, и сел. Если он приезжал с этой мыслью, всегда смущался, когда ему казалось, что я угадала.

— Ладно, я приехал не для того, чтобы снова ложиться, — сказал он, поднимая с пола шляпу.

— Похоже, ты самый глупый мужик на свете, — сказала я. — Вот за это я тебя и люблю. Когда ты был моложе, казался умнее.

Встала, накинула халат, и мы поднялись наверх. Мокрая трава холодила босые ноги, но на солнце все стремительно подсыхало. Так долго не удавалось поспать два или три года. Двор был замусорен сломанными ветками, кустами перекасти-поля, ветер сорвал с крыши несколько дранок, но серьезных повреждений не заметила. И Бог с ними, думать о них не хотелось, так стало хорошо. А Гид пошел изучать ущерб, нанесенный ветром. Я стояла столбом у погребца, потягиваясь, зевая и купаясь в теплых солнечных лучах. Гид вынес из дома молочное ведро и подошел. Похоже, он очень хотел провести этот день со мной и одновременно переделать кучу дел.

— Пойду доить, — сказал он. — В городе я не позавтракал и не прочь поесть с тобой. Сегодня у меня тысяча дел.

Потерлась головой о его шею, он смутился.

— Иди, дои, — сказала я. — Приготовлю завтрак. Но только не рассчитывай тут же смыться.

— Нужно, Молли, — сказал он. — Если бы я только мог остаться.

Пошла приготовила яичницу с беконом и лепешки с соусом, Гид принес молоко. Мы сели за стол.

— Что слышно от Джимми?

— Ничего.

И это все, что было сказано за завтраком. Догадывалась, что он собирается с духом, чтобы уехать.

— Отличный завтрак, — сказал он. — Ненавижу поесть и тут же мчаться, но ничего не поделаешь. Сегодня придется накрутить много миль.

— Подожди, Гид, — сказала я. — Останься.

Когда просьба выпаливалась вот так, прямым текстом, ему приходилось хотя бы посмотреть мне в глаза. Он был слишком честен, чтобы прятаться под шляпой.

— Нужно помочь? Что-то сделать? — спросил он.

Чуть не врезала. Помочь жить — это да, нужно было.

— Ничего не нужно. Просто чтоб ты был рядом.

Похоже, его задело. Молча засунул руки в карманы и покачал головой. Я потягивала кофе.

— Рад, что это так, — наконец-то произнес он. — Рад бы остаться, хоть на месяц. Но ведь ты знаешь мои правила. Обязанностей у меня чуть-чуть больше, чем у тебя.

Уже жалела, что так на него навалилась, но остановиться не могла.

— О'кей, — сказала я. — Приезжай после следующей бури.

— Давай по-честному, — сказал он, и было видно, что его трясет. — Есть кое-что, что я обязан делать, я ведь муж. Разве не понятно?

— Понятно только одно — оставаться ты не собираешься, — сказала я. — Яс-

но, не хочешь.

Вдруг он молнией, неуловимым движением руки рванул меня со стула, ухватил за волосы, больно отогнул мою голову назад. У меня из глаз брызнули слезы, а его лицо нависло совсем близко. Потом у него задрожали руки.

— Гид, прости меня, — сказала я.

Мы вышли вместе во двор.

— Я самый дурацкий белый на свете, — сказал он. — Я останусь на неделю.

— Нет, милый, езжай по делам.

— У тебя найдутся перчатки? Давай, подправлю коровьи загоны.

Мы пошли на гумно, он взялся за инструменты, и все утро мы ремонтировали стойла, меняли доски, вместе отдышали, делали всякую всячину и без конца разговаривали. Если нужно было просто отойти, чтоб пописать, мы веселились до упаду. Потом приготовила ему серьезный обед, накормила, обняла и прогнала восвояси. Он пытался уволочь меня в спальню, но я не далась, а не то он целый месяц злился бы на себя и ни разу меня не навестил бы. А так он окажется тут как тут через пару дней, если только дела позволят. Ему же лучше. Сложный он парень, но я его долго узнавала, изучила все его повадки. С того лета, когда мы зачали Джимми, у нас было много хорошего, гораздо больше, чем плохого. Далекое лето, прекрасное лето.

Через три дня, обливаясь потом, я возилась в курятнике. Гид приехал около полудня. Я обтерла лицо и повела его в дом.

3

В середине июня человек с окраин Вернона предложил мне люцерну. Цена была приемлемой, да и не покупала ее вот уже три года. Заказала ему десять тонн. Он обещал приехать на следующий день.

Часа в три дня, надев комбинезон, собралась чистить сеновал. Не хотела, чтобы там возились мужички, которые приедут с люцерной. День был очень жарким. Отвернула кран над корытом, сполоснула лицо и вдоволь напилась. Работать на сеновале в такую погоду — все равно что в духовке.

Распахнув двери с обоих концов, чтобы хоть как-то проветривалось, поняла, что работы невпроворот. С тех самых пор, как папа построил гумно, здесь никто не наводил порядка. Слой сенной трухи и старого ненужного барахла, которое оставлял папа, а я не убирала, достигал голени. Какие-то куски проволоки, обломки вил, ржавые ведра. Старое сухое сено — самое подходящее место для разнообразных гнезд: мышиных, крысиных, совиных, кошачьих. Похоже, что тут еще гнездились когда-то опоссумы и скунсы, если только скунсы умеют лазить по стенам. А уж старую толстую мамашу-опоссума встречала здесь много раз зимами. Она дремала, зарывшись и угревшись в сене.

Вычистив наконец восточную сторону, принялась за северный угол. Вдруг грабли звякнули обо что-то стеклянное, и — что бы вы думали? — я выудила старинную папину бутылку виски с ручкой. У меня аж помутилось в голове. Сколько же она тут провалялась! Она была плотно заткнута пробкой, и внутри плескалась жидкость. Когда-то папа упрятал бутылку в этот угол, и никто с тех пор к ней не прикасался.

Положила грабли и уселась с бутылкой на кипу старого сена. И странно, мне стало казаться, что папа — здесь, он возник из небытия, и меня затрясло мелкой дрожью. Эта бутылка. Папина борода, нахлобученная на глаза шляпа.

Я вытащила пробку и поднесла горлышко к носу. Резкие пары виски ударили в нос так, что я прослезилась. Его глаза, брови, сухие руки с желтыми ногтями, его два обломанных зуба и седые волосы, торчащие из-под шляпы возле ушей. Запах виски — его запах. Не помню, чтобы от него когда-нибудь не пахло виски. Эдди и Уорт в тот вечер принесли его из коптильни и даже не стянули с него сапоги. Потом их снял Гид.

Пыльная бутылка из толстого коричневого стекла. Пробка цела, внутрь пыль не проникла. Стоит чуть-чуть выпить, и язык в секунду немеет. Дважды папа заставлял меня пить виски, и оба раза напиток обжигал мне горло. Однажды, когда была совсем малышкой, трех-четырёх лет, к нам приехал тогда еще маленький Джонни с отцом. Мужчины пили. Вдруг что-то им взбрело в голову, они схватили нас, детей, и заставили отпить по глотку из жестяной кружки. Мы заревели, а потом убежали в свинарник. Так мы с Джонни стали друзьями. Вечером папа посадил меня на колени и стал подначивать. «Тебе понравилось виски? — говорил он. — Хочешь еще? Да, если хочешь». Мама уже спала. Я крепко обняла его за шею, чтобы он больше не заставлял меня пить.

Еще раз такое случилось через много лет, года за три или четыре до его смерти. Папа уехал в Хенриетту, а я тем временем куда-то смылась с Эдди... Папа вернулся раньше нас, и, когда мы с Эдди увидели возле дома его телегу, поняли, что грозы не избежать. Эдди расстался со мной у гумна.

— Ты справишься с ним лучше меня, — сказал он. — Он же твой отец.

Но я не справилась. Вошла на кухню и сказала папе, где я была. Он скрутил меня, содрал с меня штаны и высек ремнем, на котором обычно затачивал бритву.

— Если я оставляю тебя дома, — сказал он, — то хочу, чтоб ты была на месте, когда я возвращаюсь.

От оскорбления и порки было тошно, хотелось зарыться в постель, но папе было так одиноко, жалость к самому себе так переполняла его, что он заставил меня просидеть с ним до полуночи за кухонным столом, чтобы ему не было скучно. Он налил мне целый стакан неразбавленного виски и велел потихоньку, не спеша выпить до дна. Чтобы ни капли не осталось. После я блевала половину ночи.

Только однажды я пила виски по собственному почину. Эдди заявил мне, что он хочет, чтоб я выкинула ребенка, будущего Джимми. То, что я беременна от Гида, он не знал, думал, что от него. Я плакала, плакала, уговаривала его и уговаривала.

— Перестань канючить, — сказал он. — Я тебе говорил — не хочу никаких детей. Когда я рос, под ногами всегда болталась вся эта щетина, мне хватит. От них одни хлопоты. Куда ты глядела? Если не избавишься сама, я отвезу тебя к парню, который тебя прочистит.

— Кто это? — спросила я. — Откуда ты его знаешь?

— Пришлось столкнуться пару раз, — сказал он. — Каждый — за пятьдесят долларов. Это дешевле, чем растить какого-нибудь засранца. А если у тебя мозгов хватит, сэкономишь нам пятьдесят долларов. Езди верхом побольше.

— Я его хочу, Эдди, — сказала я. — Больше у меня детей не будет, но этого я хочу.

Тогда я с ума сходила по Гиду, только о нем и думала.

— Сказано тебе, — проговорил Эдди, доедая бобы. — Если не хочешь операцию, делай, как я сказал. А не то я тебя все равно туда доставлю, даже если придется волоком тащить. Поняла?

Поняла-то поняла, но уже чувствовала, как Джимми толкается у меня в животе, и весь день проплакала, не переставая. Достала бутылку из запасов Эдди и стала пить, мешая виски с водой, пока, наверное, не напилась. Казалось, что голова наполнена дымом, а все в доме вызывало смех. Решила уговорить Гида сбежать со мной, а если он не согласится, сбежать самой. Из папиных денег я накопила четырнадцать долларов, Эдди о них ничего не знал. Сяду на поезд, что идет в Амарилло. Тронулась умом, наверное. Переодевалась за день три или четыре раза, решая, что лучше надеть, когда поеду к Гиду. Одежды у меня всегда было маловато, так что некоторые платья перемерила по два раза. Эдди вернулся и застал меня на четвереньках в одной старой ситцевой сорочке. Я шарила под раковиной, пытаюсь найти какой-нибудь мешок, чтобы он был вместо чемодана. Пьяна, скорее всего, была в дым. И знать не знала, что Эдди появился, пока его бедра не уткнулись в мою задницу, а руки не обхватили за талию. Руки узнала — только его руки вели себя так.

— Здорово, когда жена разгуливает полуголой, — сказал он. — Это сильно возбуждает.

Я, похоже, совсем сбрендила и не понимала, что он говорит.

— Эдди, ты мешок не видал? — спросила я. — Мне нужен большой крепкий мешок.

Он не выпускал меня из-под раковины. Голову было не поднять.

— В задницу мешок, — сказал он. — Зачем тебе мешок, цыпленочек?

Его руки шарили по мне, он стал меня целовать, а потом отпустил. Я твердо знала, что уезжаю. Даже не заметила бы, что он меня целовал, если бы вдруг он не остановился на секунду. В тот день опять много блевала. А когда проснулась, Эдди тут же сказал, что ребенка можно сохранить.

— Я сделал открытие, — сказал он. — Трахаться с беременной гораздо приятнее, чем просто так. Никогда не знал. Интересно, почему это?

Мне было так скверно, что эта радостная весть до меня никак не доходила.

— Похоже, все дело в наклоне, — размышлял он. — Сейчас наклон получился гораздо лучше. Надеюсь, он еще улучшится. Хорошо, когда есть на что надеяться.

Наверное, так с этим наклоном и получилось, потому что Джимми начал рожаться, когда я была с Эдди. Эдди было не остановить, да я и не пыталась, бесполезно. Но когда ребенок родился, он ушел и не появлялся три месяца. Гид приходил каждый день или через день, и я была счастлива. А наклоны, так полюбившиеся Эдди, сильно облегчили жизнь, когда через три года забеременела от Джонни. Иначе Эдди или забил бы меня до смерти, или бы просто ушел. Либо и то и другое. Он совершенно не умел быть терпеливым.

Папа тоже не умел. Запах виски заставил вспомнить про папу такое, чего не вспоминала уже много лет. Когда он приближался к состоянию трезвости, настроение у него делалось страшным. Только виски возвращал ему радость жизни.

У меня с папой однажды случилась жуткая история. Это когда он открывал мне и Ричарду тайны жизни. Года за четыре до этого умерла мама, значит, мне было около семнадцати. Дальше школьного двора я ничего не видела, не

считая единственной поездки в город, когда была совсем маленькой. Эдди тогда еще не появлялся в наших краях, школа была окончена, и поэтому Гида и Джонни я встречала всего несколько раз в году. Изредка они останавливались возле нашего ветряка попить воды. Завести парня мне даже не приходило в голову, единственными знакомыми парнями были мои братья. И у них так же — пока они не сбежали из дому, ни у кого не было девушки. Что ж говорить о Ричарде — до той поры он ходил в школу всего два года и видел в жизни только двух девушек — меня и Мери Маргарит, с которой, как у кошки с собакой, у него не прекращалась война.

Как-то раз вечером я месила тесто для лепешек на ужин, и тут вошел папа и уселся за кухонный стол. Дело было то ли в марте, то ли в апреле, на дворе бушевала песчаная буря, и волосы у него были все в песке. Он молча чесал голову. Я спросила, не постричь ли его. До тех пор пока у меня существовала семья, я всех стригла. Только Джо однажды обкорнали в школе машинкой, и он всем хвастался, а я злилась.

Но папа стричься не хотел. Настроение у него было какое-то странное, я не стала его теребить. Уже стала мазать жиром противень, когда он вдруг позвал Ричарда. Через минуту Ричард появился, сутулясь, как обычно.

— Подожди с лепешками, — приказал мне отец. — Идем с нами.

Вытерев руки от жира, пошла за ними в папину спальню. Там, как всегда, царил невообразимый беспорядок. Папа не разрешал убирать даже постель.

— Закрой дверь, — приказал он.

Потом уселся на кровать и сдвинул шляпу на затылок. Минут десять он думал, а меня все беспокоили лепешки.

— Что ты хотел, папа? — спросила я.

Мы стояли и смотрели, только Ричард не выказывал нетерпения. Он всегда был терпеливым.

— Похоже, что Ричард уже достаточно подрос, — сказал папа. — Похоже, пора ему кое-что показать.

Мы оба не понимали, о чем он говорил. Он вдруг улыбнулся Ричарду.

— Сними штаны, — сказал папа.

Ричард не удивился, наверное, подумал, что его сейчас выпорют, вот и все. Он снял комбинезон. Было еще холодно, он оказался в кальсонах.

— Бог мой, ну и грязное у тебя белье, — сказал папа. — Сними это тоже.

— Так ведь холодно, — сказал Ричард, но все равно стал расстегиваться.

Тогда мы все — я, Ричард и Мери Маргарит — спали в одной постели, только Шэп спал отдельно, я видела письку Ричарда миллион раз, и он меня не стеснялся. Я чуть-чуть смутилась, но куда больше встревожилась — уж больно странно вел себя папа. Ричард был мерзляк, на его ногах выступила гусиная кожа. Смешно.

— Ну, Молли, а теперь ты разденься, — сказал отец.

Смешок застрял в горле.

— Зачем?

Можно было бы придумать что-нибудь получше этого вопроса. Папа глянул на меня — впервые за весь вечер.

— Если еще раз спросишь «зачем», когда я что-нибудь приказываю, задам тебе жару, — сказал беззлобно, просто предупреждая.

— Что мне снять? — спросила я.

Он отрезал шмат табаку и сказал:

— Все. Пора Ричарду показать, что такое женщина, а ты тут единственная. Давай побыстрей.

Впервые в жизни ощутила неловкость в присутствии мальчика. Сняла штаны и рубашку и осталась в белье.

— Достаточно? Мне тоже холодно.

— Сейчас согрею, — сказал он. — Сказано тебе!

На мне тоже были кальсоны, только подрезанные снизу. Сняла и стояла голая, скомкав белье перед собой. Папа не смотрел, но смущалась я ужасно. Странно все было. Он глянул, выхватил мое белье и бросил его на пол. Час от часу не легче.

— Ладно. Ричард, смотри, — кивнув на меня, сказал отец. — Вот так они выглядят.

И сам внимательно оглядел меня с ног до головы.

— Молли очень красивая девушка, — сказал он. — Тебе повезло, чтомотришь на такую красавицу. Она гораздо красивее, чем была ее мать.

— На что мне смотреть? — спросил Ричард. — Это Молли, я ее и так знаю.

Если бы вместо Ричарда стоял тут кто-нибудь другой, смущалась бы сильнее, но Ричард был безобидным.

Отец рассмеялся.

— Плохо смотришь, — сказал он. — Подойди ближе и присядь. Видишь, там у нее растут волосы?

Что было делать с руками? Догадывалась, что закрываться нельзя, папа не позволит. Убрала руки за спину. Ричард, в самом деле, присел передо мной на корточки и разглядывал.

— Вижу. Она этим писает, — сказал он. — А зачем столько волос? У меня они тоже есть, но поменьше.

— Чтоб туда труднее было попасть, — сказал папа. — Запомни одно — в этом самом месте делаются дети, в этой щели.

— Странно, она такая маленькая, — сказал Ричард. — Мне без штанов холодно.

— Подымись, — сказал папа. — А то совсем замерзнешь. Хиловатый ты еще парень все-таки. А ты, Молли, давай сделай, чтобы у него встал. Я должен объяснить ему, как все происходит.

Знала, или казалось, что знала, о чем он говорит, но не пошевелилась. Не могла прикоснуться к Ричарду.

— Давай, возьми его рукой, — сказал папа. — Он не знает самого главного.

— Не хочу, — сказала я. — И Ричард не хочет. Он и так все понимает, он видел, как бывает у быков.

— Ну ты, поперетчица, — сказал папа. — Делай, что говорю.

Ричардова штуковина висела прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки. Но я знала, что ее не коснусь, что бы там папа ни приказывал. Заплакала, и слезы потекли по груди и животу.

— Пореву у меня, пореву, — сказал отец и вышел из комнаты.

Догадалась — он отправился за ремнем, на котором точил бритву. И что делать? Стояла и плакала. Но, оказалось, стоило ему выйти, как у Ричарда встал. Мы оба удивились.

— Она тебе помогла? — спросил папа, когда вернулся.

— Нет. Он сам собой, — сказал Ричард. — Прости, я не хотел.

Он был смущен не меньше моего.

— Ну вот, это мне и было нужно, — сказал папа. — Теперь смотри — когда он становится таким, он может войти ей в щель. И от этого получается ребенок. Так что соображай получше, кому его всовывать.

— Значит, если его туда не совать, то детей не будет? Тогда почему дети все-таки рождаются?

Наука давалась Ричарду с трудом. И мне было нелегко. Никак не могла дожидаться, когда же все это кончится.

— Потому что очень приятно, когда он там, — сказал папа. — Когда-нибудь узнаешь.

Ричард встрепенулся. Все, что приятно, его сильно занимало.

— Вот как, — сказал он. — А можно, я попробую с Молли прямо сейчас? Я хочу понять, как оно происходит.

Папа полоснул ему ремнем по заднице.

— Нельзя. Надень штаны и вали отсюда, — сказал он. — Я показал тебе все, что ты должен знать. Никогда не делай этого с сестрой. Никогда, слышишь? Заруби себе на носу.

Потянулась за одеждой, но папа меня оттолкнул.

— Я хочу с тобой поговорить, — сказал он, когда Ричард ушел.

— Почему ты не хотела делать то, что я тебе велел? — спросил он.

Не смогла придумать подходящий ответ. На самом деле, сама не знала — почему.

— Не знаю, папочка.

— По ремню соскучилась? — спросил он, поднимаясь.

Замотала головой, хотя и знала, что порки не избежать.

— Если я позову парня обратно и прикажу тебе снова, ты послушаешься?

Долго обдумывала его слова. Поняла, что мне остается только одно — держаться за свое. Коснуться Ричарда все равно не смогла бы.

— Нет, не послушаюсь. Ни за что не послушаюсь.

— Сейчас я научу тебя послушанию, — сказал он и выпорол меня так, как никогда в жизни. Но я все равно не сказала, что послушаюсь, и он наконец сдался. Он всегда сдавался, если долго стоять на своем. Выдюжить иногда бывало трудно, а в тот раз и того труднее.

После всего, что произошло, Ричард, конечно же, стал невыносимым. Папа так растревожил его любопытство, что он тут же позабыл, что с сестрами этого делать нельзя. Два года он меня доставал. Но опасен не был, просто надо-едал. Всегда справлялась с ним легко.

Папа считал, что дети должны только слушаться и не задавать никаких вопросов. Мои неприятности случались только из-за непослушания и вопросов. Но для меня он все равно оставался замечательным папочкой, а ни Гид, ни Джонни не могли этого понять. Не нравился он им. И Эдди тоже его не любил. Все замечали только его грубость. Он никогда со мной не нежничал, но я знаю — ему нравилось, как я все делаю, как о нем забочусь. Мучилась оттого, что я единственная, кто его любит. Он не ладил с мамой и обходился с ней суровой, чем с кем-нибудь другим. Мальчики ненавидели его, потому что он загонял их работой, Мери Маргарит его просто на дух не выносила.

С Эдди они сошлись на выпивке. Папа не любил пить в одиночестве. Виски — единственное, чем он мог с кем-нибудь поделиться. А Эдди был не прочь хватануть на дармовщину. Так он и втерся папе в доверие.

И однажды папа мне сказал, что если я соберусь замуж, то лучше Эдди мне мужа не найти.

— Он не бог вещь что, — сказал папа, — но, по крайней мере, будет обходиться с тобой так, как следует с женой. Сюсюкать не будет, это уж точно.

Вот одна из причин, почему я вышла за Эдди. Еще сошлось, что и Эдди, и нашу семью никто в округе не уважал. Папа и Эдди были похожи, оба никогда не стремились пробиться наверх, не то что большинство мужчин. Всю жизнь они себя развлекали, но, по сути, всегда были несчастны. Эдди жил один, никто о нем не заботился, никто с ним не нянчился — вся его родня осталась в Арканзасе.

А Джонни мне нравился давно, с тех самых пор, как с ним познакомилась. Но какой же из него муж — он самый настоящий прирожденный холостяк. Выбирала между Эдди и Гидом. Гид нравился больше, была от него сама не своя и уговаривала себя выйти за Гида. Иногда хотела этого до тошноты. Но казалось — по-настоящему во мне нуждается только Эдди. Жестокая ошибка. Еще думала, что я необузданна и недостойна Гида. Боялась, если мы окажемся вместе, каждый мой шаг будет вызывать у него протест. Еще одна ошибка. Когда я была с Эдди, любой мой поступок вставал ему поперек горла, а Гид любил меня, что бы я ни учудила. Оказалось, что с Гидом у меня очень много общего, гораздо больше, чем с папой или Эдди. Но, чтобы понять это, понадобились долгие годы.

Конечно, не то чтобы только жалела Эдди, иногда и по нему сходила с ума. Особенно по его нечесаным кудрям на затылке. Они-то мне больше всего и нравились. Из-за них, пожалуй, и согласилась за него выйти. Глупо? Но он никогда не стригся, а мне всегда ужас как хотелось положить ладонь ему на затылок.

Однако воспоминаниями сеновал не вычистишь. Заткнула бутылку и выпихнула свое сиденье вниз, чтобы оно больше не соблазняло расслаиваться и мечтать. Стало попрохладнее, уже половина пятого, а когда справилась с западным углом, время подкатило к шести. Пора доить. Постояла в дверях, вытирая пот рубашкой и глядя, как корова бредет в стойло. Внизу в чулане повесила бутылку за ручку на гвоздь. Виски выдержанное, еще может пригодиться. Пока доила, подъехал на своем пикапе Джонни. Стала уговаривать его поужинать. Он легко поддался.

4

Автомобилия не держала вплоть до сорок первого года. Они казались мне опасными, дорогими и уродливыми штуковинами. Не могла взять в толк, чего это столько народу на них просто помешались. И оба моих мальчика тоже с ума посходили: первую заработанную сотню Джимми потратил на старый драндулет. Он гонял на нем три года, а потом продал Джо за пятьдесят. Они все время куда-то ездили. Я отпускала, потому что гораздо меньше боялась, если за рулем был кто-нибудь из них, чем когда водила сама. Они росли в то время, когда автомобили стали обычной нужной вещью, они неплохо в них разбирались и умели хорошо управлять.

А я только через пару лет владения машиной научилась доезжать до города и обратно без особых приключений, да и то, если не было скользко или кто-нибудь не пер навстречу по узкой дороге. Машину покупала в Уичито вместе с Гидом и Джонни.

Гид сел за руль, и мы выкатились из Уичито в сторону Шотландии — на простор. Сняла шейный платок и распустила волосы, шпильки искололи голову. Как хорошо оказаться снова на воле. Если меня спросить, я отвечу — Уичито-Фолс самое противное и уродливое местечко на земле.

— Машина неплохая, — сказал Гид. — Только подвеска у нее жестковата. Попрыгает по нашим ухабам и сломается.

— А я надеюсь на лучшее, — сказала я. — Даст Бог, прокатаюсь на ней всю оставшуюся жизнь.

Стала расчесывать волосы — голова чесалась после шпилек. Стояла ранняя осень. Оба мальчика записались добровольцами недавно, в августе, их еще держали на сборном пункте. Это уже потом Джимми отправили в Нью-Джерси, а Джо — в Калифорнию. Между ними пролегла вся страна.

— Кажется, с мальчиками все в порядке, — сказала я. — Жалуются только на еду.

— Что, оба едят?

— Нет, только Джо.

Миновали Шотландию и приближались к молочным фермам. Уже были видны стада пасущихся коров.

— Он ест, что Джимми тоже еда не нравится.

Гид насупился.

— Не расстраивайся, милый, — сказала я. — Мы ведь все равно не можем ничего изменить.

— Если бы что-нибудь придумать, — сказал он. — Мы с тобой наломали дров вокруг Джимми. Как бы это исправить?

У Гида тогда уже была маленькая Сара шести лет, но Джимми забрался в его сердце пораньше и держался там прочнее, чем она. Она была очень милым ребенком, но вся в мать.

— Ничего нам не исправить, ты сам прекрасно понимаешь, — сказала я. — Если только не переделать всю нашу прошлую жизнь. Можно только надеяться, что его ненависть к нам пройдет, как болезнь.

— Неужели — ненависть? — сказал Гид. — Нет, не верю.

Сама мысль казалась ему невыносимой. Но Джимми-то жил со мной, и я давно привыкла к его ненависти.

— Ненависть, — сказала я. — Странно, что он до сих пор нас не убил.

— Может, армия его изменит, — сказал он. — Может, когда вернется, станет добрее.

Разглядывала расческу. В ней застряло несколько волосков, солнце их окрасило золотом. Прикинула, как бы выглядела, если бы вдруг сделалась блондинкой, — наверное, еще страшней.

— Ничего армия не изменит, — сказала я. — Тебя она бы не изменила. Только мы сами могли все изменить, а не сумели.

Заплакала. Он хотел, чтобы я придвинулась к нему поближе. Не стала, сидела, прижавшись к дверце, и он смог только погладить меня по колену и продолжал смотреть вперед.

На проселке в миле от шоссе, среди пустых пастбищ, где уже не попадалось никаких машин, он остановил автомобиль и затянул ручник. Тормоз взвизнул, визжит он и по сей день. Гид вынул носовой платок, придвинулся и вытер мне лицо. Сняла с него шляпу и положила на заднее сиденье. Виски его уже тронула седина.

— Не надо плакать, — сказал он.

Его платок промок насквозь. Спрятала его к себе в сумочку, чтобы потом постирать и погладить. Глядела в окно, а он меня обнимал. Забралась на сиденье с ногами, он поправил на мне юбку и провел рукой между бедрами.

— Мейбл непременно была бы в чулках, — сказал он. И больше ничего.

Поехали дальше, я свернулась с ним рядом и закончила расчесывать волосы. День был красивый, прохладный, пронзительный, ясный.

Доехали до дому. Дала Гиду понять, что буду не против, если он зайдет. Наверное, из-за воспоминаний о Джимми ему стало неловко, и он отказался.

— Не уезжай, — сказала я. — Никто сюда не приедет.

Он поцеловал меня на заднем крыльце, а внутрь не пошел. Вроде как бы меня застыдился. С ним случалось такое, но не часто. Когда случалось, делалось ужасно больно.

— Ты можешь остаться, — сказала я.

— Знаю. Но лучше не надо.

Повернулась и пошла от него в пустой холодный дом. Всего несколько раз в жизни я так уходила от Гида. Наверное, он сразу же уехал, потому что, когда я вышла доить, его уже не было. На душе кошки скребли: знала, что он казнит себя и мучается, но поделаться с собой ничего не могла. Оставалось ждать, когда он появится сам. Прошли два месяца, два худших месяца в моей жизни. Он вернулся, и я его приласкала. А после того целых полгода он приезжал через день или даже ежедневно.

Мои любимые мальчики и мужчины, из вас я пока потеряла только Джимми. В нем все от Гида: глаза и даже то, как он себя вел. Это замечали все, и от этого было тяжело. Эдди умер раньше, чем проявилось сходство, и не успел ничего заподозрить. А Гид не беспокоился — он гордился Джимми и не скрывал этого. Мейбл держала меня за дешевку, существование Джимми и Джо служило лучшим тому доказательством.

А сам Джимми сломался. Слишком был смышлен, чтобы не догадаться, в чем дело. Наверное, ребята его дразнили, потому что он и Джо всегда ввязывались в драки. Но Джо было на все наплевать, а Джимми — нет. До восьми лет

он сходил по мне с ума. Потом стал задумываться, его грызли сомнения. Что Гид его отец, сказала, когда ему стукнуло тринадцать. Он узнал и возненавидел. А до восьми лет был самым нежным мальчиком на свете, только и делал, что висел у меня на шее. Узнав, с той же силой, что любил — стал ненавидеть.

Было ему около десяти или одиннадцати, когда школьные учителя приучили его к церкви. Один из них, мистер Брейси, полюбил Джимми и каждое воскресенье заезжал за ним и отвозил в церковь и в воскресную школу, а потом привозил обратно домой. Джо он никогда не звал, только Джимми, но Джо это не волновало. Он не провел в церкви и пяти минут за всю свою жизнь. Наверное, от мистера Брейси Джимми получил больше добра, чем зла. Не могла на него сердиться, даже тогда, когда Джимми рассказал, что мистер Брейси с ним делал. Гиду ничего об этом не говорила.

Но именно попы научили Джимми ненависти. Чем глубже он погружался в религию, тем сильнее меня ненавидел.

Глазом не повел, когда сказала ему, что его отец — Гид. Мы сидели за столом.

— Я никогда не назову его отцом, — сказал он.

— Я тебя не уговариваю. Просто хочу, чтоб ты знал.

— Я вообще не буду его никак называть, — сказал он и слово сдержал.

Гид лез из кожи, чтоб с ним подружиться, звал его с собой то на пастбища, то на рыбалку, но Джимми всегда отказывался. Пока был маленьким, восхищался Гидом, а когда узнал правду, единственным его папочкой стал мистер Брейси.

Джимми оказался единственным человеком, на которого я не могла повлиять. Умела угодить папе, даже помочь Эдди. Для Джимми была что придорожный камень.

А вот с Джо он дружил, несмотря на то, что они оба такие разные. Он занимался спортом и был членом разных команд, поэтому и свои друзья у него водились. Везде успевал, стараясь поменьше торчать дома и работать по хозяйству. Говорили, что он хороший игрок и им гордится город. Джо тоже занимался спортом, но оказался игроком средненьким, потому что для него спорт был занятием несерьезным. Не видела ни одной игры с Джимми — он не хотел. А на Джо несколько раз удалось поглядеть.

Однажды произошел серьезный разговор. Летом Джимми побывал в религиозном лагере, и они там убедили его, что он должен стать священником. Возразить было нечего, только думала о том, как бы к этому отнесся его дед. Гид был против, но молчал. Джонни подшучивал, но как обычно, слегка. Джимми его любил и никогда не обижался на его шуточки.

Вечером в воскресенье Джимми вернулся домой из церкви. Кажется, тогда ему было восемнадцать или девятнадцать. Я луцила на кухне горох. Приготовила ему стакан чая со льдом — дело было летом. Терпимости, чтоб принять чай из моих рук, ему хватало. Похоже, его металл в этот вечер слегка размягчился: он начал задавать вопросы.

— Ты хоть раз в жизни была в церкви? — спросил он. — Хотелось бы знать.

— Конечно, — сказала я. — И в лагерь ездила.

— Тебе что — не нравится бывать в доме Господа? — спросил он, глядя на меня глазами Гида.

Не знала, что ему ответить. Сказала правду — нет, не нравится.

Он понурился.

— Пастор сказал, что я должен привести тебя в церковь и он попробует тебя спасти, — заявил он. — Но я сомневаюсь, что получится. Ты ведь не пойдешь?

Улыбнуться было трудно, но я попыталась.

— Нет, не пойду, — сказала я.

— Ты вправду не веришь в спасение души, Молли? — сказал он.

Иногда звал меня по имени, чтоб причинить боль. Не любил называть матерью. А я терпеть не могла, чтобы так, будто мы просто приятели.

— Джимми, если не можешь звать меня матерью, не зови никак, — сказала я. — Серьезно. Разве не сказано в Библии — чти отца твоего и мать твою?

Молчал, уставившись в нерастаявший сахар на дне стакана. Прядь волос падала ему на глаза. Хотелось протянуть руку и убрать ее.

— Не очень-то я верю, что церковь может спасти души, — сказала я.

Продолжала щелкать маленькие стручки и раскрывать крупные, а он молчал. Подняла глаза — он смотрел прямо на меня. Как Гид, когда делал больно.

— Ты предавалась прелюбодеянию и разврату, — сказал он. — Женщине падать ниже некуда.

Он вдруг всхлипнул уголком рта и стал похож на маленького мальчика, который собирается заплакать.

— Я стыжусь тебя, мама, — сказал он. — Мне так стыдно, что даже не сказать.

Оторвалась от гороха.

— Что ты такое говоришь, Джим, — сказала я.

Готова была отдать все лучшее в жизни, только бы его сохранить. Умерла бы тут же, если только моя смерть освободила бы его от тяжести, но так просто ничего не делается. Он молчал, а у меня перехватило горло, не могла говорить совсем. Сидели молча.

— Прелюбодеяние и разврат, вот как это называется, мама, — наконец повторил он.

Может быть, он хотел, чтоб я спорила, опровергала, доказывала, что не совершала ни того ни другого, что священник сказал неправду. Положила горох на стол.

— Для меня, Джимми, это просто два слова, — сказала я. — Даже если они из Библии.

— Но ты делала это, — сказал он. — Ты делала это даже здесь, в доме, в котором мы живем.

— Я не говорю, что я этого не делала, — сказала я. — И не утверждаю, что я хорошая. Наверное, плохая. Но слова — одно, а любовь к мужчине — другое. Больше ничего я сказать не могу.

И правда, как словами описать то, что мы переживали с Гидом или Джонни? Как передать словами наши чувства? Джимми ведь никогда ничего подобного не испытывал, — и как же объяснить ему так, чтобы он понял?

— Есть понятия добра и зла, — сказал он, совсем как его отец.

— Наверное, — сказала я.

Ему нужно было, чтобы я спорила, — я не могла. Словно больна или страшно устала. Не проронила ни слезинки, а плакать хотелось.

Наконец он поднялся и пошел к двери.

— Эти понятия есть, — сказал он. — Неправедная жизнь кончается вертелом в аду.

Казалось, что маленький мальчик пытается сам себя в чем-то убедить. Выжечь меня сильнее, чем уже выгорела, не смог бы никто, и вертел представился ужасной глупостью. Занялась снова горохом.

На армейский сборный пункт его и Джо вызвали с разницей в две недели. Вместе с Джонни мы отвезли Джо в Уичито и посадили в поезд. Отвезла бы и Джимми, если бы он позволил. Но он хотел прошагать пешком три мили до шоссе, чтобы ехать на попутке. Даже подвезти его до шоссе не разрешил. Собравшись, он вышел на крыльцо. Сунула ему двадцать долларов, а поцеловать даже и не пыталась. Он простился и пошел, шел и шел через пастбища, не оглянувшись ни разу. Только перед тем как скрыться за Бугром, перекинул чемодан в другую руку.

Посылала ему пироги и пирожные. Наверное, ему они не нравились, но, может быть, нравились его товарищам.

5

Стоит только начать думать о Джимми, всегда в конце концов перескакиваю на воспоминания об Эдди. Однажды утром, собирая яйца, опять вспомнила о нем. Смешно, а Джимми никогда этого не понять, — я ведь вправду совершила то, что он называет такими страшными словами. Совершила с Эдди, а ведь он был моим законным мужем.

Обожала его кудрявый затылок и, безрассудно отдаваясь ему, совсем не обдумывала линию своего поведения. В ответ добилась, что он не уважал меня и обходился со мною по-хамски. Ему хотелось, чтобы, пока он развлекается на стороне, его жена раздувалась бы от гордости только потому, что она — его жена.

Для него-то, конечно, большая удача, что я за него вышла. Читала как-то в газете о помешанных на сексе. Они начинают убивать, потому что женщины не доставляют им удовлетворения. И с Эдди вполне могло такое приключиться. Всегда думала, что он псих, и даже говорила ему об этом, когда он по три-четыре раза на дню насккивал на меня. Но ему казалось, будто дело только в том, что это я его завожу. Он бесился и запросто мог меня задушить. Иногда, и вправду, я его раззадоривала, но только не четыре раза в день. А он все ругался.

— Ты мерзкая сучка, — говорил он.

И повторял постоянно, и я наконец перестала замечать и раздражаться. Чем меньше я обращала внимания на его ругань, тем подлее он делался. Он вытаскивал меня на задний двор, когда у какой-нибудь из его сук начиналась течка, чтобы я наблюдала, как на нее влезает кобели. Вскоре перестала сопротивляться — смотрела и все тут. Кажется, это зрелище меня вообще никогда не раздражало.

— Ты только глянь, лапа, — говорил он. — Она ведь точно как ты, правда? Ну, совсем как ты. Тебе нравится?

Не отвечала вовсе или выдавливала из себя пару слов, закипая от его похабелли.

— Что особенного в собачьей вязке? — говорила я.

А однажды говорю:

— Надо же, милый. Жаль, не знала, что тебе так нравится любоваться этим делом. Так уж и быть, давай пристроим зеркало у кровати, чтоб тебе было на что посмотреть.

В общем, придумала, как с ним справиться. Он удивился, но решил не отступать.

— Да ради Бога. Давай, — говорит.

Поставили зеркало. Он чуть не спятил. Ему нужно было чувствовать, что он самый потрясающий мужик на свете. И терялся, когда не получалось. А я в тот день не позволила ему распетушиться: то и дело смеялась, откровенно хохотала над ним. Все, что он вытворял, мог бы с тем же успехом проделывать с подушкой. Он и сам догадался. Стоило ему глянуть в зеркало, как он натыкался на мою усмешку. В тот раз ненавидела его за то, что вышла замуж за него, а не за Гида. Он так крепко сжал мою руку, что сломал мне безымянный палец.

— Мне осточертел твой идиотский смех, — говорит и стискивает мои пальцы. — Давай, поплачь теперь, стерва.

Не заплакала, а просто молча на него уставилась. Он встал, оделся, уехал в Оклахому, и недель шесть его не было. К тому времени, когда он вернулся, я почувствовала, что беременна. Это был Джимми.

Но не скажешь, что время, прожитое с Эдди, было таким уж плохим. Вела себя подло по отношению к нему всего несколько раз, когда никаких сил терпеть не было. А иногда, когда я мыла посуду, он вдруг входил, улыбался, развязывал на мне передник, прижимался сзади, поглаживая мои волосы, шею, грудь, спину, пока, наконец, я не поворачивалась к нему и не начинала целовать, оставляя мыльные следы на его рубашке.

Из его девчонок видела только одну, рыжую. Она явилась на похороны вместе с его сестрой Лориной. Эта Лорина исключительно тонко дала мне понять, что бедняге Эдди следовало жениться не на мне, а на этой рыжей. Когда его убили, то хоронили не дома, а в Чикише, штат Оклахома, где жила Лорина. Ехать туда нужно было поездом, и эта поездка была самой дальней в моей жизни. Дело было в холодном и дождливом феврале. Эдди в гробу выглядел очень красивым. Рыжая была так себе, красавицей не назовешь, и вела себя не слишком любезно. Обратю в Хенриетту я ехала одна целую ночь, путешествие было печальным. В черном окне вагона отражалось только мое лицо, ничего больше не было видно. Не могла поверить, что Эдди мертв, казалось, что настанет еще время и его руки прикоснутся ко мне. В Хенриетте поутру меня встречал Джонни с мальчишками. Они поджидали меня с вечера в небольшой гостинице. Солнце уже встало. Мальчики впервые в жизни уехали из дому. Наверное, они замотали беднягу Джонни вусмерть, таким усталым он выглядел. Рада была его увидеть. Мальчики стеснялись и молчали. Джонни подошел и положил мне ладонь на лоб. Рука приятно холодила.

— Молли, дорогая, у тебя жар, — сказал он. — Это от нервов. Похоже, что ты заболела.

— Не нравится мне разъезжать, — сказала я.

Присела на корточки, чтоб мальчики увидели, что я не сержусь на них, и они повисли на мне. Джонни купил им на завтрак пончиков, раньше они их никогда не пробовали. Кажется, мне тоже не приходилось. Пока мы ели, он накрыл телегу тентом — моросил дождь. Из кучи одеял он соорудил нам замечательную лежанку на соломе, там мы с мальчишками устроились, сверну-

лись клубком и проспали почти всю дорогу. Мальчики вконец умаялись, ожидая меня, а потом целыми днями не отпускали от себя. Недалеко от дома я проснулась и перебралась на козлы к Джонни. Он хотел, чтоб я завернулась в одеяло, но туман и дождь были приятны. Увидела наш дом и заплакала, плакала до самого порога. В середине ночи проснулась. Джонни храпел, его рука лежала на мне. Пыталась представить себе Эдди. Нет, его больше не будет никогда. Заплакала, волосы мои на руке у Джонни промокли насквозь, но он так и не проснулся.

Гид и Джонни подкатили, когда яйца были собраны и я меняла воду для кур. Мотор работал, и они глядели на меня из машины. Понятно, оставаться не собираются, иначе бы уже усаживались на кухне. Принесла им попить воды. Оказалось, Гид торопится по делам, и Джонни еле-еле уломал его заехать, чтобы меня повидать, когда проезжали мимо.

— Обед у меня сегодня — сказка, ребята, — сказала я.

Гид был в перчатках, рука его лежала на руле.

— Надеюсь, у тебя неплохой аппетит. И ты все съешь сама, — сказал он. — До обеда нам нужно сделать двухдневную работу. Как поживаешь?

— Отлично. Только одиноко, — сказала я. — Сегодня ты похож на настоящего богача.

— Он такой и есть, — сказал Джонни. — Любой бы дурак разбогател с таким дешевым работником, как я.

Обошла машину и подошла к нему.

— Ты рискуешь, — сказал Джонни. — Не видишь, Гид держит ногу на газу? Он мог на тебя наехать.

— Не такое уж я дерьмо, — сказал Гид.

— Наверное, лучше обходить сзади, — сказала я.

— Нет. Нужно лезть по крыше. Этот тип может и назад дернуть.

Подурачились пару минут и укатили. Обещали на днях навестить. Стало тоскливо — рано или поздно придется Гиду показать письмо от Джимми. Для него оно будет страшным ударом. И не спрятаться от всего этого — война когда-нибудь да закончится.

Ничего поначалу не понимала в сексе, или понимала неправильно, или Гид не понимал, или просто так казалось. Похоже, нас по-разному воспитывали. Кроме папиного сеанса с участием Ричарда, никаких разговоров про это не случилось. Была еще девчонкой, когда умерла мама, но, даже если однажды утром родила бы тройню, она все равно ничего бы не сказала. Не та тема, о которой она могла говорить. Мы, дети, до всего доходили своим умом. А как проверить, правильны твои соображения или нет? Запросто могла родить ребенка в восемнадцать или девятнадцать. А могла и не родить.

Сначала понравились Гид и Джонни. Но они не были настойчивы. Наверное, их запутали родители. Подвернулся Эдди. Он-то уж точно знал, чего хочет и как этого добиться. Не понимала, как его остановить, и не догадывалась, что нужно останавливать. Да еще и была от него в восторге. Но не успели мы с ним свидеться пяток раз, как он сумел меня уложить. Да так, что и не встать. Восторга не получилось, одна дикая боль. Вопила, будто меня режут. А ему было все равно. И каждый раз испытывала боль — полгода или год. Не понима-

ла, как женщина может хотеть, чтобы с ней такое проделывали. Но нашла объяснение: нужно оно только мужчине, чтоб потешить свою гордость, и его через это можно или приголубить, или обидеть — смотря, что тебе от него нужно. С Эдди я ничего не делала, просто разрешала ему развлекаться. Он был несносен, и я собиралась его бросить. Но потом стала сама получать столько же удовольствия, что и он, а вскоре еще больше. И перестала быть ему интересной: он не хотел, чтобы мне просто нравилось, а хотел, чтобы мне нравилось только тогда, когда со мной он. Но было поздно: и Гид, и Джонни уже набрались храбрости, а я стала понимать, какие удивительные вещи можно подарить мужчине, если разделить с ним немного боли.

Кажется, что первое время Эдди считал меня потрясающей и перестал мною интересоваться только после рождения Джо. Налетал на меня по-прежнему, но, хорошо мне или нет, его уже не интересовало. Делал, что хотел, кончал и останавливался. Однажды просто лежала и наблюдала, как он пыхтит, а тут он и говорит:

— Ну, сметана и персики заканчиваются в любой банке.

— Точно, — отвечаю. — Когда все съедено, остается грязная посуда.

Вообще-то, похоже, что Эдди женился на мне только назло Джонни и Гиду.

Гид был не таким. Считал, что я чиста и невинна, а он сам мерзок. Чуть не спятил, когда узнал, что он у меня не первый. Не верил, что секс — правильное дело. Как бы я ни старалась, он уходил из моей спальни, не стыдясь самого себя, раз пять, не больше. Нужно было с ним быть очень осторожной, чтобы он вдруг не подпрыгнул, как от электрошока. Но чутче, чем он, мужчины нет, и я нужна ему была на самом деле. Только не доходило до него, что я хочу, чтоб ему было хорошо, потому что люблю: умом он понимал, а нутро бунтовало.

Вот старина Джонни понимал все. Таланта чувствовать радость у него куда больше, чем у Гида и Эми, сложенных вместе. После объятий он поглаживал меня по плечу и проваливался в сон, спать мог неделями, и мне это нравилось. Что такое хорошо, а что такое плохо — вопрос для него праздный, он редко посещал его голову.

Всегда жалела, что мало знала отца Гида. Он помог бы разобраться в тысяче вещей, и я не тратила бы на эту науку столько лет. Никогда не встречала такого высоконравственного человека. Гид все стонет, что отцовская высота для него недоступна.

Небольшой разговор с мистером Фраем случился месяца за три или четыре до его смерти, когда его уже мучили боли. Иногда я приезжала приготовить им ужин: они жили по-холостяцки, и я их жалела. Пока Гид обихаживал скотину, мы с мистером Фраем сидели за кухонным столом. Побайвалась его, хоть и чувствовала, что нравлюсь ему.

— Делать нечего, — говорит он. — Кто-то берет, а кто-то отдает. Мало таких, чтоб умели и то и другое. Я всегда брал и хорошо выбирал, что брать. Это тоже важно.

— Да что вы, мистер Фрай, — говорю. — Только подумайте, как много вы дали Гиду.

— Ну да, ранчо неплохое, — говорит он. — Но он слишком молод, чтобы его оценить. На мои советы ему наплевать. Лепешки пахнут вкусно, — добавляет

он. — Не будем дожидаться Гида?

Он намазал себе маслом четыре лепешки. А я думала о его словах.

— Наверное, я никогда ничего не достигну, — говорю.

— Ерунда, — говорит он. — Ты способна сорвать миллионный куш, если захочешь. Но ты будешь всегда жалеть мерзавцев, которые того не стоят, и тратить на них все силы. И ничего путного от них не дождешься. Хорошо, что вы с Гидом никогда не поженитесь. Ты бы утопила его в сиропе, и всю жизнь он бы лодырничал. Горе заставляет мужчину работать.

Смутилась, а он ел лепешки.

— Но готовишь ты хорошо, — говорит он и смотрит на меня. Такой острый, долгий взгляд. Сотни раз потом я вспоминала этот взгляд, когда Гид или Джимми смотрели на меня через стол: оба унаследовали его глаза.

— Будь я лет на десять помоложе, отвалил бы за тебя пару миллионов, — говорит он. — Все остальные мужики зацелкали бы зубами, как голодные волки, а Гид просто окошел бы с голодухи.

Хорошо, что ноги мои были под столом: они задрожали, и я не могла произнести ни слова. Смотрела на его руки. Он вытащил спичку и стал выстреливать из нее зубочистку. Когда я увидела его в гробу, подумала, что, будь он вправду моложе, наверняка сделал бы то, о чем говорил.

6

В последний день июля я поехала в город: нужно было забрать почту, купить военные облигации и зайти в бакалейную лавку. Старик Вашингтон, торговавший кормами, только что получил новый сорт смеси для цыплят и пытался мне ее всучить. Пришлось проторчать пол-утра в его лавке, болтая о том о сем. Корм не купила: те яйца, что успевали снести мои куры, и так было некуда деть. Зато совершила единственный доступный мне патриотический поступок — купила военную облигацию. В самом начале войны меня назначили наблюдателем за самолетами. Изучила кучу материалов об авиации, но самолеты надо мной не летали, разве что иногда появлялись трескучие тихоходы нефтяной компании, проверявшие сверху трубопроводы. Иногда по ночам гудели большие, но я их не видела.

Попила в аптеке и направилась на почту. Почтовый ящик был набит торговой рекламой, пришли «Домохозяйка» и «Ридерс Дайджест». Когда вытаскивала всю кипу, на пол упало письмо. Выкинула все проспекты в мусорный ящик и подняла его. Подошла к стойке, открыла, прочла. Во рту пересохло, казалось, что слиплись губы. Кто-то ходил мимо, люди, тени — не знаю. Старина Бердо, почтмейстер, вышел из-за стойки, чтобы прищипить какой-то листок на доску объявлений, подошел ко мне и протянул носовой платок. Не знала, что плачу.

— Я так вам сочувствую, миссис Уайт, — сказал он. — Видно, оно истребит всех наших парней до того, как издохнет.

Пошла искать Гида, а про то, что нужно вернуть платок, вспомнила только через месяц. Знала, что Гид построил новый дом на восточном краю города, где-то на авеню Шелковых Чулок, которую он почему-то называл Ипотечными Рядами. То и дело останавливались машины, люди предлагали меня подвезти. Не знаю, что уж там им отвечала. Увидела машину Гида возле дома, а потом и его самого: он вкапывал столбы во дворе, строил что-то вроде загона.

Увидев меня, он очень удивился. Я спрятала голову у него на груди, вдыхая запах пота и крахмала от рубашки, и перестала что-либо видеть.

— Последнего моего мальчика они тоже убили, — сказала я.

— Молли, ты, может, зайдешь?

Кирпичный дом был огромным и уродливым.

— Поехали домой, — сказала я.

Он отвел меня к своей машине и посадил на переднее сиденье.

— Зайду в дом на минутку, — сказал он.

Я надеялась, что он не приведет Мейбл. Не привел. Поехали.

— Остановись у почты, — попросила я. — Журналы забыла.

Он зашел на почту и забрал журналы: мистер Бердо отложил их в сторону.

Прижалась к нему, когда мы переезжали Луковичный ручей.

— Что же собирается оставить мне жизнь? — сказала я.

Вспомнила о своей машине, когда Гид затормозил у задних ворот, — набитая покупками, она осталась у почты.

По правде говоря, на Гида не обращала внимания, пока не выпила свою чашку кофе. Потом заметила, что его чашка все еще полна и уже успела остыть. Накрыла своей рукой его руку, увидела его глаза и устыдилась своего эгоизма.

— Попей кофе, — сказала я.

И горе ушло. Странно, я теперь не смогла бы плакать, даже если бы захотела. О Джимми в тот день больше не думала, а на завтра думала не о том, что я его потеряла, а о том только, что он лишился жизни и уже никогда ее у него не будет.

За столом Гид сидел со мной рядом. О двух мужчинах сразу никогда не уме- ла думать: один теснил другого.

— Остайся сегодня на ночь, — попросила я.

До вечера мы просидели на крыльце. Так много Гид никогда в жизни не говорил. Рассказал о делах, распрях с Мейбл и о многом другом. Стояла жара, и мы видели, как волны раскаленного воздуха колыхались над пастбищами. Я держала Гида за руку.

— Мы с тобой должны были стать мужем и женой, — сказал он в тот раз.

Не ответила. Не любила рассуждать о том, как было бы хорошо, если бы что-нибудь сделать по-другому. Мы сделали то, что сделали, и да, конечно, случились ужасные вещи, но ведь если бы мы поступили иначе, то все равно — случились бы другие ужасные вещи.

Мы закончили все хозяйственные дела, легко поужинали и сидели в гостиной, включив свет и не зная, чем заняться.

— Сыграем в домино, — предложила я.

Выдвинули карточный столик. Играли часа четыре, спать не хотелось. Мне везло, я все время выигрывала.

— Рыба, — наконец сказал и он.

Я долго мешала кости, а Гид попросил показать то единственное письмо от Джимми. Соврала, что письмо потерялось. На самом деле оно лежало в коробке из-под обуви. Я вся сжималась, когда приходилось врать Гиду, так он был доверчив и так легко его было обмануть. Часть меня все же требовала показать письмо: увидев, он никогда не смог бы меня покинуть. Но, слава Богу, не показала.

— Ну что ж, — сказал он. — Может быть, найдется на днях. Почему бы нам не лечь, раз нечего делать?

Было жарко, ни намек на ветерок. Сказала, чтобы Гид снял нижнюю рубашку, но он не послушался и тут же уснул. Три или четыре раза за ночь вставала, брызгала простыни водой: пот лил с меня не переставая. Один раз Гид проснулся, приподнялся на локтях и увидел, что я не сплю.

— Мы с тобой прошли долгий путь, ведь правда? — сказал он и снова уснул. Спал он всегда на животе. Да, вместе путь долгий, думала я. Только и порознь не меньший. Следующей ночью меня поджидает луна и пустая постель. Положила руку ему на шею, почувствовала под рукой капельки пота.

Похоже, что все же немного поспала: когда открыла глаза, Гид уже натягивал джинсы.

— Я по хозяйству, — сказал он. — Лежи, досыпай.

— Может, стоит пролежать в кровати всю оставшуюся жизнь, — сказала я и встала. Готовила завтрак, пока он обихаживал скотину. Потом поехала с ним в город за своей машиной. Сказать друг другу нам было нечего. Возле почты наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Спасибо, что побыл со мной, — сказала я.

— Ты что, Молли, — сказал он. — Наш единственный сын.

Дома пошла в кладовку, вытащила то письмо из обувной коробки и, присев у мусорного бачка, перечитала его снова.

ЗДРАВСТВУЙ, МОЛЛИ,

пишу, чтобы просто сообщить — когда кончится война, я домой не вернусь, вы все меня не ждите. Доберусь до Техаса не скоро, в мире есть другие места, и они мне нравятся гораздо больше.

Джо как-то писал мне, будто ты опасаясь, что я вдруг женюсь на какой-нибудь филиппинской девушке и без предупреждения притащу ее домой. Не волнуйся, на филиппинке или какой другой не женюсь. Война сделала свое дело, религия меня больше не интересует, девушки — тоже, а интересуют только мужчины. У меня есть богатый друг, богатый по-настоящему, он хочет, чтоб я остался с ним, и обещает, что мне никогда в жизни не придется работать. Я собираюсь остаться с ним. Если нас не убьют, мы, наверное, будем жить в Лос-Анджелесе.

ДЖИММИ

Надеюсь, что этот богатый друг его любил. Джимми был жестоким мальчиком, но, наверное, пережить все это — моя судьба. Сожгла письмо, взяла корзину и пошла собирать вчерашние яйца.

На консервы, которым от роду было лет десять или того больше, наткнулась, когда наводила порядок в погребе в конце августа. Некоторые банки закатывались еще тогда, когда мальчики были совсем маленькими и жили мы по-настоящему бедно. Казалось, нужно накопить как можно больше еды на случай суровой зимы. Съесть их мы были не в силах, а с каждой зимой их набиралось все больше и больше. Наверное, половина уже стала совершенно негодной. Теперь я совсем одна, и что же мне с этим добром делать? Подозрительные банки выкинула, а те, что посвежее, стащила в коптильню, чтобы потом Джонни отвез бы их в Талию и раздал нищим.

То, что осталось, составила на пол, чтобы протереть полки. Работать даже в прохладном погребе было жарко и пыльно. Сделав половину работы, поднялась наверх, чтобы попить, и обнаружила Гиду. Он топтался посреди двора, поджидая меня, и казался почему-то страшно напряженным.

— Привет, — сказала я. — Давно зажигаешь?

После получения известия о Джимми он приехал только второй раз.

— Пару минут, — сказал он. — Ты работаешь?

— Прибираю в погребе, — сказала я. — Останешься пообедать?

— Скорее нет, — сказал он. — Мне просто нужно с тобой переговорить.

Понятно. Сразу стало ясно, что ему только так кажется. А зачем приехал, видно даже невооруженным глазом, раз он так взвинчен. Жаль, что я такая пыльная и вспотевшая.

— Ну, заходи, — сказала я. — Приготовлю чай со льдом, пока будем разговаривать.

Не собиралась я давать ему чаю. Слишком хорошо его знала. Если позволить ему говорить, когда говорить не хочется, то он застесняется, застыдится, и все будет испорчено прежде, чем он меня коснется. До постели он не должен раскрывать рта. Когда мне удавалось его расковать, он обожал постель. Ему нравилось это не меньше, чем Эдди, может быть, даже больше, только расслаблялся он очень редко.

Шла на кухню, он — следом. Обернулась, он налетел на меня и поцеловал, не задумываясь. Ага, подцепила на этот раз. Лучше бы ополоснуться, смыть пыль, но, в конце концов, не так уж и важно. Главное, Гид расслабился, если он скован, то и я скована.

После ненадолго уснула, — такое случалось редко, — а проснулась оттого, что он протирает мне лицо и шею тряпкой.

— У тебя пыль на веках, — сказал он. — Я не хотел тебя будить.

— Я вся в поту, — сказала я. — Принесу чай со льдом, он уже готов.

Когда вернулась с двумя стаканами в спальню, он по-прежнему сидел с тряпкой в руке, но уже успел натянуть штаны.

Был он очень грустен. Почему? Я-то счастлива. Протянула ему стакан и залезла в постель.

— Что случилось, милый?

Он кинул тряпку на тумбочку и долго молчал. Потом сжал мою щиколотку.

— Я думал о тебе, — сказал он. — Похоже, я по-прежнему от тебя без ума, хоть и прошло столько лет. А приехал я сказать тебе, что больше я этого делать не буду. Наверное, мне грустно потому, что сегодня был наш последний

раз.

— Еще чего, — сказала я.

Улыбалась, а в животе заныло. Хотелось схватить его и крепко держать. Никогда он ничего похожего не говорил, а как только сказал, я поняла, что это всерьез и что он будет крепко держаться сказанного. Нужно было молчать: чем больше наговорю, тем больше мы будем отдаляться друг от друга. Но ведь любила его, и потому бросилась в бой.

— Даже мысль об этом меня убивает, — говорил он. — Но так нужно, Молли.

Я помолчала, а потом сказала:

— Гид, конечно, не мое это дело, но очень любопытно, так чего же мне не спросить: вы с Мейбл когда-нибудь этим занимаетесь?

Рот его дернулся.

— Да, конечно, — сказал он. — Раза три-четыре в год. Но то, что я сказал, не имеет к Мейбл никакого отношения.

— Маловато, Гид, — сказала я. — Но если она не хочет тебе давать, а я даю, что ж тут плохого? Зачем нужно все усложнять? Разве ты не знаешь, что я устроена так, что должна хоть что-то кому-то отдавать?

Он по-прежнему держал мою щиколотку и молчал.

— Ты тоже меня стыдишься? — спросила я.

— Стыжусь? Тоже? — переспросил он. — Кем же надо быть, чтобы тебя стыдиться?

— Джимми стыдился, — сказала я.

Счастья как не бывало.

— Уж за кого мне стыдно, так за нас обоих, — сказал он. — Вместе. А решился я на то, на что решился, и из-за Джимми тоже.

— Почему же тебе стыдно, а мне нет? — сказала я. — Я что — жалкая тварь? Я всегда думала, что если чувства искренни, то грех не грех.

— Не знаю, — сказал он. — То, что мы с тобой делали, — зло, так меня воспитали, так говорится в Библии, так утверждают церковь и закон. Всегда, кроме тех минут, когда мы с тобой этим занимаемся, я уверен, что это зло. Но так живет любой негодяй. Люди считают, что воровство зло, только пока сами не пошли на дело. Но если оно вообще зло, так почему оно перестает быть злом, когда ему предаемся мы сами? Разве я не прав?

У меня задрожали ноги. Поняла, что теперь-то уперлась в стену по-настоящему, но зачем-то продолжала спорить:

— Гид, перед тобой просто я. Я не закон, я не церковь. Я просто хочу сказать, что раз оно зло, так пусть нам хватит мужества его творить. За грехи мы отправимся в ад, а без тебя мне там будет плохо.

— Может случиться кое-что и похуже, — сказал он, обхватив голову руками. — У нас мог бы появиться еще один Джимми. Ты ведь еще не стара. А у меня — маленькая девочка, о ней тоже надо думать. Мы поломали жизнь одному ребенку, а могли бы еще и другому. Это хуже, чем оказаться в аду.

Теперь сказать было нечего.

— Молли, ты можешь выйти замуж за Джонни, — сказал он. — Он ведь тоже всегда тебя любил.

— Он не хочет жениться, — сказала я. — А я не хочу замуж. Мне всегда был нужен только ты.

— Тогда зачем ты вышла замуж за того жалкого подонка? — спросил он. Наверное, двадцать лет хотел спросить и вот спросил. — Почему не вышла за меня? Мне-то ты ведь тоже чуть не поломала жизнь, Молли!

Я на самом деле чуть не поломала ему жизнь, я была всему виной. И перед Джимми виновата. А Гид собирается меня бросить. Вот как оно повернулось.

— Если бы знать, что же это такое — любовь, — сказал он. — Одни разбитые сердца, вот что это такое.

— Но ведь что-то доброе мы тоже делали, я знаю точно, — сказала я. — Не бросай меня, Гид, пожалуйста.

— Я буду заглядывать, — сказал он. — Как только смогу это себе позволить.

Тут я заплакала.

— Ладно, прощай, и пошел ты к черту, — сказала я. — Ты никогда не сможешь этого себе позволить, и плевать тебе, что мне сорок три. Мне нравилось то, что было, даже если оно не нравилось тебе, и я этого не стыжусь, даже если ты стыдишься.

— А Джимми? — сказал он.

— Джимми мертв. Ему не поможет, что ты меня бросаешь.

— Молли, я не бросаю тебя, — сказал он. — Так нужно. Разве ты не понимаешь, что я просто убит. В жизни никого не бросал.

— Ну, придумай слово поизящней, — сказала я. — Не я, а ты уже одет.

Все виделось сквозь слезы, я протянула к нему руки, а он встал и надел рубашку.

— При тебе вся моя гордость улетучивается, — сказала я, но он ушел, а я долго лежала и плакала.

8

Гид сдержал слово. Так и должно было быть. Ни разу он не позволил себе отпустить поводья. Только лет через десять прикоснулся ко мне, да и то лишь для того, чтобы похлопать по плечу.

Когда все только случилось, признать это было нестерпимо, и я решила, что верну его при первой же встрече, чего бы это ни стоило мне или ему. Знала, что смогу это сделать: в запасе было много еще не использованных способов.

Два месяца его не видела, а когда он появился, через пять минут поняла, что не стану делать то, что наметила. Приехал он в октябре. Я была на кухне, он постучал и вошел, держа в руках щенка койота. Он и раньше пару раз привозил мне щенков, чтобы я их растила.

— Я убил его мамашу, Молли, — сказал он. — Может, возьмешь?

— Конечно, — ответила я. — Сейчас найду для него коробку.

А когда устроила щенка, проводила Гида через двор. Но осталась за забором, не пошла с ним, как прежде, до машины.

В тот раз, когда он спрашивал, отчего я вышла за Эдди, а не за него, ответить мне ему было нечего. Потом стала думать, и, похоже, думала слишком долго, но ответа так и не нашла, даже для себя самой. Правильного, во всяком случае. Пожалуй, одного ответа и не существовало вовсе, а если был, то мне он остался неизвестным. Наверное, что-то во мне не так, как нужно, устроено, раз сама не разберу, почему вышла замуж за одного мужчину, а не за другого.

Знаю о себе множество мелочей, например, какая нравится еда, какие запахи, что люблю делать. И кое-что поважнее — про «отдать» и про «взять» — то есть про то, о чем в тот единственный раз говорили с мистером Фраем. Мой брак с Эдди стал для нас всех самым главным событием, самым главным из того, что я в жизни совершила. Но так и не знаю, почему и зачем вышла за него, и что дало бы мне это знание. Оно ведь не изменило бы того, что уже однажды сделано.

За месяц, который прошел с тех пор, как Гид меня бросил, я растерзала беднягу Джонни в клочья. Приезжал он часто. То не подпускала его даже на десять шагов, то впадала в другую крайность. Плохо собой владела. Однажды за ужином он заговорил об этом:

— Молли, я думаю, что будет лучше, если я скажу. В последнее время ты меня путаешь с Гидом. Мне это не нравится. Мы с ним разные люди. И нечестно делать вид, будто я — это он.

Не могла произнести ни слова от стыда. Мы сидели молча.

— Ты прав, — наконец выдавила я. — Извини, Джонни. Не сердись на меня, ладно?

— Ладно. Не буду, — сказал он. — Если ты больше не будешь. На такого потрясающего повара как сердиться?

— Гид теперь ко мне относится по-другому, — сказала я. — Ты, наверное, знаешь. Мне плохо от этого.

— Ему еще хуже, — сказал он. — Мне даже казалось, что он готов с собой покончить. И раз так долго собирается, то, скорее всего, будет жить.

Я дала ему понять, что благодарна за терпение и за то, что наконец-то он кое-что сказал. Мне стало легче. Первый раз с тех пор, как Гид бросил меня в спальне, успокоилась.

— Послушай, — сказал Джонни. — Мы не станем никого убивать друг из-за друга, но нам хорошо вместе. И всегда было хорошо, и я хочу, чтоб оно так и оставалось.

— Ну не знаю, — сказала я. — Я-то кое-кого из-за тебя убила бы. Смотря кого, но так, немного, не больше двух.

Ему стало легче. Наверное, понял, что я не вру.

Мысли о Гиде меня не покидали, нужно было выговориться.

— Джонни, — спросила я, что ты думаешь о том, чем мы с тобой занимаемся? Хорошо это или плохо?

— Мне хорошо, — сказал он. — А судить об этом, будто я — не я, не собираюсь.

Такого ответа мне было мало.

— Не волнуйся, — сказал он. — Пусть Гид об этом думает. А тебе зачем забивать этим голову?

— Я и с ним тоже этим занималась, ты ведь знаешь, — сказала я. — Это плохо, что я все эти годы была с вами обоими?

— Чего плохого? — ответил он. — Гид сдвинут на тебе еще сильнее моего. Но он чокнутый, и сам с собой воюет.

— Мы с тобой, в конце концов, вырастили сына, — продолжал он. — Хорошего сына. С Гидом тебе в этом смысле не повезло, но такова жизнь. Так уж звезды для Джима сошлись, ничего не поделаешь. Я еще бессонницей от стыда никогда не мучился, надеюсь, и не буду.

— Ты прав, — сказала я. — В каком-то смысле. До последнего времени я тоже этим не мучилась. Вот если бы только Гид с нами согласился.

— Ну, тогда бы он перестал быть Гидом, — сказал он. — Кто-то должен решать, что хорошо, а что плохо.

Что бы Джонни ни говорил, как бы ни был прав, Гида мне всегда будет не хватать.

Около девяти вечера проснулась. Джонни натягивал сапоги.

— Ты разве не остаешься на ночь? — спросила я.

— Глупость, — сказал он. — Забыл дойных коров в стойле. Если их не выпустить, Бог ведает, что они там натворят. Ужас, как уходить неохота.

— Если так, то давай, — сказала я.

Встала, надела ночную рубашку и с фонарем проводила его до пикапа.

— Ты и помрешь босиком, — сказал он.

Одевался он наспех: один рукав остался не застегнутым, и я задержала его, чтобы застегнуть ему манжет.

— Если сможешь, возвращайся, — сказала я. — Тем более, раз я разобралась, кто ты есть.

— Не волнуйся, — ответил он. — Ты даже не успеешь заметить, что я живу не здесь.

Ночь была нежная, теплая. Вернулась на крыльцо и уселась на качели прямо, как была, в ночной рубашке. Спать не очень хотелось. Откуда-то со стороны Бугра долетел лай койота. Стояло полнолуние, и я смотрела, как огромная, старая золотая луна поднимается над пастбищами. Волосы мои распустились, расчески с собой не было, а идти в дом не хотелось. Пока я так сидела, передо мной, отплывая от луны, стали возникать мои мужчины, они плыли над пастбищами, по двору и крыльцу. Папа и Эдди, они были пьяны, от них разлило виски. Отвернутое лицо Джимми. Может быть, он думал о школе. Смеялся Джо, и лениво чему-то ухмылялся Джонни. А Гид глядел прямо на меня, и было видно, что он жалеет о том, что не может запустить руки мне в волосы.

III

ОТПУСТИ МОИХ КОНЕЙ НА ВОЛЮ

*Но, Боже правый! Коли вспоминаю
О юности разгульной и прекрасной
И плачу, и стенаю, и сгораю,
Душа моя торит свой путь напрасный
К тем милым дням.
Увы мне. Старость, враг опасный,
Похитила и красоту, и силу.
И поделом! Вперед, в могилу!*

*На жерновах размолото зерно, развеялась мука,
Лишь горстка отрубей не продана пока...*

«Хозяйка бани»

*Пред тем, как лягу я на отдых под горою,
Мне шпоры положи на грудь да стертое седло
И отпусти моих коней на волю.*

ТЭДДИ БЛЮ из: «Их посылали на север»

1

Только я опустил столб в яму и начал уминать черенком лопаты землю, как вдруг заметил, что Гид засеменял к машине. Мне он ни слова не сказал, а просто взял да и понесся. Ладно, сэр, я за вами. У вас там в ведерке со льдом скучает холодное пиво, вам одному с ним не справиться. Когда я подошел, он уже устроился в тени своего нового пикапа и высасывал первую банку. Я тоже открыл банку, сел у заднего колеса и приготовился слушать. Гид закинул соломенную шляпу в машину и поставил банку между ног, наверное, чтобы она не мешала ему размахивать руками. Шляпа не спасла его от ожогов — лысина покрылась волдырями. Под лысиной разбойничал град. Утром мы поспорили с Молли, где вести забор, а споры с Молли почему-то всегда возвращают Гида к воспоминаниям о том страшном граде.

— Я ездил в Антелопу за почтой, — говорил он. — А этот старикашка Дирт-добер ничего не понял — ну туча и туча, думает. Но мне-то виднее. Я всегда заранее знаю, когда град будет.

— Это точно, — сказал я. — Угадать погоду для тебя суцая ерунда. Тут ты никогда не промахнешься.

— Я получил каталог «Монтгомери Уард» и засунул его в карман седла, — продолжал Гид, — а потом вытащил аркан. «Шевелись, ублюдок», — говорю, и давай его нахлестывать по ушам. Он так удивился, что рванул галопом.

— Полегче, Гид, — сказал я. — Не размахивай руками, пиво перевернешь.

Но когда у него начинался словесный понос, ему уже было не до пива. Лет до шестидесяти он все больше помалкивал, а позже просто не закрывал рта. Тот град случился в Талии аж весной 1924 года, а ему никак его не забыть. Его не забыл никто из старожилков — людям тогда досталось больше, чем окнам или посевам. Старик Харшел Монро только вышел из банка, так ему градиной

раскроило череп. Говорят, что Белла Монро эту градину подобрала и спрятала в ледник. Она там лежала десяток лет, пока кто-то из внуков не засунул ее в рот вместо леденца. Эта история пересказывалась столько раз, что даже я в конце концов в нее поверил.

— Тут мы добрались до небольшого мескита, — говорил Гид. — Старина Дирт уже еле шевелился.

— Само собой, — сказал я. — Нечего ездить на двадцатидвухлетней лошади.

— Ну, тут я спешил и стащил седло. А, черт!

— Так и знал, что ты прольешь, — сказал я. — Полбанки коту под хвост.

— Не твоя банка, — сказал он. — Тебе-то что?

— Пиво, ясное дело, твое, — согласился я. — Но чего ж открывать, коли все равно не пьешь?

— Раз купил, нужно открыть, — сказал он и потянулся к ведерку за новой банкой.

— Слушай, — сказал я, — давай я из твоей попью, а ты рассказывай.

— Заткнись, — сказал он. — Пока ты возился с одной банкой, я две приговорил.

— Ясное дело, — сказал я. — Во-первых, ты постарше меня будешь. А во-вторых, я пью до конца, на землю не выливаю, как некоторые.

Он замолчал и стал сосать пиво, пока не высосал почти всю банку.

— Ты бы работал, как болтаешь, — заявил он. — Было бы чем похвалиться в жизни.

Ну вот. По нему выходит, что за жалованье работать унижительно. А по мне, так лучше делать что хочется, и плевать, есть ли у тебя собственные мескиты да дикие груши, или нет. Сто раз я ему втолковывал, но не доходит, нет, не доходит.

— Я рассчитывал, что старина Дирт устоит на месте, — сказал он. — Залез ему под брюхо, да еще седлом накрылся.

Он все тер лицо рукавом, наверное, его старый облупленный нос чесался.

— Ну и жарища, — сказал он.

— Давай, рассказывай. Солнце сядет, тогда поработаем.

— Сижу под седлом и слышу — льет. Думаю, град кончился, пошел дождь. Но запах не тот. Гляжу — на землю падает, и тоже — на воду непохоже. Град молотит вокруг, как с цепи сорвался, остается тихо сидеть. А потом все же встаю и шарах ему седлом в брюхо. «Чертова скотина, — говорю, — подождать не мог».

— Отлично, — сказал я. — Хотелось бы полюбоваться.

— Не смешно, — сказал он. — И ничего постыдного тут нет.

— Ну, и хвастаться тоже нечем, — сказал я.

Он помахал банкой пива перед моим лицом.

— Ты-то, вообще, помолчал бы, — сказал он. — Где ты сам был во время этой бури? Я, по крайней мере, — дома, как порядочный человек. Ни по какому Нью-Мексико я не шастал.

— Я тоже, — сказал я. — Ты даже рта не раскрываешь, а я уже знаю, что ты скажешь. Девятисотый раз тебе говорю: я ни в каком Нью-Мексико не был. Я был в Техасе, рядом с Бейлиборо. Чего уж там не было и в помине, так это лошадей, которые бы меня поливали мочой.

— Не меня! Седло! — эту деталь Гид каждый раз настойчиво подчеркивал.

— Пока ты все объяснишь, мозги от жары расплавятся.

— Я ему врезал, а он меня лягнул, — сказал Гид грустно, уплыв в воспоминания.

Гид страшный поперетчик, но мне его иногда жаль. Стареет, но сам этого не хочет признать. Середина июля, настоящее пекло, а этого старого болвана не заставишь полежать и отдохнуть. Только и знает рассказывать пыльные байки и сам заводится от воспоминаний. Если бы я мог ему хоть что-то внушить, то посадил бы его и сказал: «Черт тебя возьми, Гид, ты уже стареешь, пора утомониться. После обеда полежать и отдохнуть вовсе не вредно». Но он только разозлится, и пользы от совета будет куда меньше, чем вреда. Пусть уж все идет само собой. Да я и сам не прочь послушать старые байки хоть в сотый раз.

— Гид, надень шляпу, — сказал я. — Ты куда-нибудь помчишься и о ней забудешь. Вот тебе и солнечный удар.

— За десять лет Дирт тогда лягался первый раз, — сказал он. — Удивительное дело. А потом он от меня убежал.

— Ты на него не орал?

— Ну да. Только что толку?

— Конечно, никакого, — сказал я. — Ты на меня тоже орешь, и тоже без толку.

— Так ты же не лошадь.

— Какая разница? Когда ты кричишь, никто тебя не понимает. Ни одного ясного слова.

— Ерунда, — сказал он. — Если бы ты вставил себе эти штучки для слуха, все бы разобрал. Они совершенно незаметны. Никто не виноват, что ты стареешь.

Только он один умел сообщать новости таким мерзким тоном.

— При чем тут старость? — сказал я. — Когда орешь, ты брызгаешь слюной. Ясное дело, виноваты вставные зубы. И еще, когда будешь покупать пиво в следующий раз, купи лучше «Перл». А это, которое пьем, как нагреется, делается вроде лошадиной мочи.

Он кинул пустую банку в мусорную кучу.

— Слушай, Джонни, хорошо бы убрать отсюда все банки, — сказал он. — Эта дрянь блестит, как тут скот загонишь в машину?

Я тоже швырнул банку в кучу. Хорошо, когда есть куча, где копятся пустые банки: результаты твоих трудовых усилий налицо.

— Пусть лежат, — сказал я. — Куча растет, и в нее легко попасть. И я что-то не слышал, чтобы в ближайшее время мы собирались что-то отгружать.

— Да, куча что надо, — сказал он.

Гора банок до сих пор на месте. Мы, слава Богу, так и не сподобились с нею расправиться. Теперь она вроде памятника.

— Может, поработаем? — сказал я.

Он исчиркал не меньше пяти спичек, пока зажег сигарку. Она тут же потухла. Но, вообще-то, он их покупал, чтобы жевать.

— Кажется, тебе хотелось отдохнуть, — сказал он. — Я стараюсь облегчить ему жизнь в такую жару, а он рвется вперед, как дикий мустанг. За тобой нужен глаз да глаз, а то, чего доброго, ты себя загонишь до смерти. Похоже, ты просто хочешь доказать, что еще на что-то годишься.

— Ну, давай, бей меня, бей, — сказал я. — Я ведь ручной.

— Ну, куда тебе? Вчера смотрю, а у тебя поджилки трясутся. Это ты яму для столба копал.

— Вчера было жарко, — признался я. — В такую жару любой может перегреться.

— Ну, конечно. Любой. Да, да.

— Не дадакай. Сидит тут и дадакает, — сказал я. — Тебя самого качает по сто раз на дню. Падал бы, если б за лом не держался.

— Не выдумывай, — сказал он. — Просто, когда пот заливает очки, я спотыкаюсь. Вот и все.

— Конечно, — сказал я. — Так оно и есть. Через месяц, значит, ты из-за пота ложишься на операцию? Из-за пота?

— Издеваешься над больным человеком, — сказал он. — Дай мне рассказ закончить.

Хоть я и знал эту историю наизусть, получше, чем проповедник Библию, но все равно решил послушать. Любопытно, какие-такие новые повороты в нее вплетет Гид.

— Дело было в том, — сказал он, — что старикан Дирт наступил на меня, когда удирал, и повредил мне бедро.

— То-то ты такая развалина, — сказал я. — Нужно было в молодости беречься.

— У тебя на шляпе шпанка, — сказал он. — Гони, пока не укусила. При чем тут «развалина»? Есть, конечно, пара хворей, но, вообще-то, я в полном порядке.

Я взмахнул шляпой, чтобы отшвырнуть чертову муху.

— Эти паскуды одолеют всю страну, — сказал я.

— Да. Вместе с мескитами и правительством. Надеюсь, не доживу и не увижу, как это будет.

— Не доживешь, — сказал я. — Страна еще как-то продержится.

— Что-то непохоже, — сказал он. — Еще десяток лет, и пуп надорвешь, чтобы по-честному жить.

Четырехдюймовый огрызок сигары он швырнул в гору банок.

— Ну, чтобы жить по-честному, нажимать нужно и сейчас, — сказал я. — Но большинства это не касается. Что случилось с сигарой?

— Ничего. Неплохая сигара. Просто себе дороже зажигать такой огрызок, вот я и выкинул.

— Иди ты в задницу, — сказал я. — Дают тебе с доллара сдачи четвертак, и ты его не берешь. Таскать в кошельке себе дороже.

— Именно, — сказал он, — себе дороже. Ничего на него не купишь.

— Нет, Гид, ты подумай. Ты выкинул целый гамбургер. Или пять ореховых батончиков.

— Ты сам подумай, — сказал он. — Кому нужны целых пять ореховых батончиков? Только представь себе человека твоего возраста, который грызет конфетку.

— Ореховые батончики — очень хорошая вещь. Так и тают во рту.

Все потешались над тем, что я люблю сладкое. Я постоянно грыз конфеты и вовсе не собирался менять привычки только потому, что кучка идиотов считает это недостойным занятием. Еще мне нравится «Делаварский пунш»[3].

— Хочешь не хочешь, а прохладное время дня пролетает зря, — сказал я. — Завтра будет не меньше ста десяти градусов[4].

— Завтра мы не работаем, — сказал он. — Я обещал Сьюзи сходить с ней на «Белоснежку».

Потом я опять копал ямы, а Гид загонял в них столбы и утрамбовывал землю. Чертова земля была страшно твердой, я долбил раз по десять в одно место, чтобы пробить верхнюю корку. Под ней был песок с гравием. Не знаю, как долго мы возились, но когда я поднял голову, красное солнце уже сидело на вершине горы Скво, что милях в десяти отсюда. И опять — воспоминания. Когда мы были молоды, там было излюбленное место для пикников. Считалось, что там похоронена какая-то индианка, и мы с Молли вместе не раз глядели на ее могилу. Именно там Молли укусила гремучая змея. Эта змея даже не сворачивалась в кольцо, но все равно достала Молли до бедра. Когда я готовился вырезать укус, Молли закрыла глаза. Я никак не мог решиться начать. «Если ты не сделаешь, я не смогу быть твоей девушкой», — сказала она, и я решился. Когда я накладывал повязку, она меня поцеловала. «Я остаюсь твоей девушкой», — сказала она. Я чуть не сдох, пока вел ее домой.

— Солнце садится, Гид, — сказал я. — Давай кончать.

Он оперся на трамбовку и поглядел на солнце. Уши у него вспотели, так он упарился.

— Еще одну яму, — сказал он.

Я выкопал яму, он вставил столб и утрамбовал землю, а я тем временем вытащил рубашку из штанов, чтобы вечерняя прохлада добралась до живота.

— Ну и денек, — сказал он, бросил трамбовку, оперся на столб и уставился на меня.

— Ну, чего тебе? — спросил я. — Яма мелковата?

Он фыркнул.

— Ты никогда не верил, что этот град был таким страшным, — сказал он. — Сидел в Нью-Мексико и прохлаждался. А твой папаша в тот год не смог собрать ни бушеля пшеницы.

— А я тут при чем? Он что, когда ее сеял, не знал, что иногда случается град?

Хотя, конечно, папе можно было посочувствовать. Тот град снова превратил его в нищего. Но, если бы не град, все равно случилось бы что-нибудь другое.

Гид подобрал лом, я взвалил лопаты на плечо, и мы пошли назад вдоль линии забора.

— Уже почти семь, — сказал я. — Старперу, вроде тебя, нельзя работать так долго. Ты уже не дикий койот.

— Ты сам тоже не жеребец.

Мы дошагали до стоянки и загрузили все наше барахло в багажник пикапа. Гид кинул монетку, чтобы выяснить, кто поведет машину. И опять ему повезло — то ли он был большим специалистом по киданию монет, то ли самым удачливым типом на свете. Чаще одного раза в месяц он за руль никогда не садился.

— Не налети на тот валун, — сказал он, когда мы тронулись.

— Не встрейвай, — сказал я. — Водитель здесь я.

Через пастбища мы выехали на шоссе.

— Красивый закат, — сказал Гид. — Только глянь, какое зарево. Как будто кто-то поджег весь мир.

— Только не мы, — сказал я.

Небо на запад от Талии, в самом деле, было страшно ярким, раскрашенным в оранжевое с красным.

— Хорошо бы выбрать время и заехать к Молли, — сказал он. — Может быть, послезавтра.

2

Через три дня я встретился с Гидом на дороге. С утра его не было, и послеобеда я решил съездить поиграть в домино. Хотя, наверное, мог бы сообразить, что он все же явится. И тут же, на полпути до города, увидел его машину, шедшую мне навстречу со скоростью миль шестьдесят, впереди за два подъема. Понял, что зря поехал.

Когда обычно мы встречались с ним на шоссе, он сперва чуть не пролетал мимо, разговаривая сам с собой и ругаясь, словно не заметив или не узнав меня. Я ждал, остановив машину: чего пятиться по узкой дороге? Да и водители из нас аховые. Он возвращался задним ходом очень быстро, изо всех сил своего шестицилиндрового шевроле, высунувшись из окна, выплевывая сигару и поддавая газу. Иногда скатывался в кювет, а то налетал на пивную бутылку или невесть откуда здесь взявшийся железнодорожный башмак. Обычно обходилось без серьезного ущерба, но пару раз случались настоящие поломки.

С утра шел дождь. Мы встретились на вершине холма возле пастбищ Джемисона Вильямса. Дорога была немного скользкой. Гид, пока соображал и тормозил, укатил за гребень. Я ждал, выжав сцепление и нажав на тормоз.

Вскоре послышалось завывание мотора и показался хвост шевроле. Приближался он слишком быстро и направлялся чуть западнее, чем следовало. Я отпустил сцепление и съехал с дороги. Руки у Гида вспотели, что ли, но, он не удержал руль, и его шевроле стало заносить. Слетев с насыпи, машина станцевала вальс, перепрыгнула канаву, проломила забор Джемисона, завертелась, прошибла забор в другом месте и направилась к дороге. Через кювет не перескочила, а перевернулась.

Ничего себе! Я выскочил из пикапа и подбежал. Гид был погребен под разным барахлом: дорожными картами, старыми конвертами, открывалками для пива, плоскогубцами. Всегда его бардачок был набит под завязку. Я помог ему выбраться.

— Ты не ранен? — спросил я.

Нос был сильно ободран. Рана вроде не глубокая, но на новую серую рубашку капала кровь.

— Нос не сломан?

— Нет, черт побери! — сказал он. — Не задавай идиотских вопросов.

— Наверное, ты врезался в лобовое стекло, — сказал я.

— Я трахнулся о крышу, — сказал он.

— Не разговаривай, — сказал я. — Посиди просто так. Ты понимаешь, что попал в аварию?

Но он упорно шагал к дороге, согнувшись, чтобы кровь не капала на рубашку. Как будто собрался идти пешком до ранчо.

— Эй, — окликнул я его. — Кончай разгуливать. У тебя могут быть повреждены внутренности.

— Сигара, — сказал он. — Я потерял сигару. Только ее зажег. Я не собираюсь ее ни за что ни про что выкидывать.

Железная логика. Я прислонился к шевроле. Он отыскал сигару и подошел ко мне.

— Кончай расслаживаться, — сказал он. — Гони сюда свой пикап, тащи цепь, будем вытаскивать эту срань.

Я встал и огляделся: ну и дела! Только со мной может такое случиться. Когда я выскакивал из пикапа, то позабыл про все на свете. Теперь этот говнюк сам собой скатился в кювет по другую сторону дороги и там отдыхал. Гид взбежился.

— Жопа, — сказал он. — Мог бы догадаться затянуть тормоз.

Даже ребенок на моем месте сообразил бы не снимать машину с передачи или затянуть ручник.

— Ты так орал, когда летел на забор, — сказал я, — вот я и заторопился.

— Ну, а что делать, когда прешь прямо на забор? — сказал он. — Только орать. Послушай, я за что тебе плачу, как ты думаешь?

— Будь я проклят, если знаю, — сказал я. — Я проработал у тебя всего лишь тридцать восемь лет, так что у тебя еще не было времени, чтобы мне объяснить.

— Во всяком случае, не за то, чтоб ты ежедневно гонял в салун резаться в домино.

— Сегодня я подумал, что неплохо бы съездить в салун и узнать новости, — сказал я. — Вдруг началась война, откуда я знаю.

— А радио на что?

— Ну, там то музыка, то треск. Часто треск симпатичнее.

— Ладно, — сказал он. — Кончай со мной спорить. Хватит тут торчать. Давай ее вытаскивать.

— Которую?

— Твою, конечно. Моя все равно вверх ногами.

— Ради Бога, тащи сам, — сказал я, решив, что от удара он повредился умом. — У Генри есть трактор. Тут всего пара миль. Я могу сходить и пригнать трактор в мгновение ока.

— Я не собираюсь одалживаться у Генри, — сказал он. — Начинай подкапывать.

Но тут из дубовой роци показались козы Джемисона Вильямса. Их было около сотни, и они перли как раз к дыре в заборе. Это зрелище слегка отрезвило Гида.

— Бежим, — сказал он. — Надо заткнуть дыру, а то эти сволочи расползутся по всей округе, и нам придется их собирать до второго пришествия.

Он был прав. Коза может легко схорониться в высоком бурьяне или в барсучьей норе, и ищи-свищи ее потом хоть целую неделю. А тут их целая сотня.

— Тащи лассо, — сказал он. — Может, удастся натянуть между столбами.

— Восемь рядов проволоки не останавливают козу, — сказал я. — Что толку от веревки?

— О'кей, — сказал он. — Бери на себя северную дыру, а я — южную.

— Ну, беру. И что делаю? — спросил я. — Собой затыкаю?

— Черт тебя побери, Джонни, — сказал он. — У тебя что, мозгов нет? Что, прикажешь каждый шаг тебе подсказывать?

Он засеменил к дыре со скоростью моего обычного шага. Наверное, ему казалось, что он бежит. Я подошел к своей дыре и остановился.

— Маши руками и кричи, — сказал он.

— Гид, — сказал я. — Тебе самое место на олимпийских играх. Ты там всех уделаешь. Представь, что случится с тем недоумком, который на тебя нападет. Особенно если рядом нет ничего вроде дерева, чтобы взлезть и спасти свою шкуру.

Он бесился и мог запросто кого-нибудь укусить. Кроме меня никого не было под рукой, поэтому мне следовало заткнуться. Мы подняли страшный шум, и большая часть коз побоялась идти напрямик через дыры в заборе. Но, поскольку шевроле проделал довольно большой пируэт, расстояние между проломами составляло ярдов тридцать. Забор, конечно, не дыра, но не препятствие для настоящей козы. И, хоть Гид и вопил, как индеец из племени чоктоу, один старый козел плюнул и махнул прямо через забор. Наверное, пора было вызывать «скорую помощь» или добровольцев-пожарных. Козел выбрался на дорогу и блял, призывая соплеменников.

— Врежь сукину сыну! — вопил Гид.

Кроме комка земли, ничего под рукой не оказалось. Я швырнул, но промазал. Гид располагался на склоне повыше, возле него было много камней, и он открыл по козлу беглый огонь. Перелет случился на четвертом или пятом броске: камень со звоном взорвал заднее стекло моего пикапа.

— Черт побери, — сказал Гид. — Нашел, где пикап пристроить.

— Нашел, где кидаться камнями, — сказал я. — У меня там на сиденье банка с мазью от слепней. Если ты ее разбил, я от тебя увольняюсь, слово чести. Не хочу всю оставшуюся жизнь нюхать эту дрянь.

Но тут двинулись в наступление остальные козы Джемисона Вильямса. Они рассредоточились и подлетели к забору, как стая перепелок. Чтобы их отогнать, у нас просто не хватало рук. Да я и не сильно рвался бороться с козами, а стал пересчитывать тех, кому удалось преодолеть забор.

Гид сражался с невиданным упорством. Сцепился с козой, развернул и отправил ее обратно. И только налетел на старого козла, как коза развернулась волчком, махнула через кювет, побежала по дороге, скакнула через другой кювет, продралась сквозь колючую проволоку и исчезла в кустах. Гид в обнимку с козлом рухнул на землю. Похоже, что Гиду пришлось труднее, чем козлу, но упорства у него было побольше. Гораздо больше. Более упорного человека, чем Гид, я никогда не встречал, кроме, разумеется, его отца. И это вовсе не какой-то там сомнительный комплимент. Раз он решил, что хоть один козел обязан остаться на пастбище Джемисона, так оно и случилось. Мы связали его брючными ремнями, и Гид на него уселся.

Выглядел он совершенно измочаленным. Разом постарел так, что мне стало страшно. Сплющенная его шляпа валялась на земле. И когда он за ней потянулся, козел взбрыкнул. Гид полетел вверх тормашками и упал вниз лицом. Было не смешно, я потянулся, чтобы ему помочь, но он не двигался.

— Я пока полежу, — сказал он. — Ноги не держат. Даже на связанном козле не усидеть.

Я вспомнил, как когда-то там, на равнинах, он объездил за день восемна-

дцать диких лошадей. Упасть с козла — настоящее поражение. Он сел и стал вытирать рукавом рубашки ободранный нос. Я подал ему шляпу.

— Возьми платок, — сказал я. — А то вотрешь в нос инфекцию.

— И пусть, — сказал он.

— Может, все обойдется, — сказал я. — Может, Джемисон научил коз собираться по сигналу рога?

— Труби хоть в рог слона, их все равно не собрать, — сказал он.

Что же это за штука такая — рог слона? Никогда не слышал. А козел, раз ему удалось отделаться от Гида, решил, наверное, что ему подвластны сами небеса, и, лежа на боку, продолжал брыкаться и биться о землю.

— Если бы хватило денег, я просто выкупил бы всех этих коз, — сказал Гид. — Пусть бы себе бродили, а если бы кто какую поймал, то пусть бы себе и взял.

— Мы их понемногу соберем, — сказал я. — Джемисон не станет нас торопить.

Более медлительного и бестолкового белого, чем этот Джемисон, на свете не было. Он держал небольшое стадо убогих коровенок, которых отпускал летом болтаться вдоль дороги. Каждый вечер его старуха Юдифь и парни их собирали и гнали домой, а позади тащился сам Джемисон на своем унылом старом додже.

— Он тихход, но не дурак, — сказал Гид. — Сообразит, сколько с нас содрать за этот сраный забор. Ты не мог, что ли, еще пару минут проторчать дома? Тогда ничего бы такого не случилось.

— Ну, и ты мог выехать раньше на пару минут. Все одно. А если бы ты не так хреново водил машину, тоже ничего бы не случилось. Взрослый человек, а с машиной не справляешься. Где это слыхано?

— Бывает, — сказал он. — Сплошь и рядом.

Он все потирал локоть. В конце концов я спросил, что там у него.

— Да нет, ничего такого, — сказал он. А когда закатал рукав, показалось что-то вроде опухоли, как после укуса змеи. Локоть раздулся с грейпфрут и стал цвета старой автомобильной покрышки — наверное, там лопнули сосуды.

— Этого только не хватало, — сказал я. — Устраивать сеанс борьбы с вонючим козлом до потери руки. Смотри, как все почернело.

— Это руль, — сказал он. — Долбаный руль. Он хуже змеи. Когда я в первый раз его отпустил, он закрутил мне руку. Думал, что все обошлось, но, наверное, рука сломана.

Похоже. Он ломал эту руку три раза. Однажды его снесло ветром с крыши гумна, потом его сбил с ног подлый бычок, а еще раз, как мне кажется, он врезал по руке дверцей своего пикапа.

— Слышишь, машина? — сказал я. — Я ее остановлю, и тебя отвезут в больницу. Нужно сделать рентген. А я останусь и вытащу пикап.

Вообще-то, я собирался пойти к Генри за трактором.

Но Гид даже не пошевелился.

— Пусть едут, — сказал он. — Я чуток передохну и помогу тебе копать.

— Нет, сэр, — сказал я. — Ваша рука нуждается в лечении.

Я вышел на дорогу. И кто бы вы думали ехал? Конечно, Молли. Ее машина еще не вынырнула из-за бугра, а я уже знал, что это она. По пятницам она все-

гда ездила продавать яйца, и теперь показалась ее единственная за всю жизнь машина, старенький ффорд. Я почувствовал, что мы оба в дерьме — один разбился, другой завяз, — и отвернулся от дороги.

Зная, как она водит машину, я думал, что она проедет мимо, не заметив нас. У нее продавленное водительское кресло, и ей приходится сильно задирать подбородок, чтобы вообще что-то видеть. Где уж тут глядеть по сторонам. И, скорее всего, она нас и не увидела, а просто почувяла и стала тормозить. Если бы дорога была чуть более скользкой, в канаве оказались бы целых три машины вместо двух. Жалко, что она не завязла, — должна же существовать хоть какая-то справедливость. И она, и Гид одинаково плохо водили машину. Только в сложном положении она замедляла ход, а Гид — напротив, поддавал газу.

Но на этот раз повезло — остановилась она без приключений. Гид все так же сидел на прежнем месте, ощупывая руку, а связанный козел сумел, извиваясь и брыкаясь, упрыгать шагов аж за тридцать. Не могу сказать, что Молли выглядела на миллион долларов — на ней была панама, синий комбинезон, в котором она обычно доила коров, и старые, бывшие мои, галоши. Но умрет она все равно симпатичной женщиной: в ней сохранилось достаточно шарма, чтобы напомнить, какой она была прежде. Стоя на дороге, она не спеша осматривала поле битвы. Потом пнула ногой машину Гида, чтобы понять, качается ли она, и стала изучать следы на склоне, пытаюсь восстановить для себя картину происшествия.

Гид ждать не умел.

— Иди сюда, — сказал он. — Ну авария как авария, и ничего стыдного тут нет. Мы тебе расскажем.

Но она расхаживала по склону, пытаюсь разобраться во всем самостоятельно.

— Посмотрите-ка на нее, — сказал Гид. — Ледяная коровка. Такая независимая. Кто-нибудь ей рога-то пообломает.

— Ну, тут плюнешь и запросто попадешь в двух парней, которые пытались это сделать лет сорок подряд, — сказал я.

— А я это сделал, — сказал он. — И сделаю еще раз.

— Никогда не думал, что ты такой оптимист.

Наконец она перебралась через кювет и подошла к нам, спокойная, как всегда. Когда бы я ни заставлял ее за кухонным столом, она выглядела довольной, словно кот, наевшийся сливок. Жизнь поработала над ней не так, как надо мной и Гидом. Она уперлась руками в бока и смотрела на Гида сверху вниз, смахнув панаму. Ее волосы, которые только слегка тронула седина, свободно развевались. Они были почти сплошь черными, длинными и красивыми, как прежде.

— Ну, нос-то у тебя ободран, — сказала она. — Кажется, ты угодил в аварию.

Гид фыркнул.

— Какая тут авария, — сказал я. — Просто мы соревновались, кто из нас сможет соорудить из себя большего придурка.

— Даже не скажешь, кто победил, — улыбнулась она мне.

— Кто б говорил, — сказал Гид. — Мало я тебя вытаскивал из кюветов и всяких канав?

— Конечно, — сказала она. — Я и не утверждаю, что я хороший водитель.

Но я собираюсь в город, а у вас какие планы?

— Сидеть здесь, пока нос не затянется, — сказал он. — Не хочу шастать, брызгая кровью.

— Ладно, давайте цепь с крюком, — сказала она. — Попробую вытащить пикап.

Похоже, он только того и ждал, — лишь бы самому не просить.

— Если твоя колымага потянет, будет здорово, — сказал он.

И протянул мне руку, чтобы я помог ему встать. Но тут же завопил, как раненый бык, — сдуру он подал мне больную руку. Пришлось усадить его обратно, а Молли присела с ним рядом, закатала ему рукав и стала осматривать его локоть. Он отмахивался от нее здоровой рукой, но ей все было нипочем.

— Не суй свою лапу мне в лицо, — сказала она. — Тебя что, змея укусила?

Говорить он не мог, так болела рука. Потом он протянул мне здоровую руку, и я помог ему встать.

— Идем, — сказал он. — Она тебя вытащит, только цепь найди.

На Молли он не глядел, боялся, что она увезет его к себе и станет лечить. И не успел я пошевелиться, как он уже пересек дорогу и принялся обшаривать пикап в поисках цепи.

— Никогда он ничему не научится, — улыбнулась Молли. — И это хорошо. Иди уж, найди эту цепь, что ли. А то он уронит ее себе на ноги.

— Если бы. Это было бы здорово, если бы у него одновременно отказали и рука, и нога. Может, тогда мы бы его притормозили и уберегли от серьезных увечий.

Я подошел к пикапу. Половину барахла из-под сидений Гид уже вывалил наружу.

— Не путайся под ногами, — сказал я. — Однорукому не стоит возиться с цепью.

Цепь нужно было вначале найти, а потом вытащить. Ее заклинило между гидравлическим домкратом и большим водопроводным ключом, который жил на этом месте больше двух лет, застряв так крепко, что никто не мог его освободить. Будь проклят изобретатель сидений в пикапах: под них ничего не спрячешь, не ободравши костяшки рук, а спрятав, хрен вытащишь обратно. Я отстранил Гида, и он заворчал:

— Всегда так. Мое состояние уходит на его жалованье, а он еще мною командует.

Мне удалось приподнять домкрат и ухватиться за конец цепи. Тут подошла Молли, и Гид заткнулся, словно спрятался в черепашьем панцире.

— Интересно, что придумают козы, — сказала она. — Пока они двигают к мосту.

— Пусть эти твари подохнут с голоду, — сказал Гид, прислонившись к крылу машины и, похоже, оставив все попытки чем-нибудь заняться. — Пусть ночью поднимется вода в ручье и всех их утопит. Чем коз, лучше держать борзых, один черт.

— Ничего плохого в козах нет, — сказала Молли. — Наверное, они приносят Джемисону неплохой доход.

Успокаивая нервы, они продолжали свою дружескую дискуссию, а я наконец вытащил цепь. Потом я собрал все, что раскидал Гид, и кое-как уложил обратно. А когда закреплял цепь, увидел Джемисона на старом, толстом, унылом

коне. Он приближался к нам, спускаясь с холма.

— Глянь-ка, кто к нам едет, — сказал я. — Готовь чековую книжку.

— Ну тебя в задницу, — сказал он. — Если бы ты так не возился, мы бы давно уже были в городе.

— Он верхом на своем Грустном Беби, — сказал я. — Его нетрудно обогнать и пешком.

Молли изо всех сил старалась не рассмеяться.

— Джемисон ведь тебя не поколотит, — сказала она. — Он никогда не выходит из себя.

— Да не боюсь я, что он меня поколотит, — сказал Гид. — Я боюсь его безумных мыслей. За ремонт этого гнилого забора он такое запросит. Сейчас увидишь.

— Не паникуй, — сказал я. — Придумай какую-нибудь байку. Например, что в этот забор тебя втолкнул другой автомобиль, который потом смылся.

— Не стоит, — ответил он. — Без толку. Джемисон такой тупой, что врать ему бесполезно. Он понимает только чистую правду.

И в самом деле, Джемисон понял все без особых усилий. Он подъехал к дыре, сполз с Грустного Беби и пошел прямо к Гиду, протягивая ему руку. Он был помешан на рукопожатиях. Здраваясь с Молли, он коснулся шляпы, подошел пожать руку мне и только потом заговорил.

— Ну, Гидеон, — сказал он, — вижу, пробил ты мне забор. Что, скользко на дороге?

— Немного, — сказал Гид. Когда его прижимали к стене, речь его становилась крайне скудной.

— Ну, а сколько времени тебе и Джонни нужно, чтобы собрать всех коз? — сказал Джемисон. — Юдифь не любит, когда козы болтаются на дороге.

А это вот неправда. Юдифи было все равно. Может, она даже была бы рада, если бы козы сгинули навсегда.

— Поглядим, — сказал Гид. — Во что ты их оцениваешь, то есть сколько за голову?

— Знаешь, Гид, как я узнал, что козы разбежались? Честное слово, я бы ничего не знал, если бы этот одноглазый старый козел не ворвался во двор и не боднул малыша. Он крепко боднул малыша, а потом стал гоняться за собаками.

— Бог ты мой, — сказала Молли. — Мне козы всегда казались такими мирными. Никогда не подумала бы, что они могут кого-то поранить.

— Это же самое я говорил жене, — сказал он. — Такая жалость, что она плохо стреляет. Прежде чем попасть в этого козла, она пристрелила отличную собаку.

— Может быть, стоило стрелять из дробовика, — сказал Гид. — С ружьем труднее справиться.

— Ну, знаешь, Гид, она стреляла из десятикалиберного. Даже не скажу, сломала она себе плечо или нет. Может, доктор сделает ей рентген, когда повезем к нему мальчика. Козел боднул его сквозь садовую ограду.

— Очень скользкие дороги, Джемисон, — сказал Гид. — На твоем месте я бы подождал, пока немного просохнет, прежде чем ехать. Человек оказывается в канаве с раздолбанной машиной и даже не успевает ничего сообщить.

— Насчет коз я вот что думаю: плати по сорок долларов за голову, — сказал

Джемисон. — Если они мокнут под дождем, то шерсть никуда не годится.

Поклонившись Молли, он снова коснулся шляпы и пошел, чтобы влезть на своего Грустного Беби. Не многим повезло видеть фантастическое зрелище, как садится на лошадь коротышка Джемисон. Глаз не отвести. Он подвел Грустного Беби к машине Гида, залез на машину, а с машины взгромоздился на лошадь. Но Гида это представление не развлекло, настроен он был предельно мрачно.

— Сорок за голову? — сказал он, прикидываясь, что цена завышена.

— Да, за эти деньги козы твои, Гид, — сказал Джемисон. — Их было восемьдесят шесть. Если тебе неохота их покупать, вы с Джонни можете в любое время пригнать и оставить их в загоне. Юдифь с парнями их подоят и выпустят на пастбище.

Позже мы узнали, что Юдифь сломала ключицу. Хорошо, что она не пристрелила кого-нибудь из своих детей.

— Завтра мы вернем коз, — сказал Гид. — И я приведу людей, чтобы починить забор. Мне очень жаль, что так получилось. Пришли мне потом медицинские счета.

— Такова жизнь, Гид, — сказал Джемисон. — Ну и дел с этим дождем. Оставьте коз в загоне. Мы с женой рады помочь соседям.

— О'кей, — сказал Гид. — Заезжайте к нам всей семьей.

— Непременно. Пошел, Беби, пошел.

И он уехал в направлении гумна.

— Ну и цирк, — сказал Гид.

— Молли, подгони машину поближе, — сказал я. — Цепь коротковата.

Как только я прицепил машину Молли к пикапу, вытащить его уже не составляло большого труда. Но удивительно, как Молли не разорвала его пополам.

— У тебя есть примерно десять футов слабины, — сказал я. — Езжай потихоньку, натягивай цепь, а как натянется — жми на всю катушку.

— Думаешь, она сможет? — спросил Гид.

— Отойди-ка, чтоб тебя грязью не забрызгало, — сказала Молли.

Она разогнала свой форд, как какой-нибудь «Боинг». Я знал, что она может устроить, поэтому покрепче вцепился в руль. Когда цепь натянулась, получился такой рывок, что моя голова чуть не улетела ко всем чертям. Но из грязи мы выбрались. Гид хотел запрыгнуть на ходу, но оказался слишком далеко и не успел. Я просигналил, чтобы она остановилась, дорога была слишком скользкой, и я боялся тормозить. Просто сидел и готовился выпрыгнуть, если что случится. Невозможно угадать, что устроит Молли за рулем. Однажды, когда я ехал с нею, она умудрилась перевернуть трейлер с двумя свиньями и одиннадцатую хрюками только потому, что нам просигналил при обгоне автобус. «Нечего ему было сигналить», — сказала она потом. А я полдня собирал эту визгливую сволочь.

Но тут мне повезло. Цепь провисла и дернулась на повороте, и Молли вспомнила обо мне. Я вылез из пикапа и отвязал цепь, пока мы не укатили слишком далеко.

— Вот это да, — сказала она. — Похоже, мы забыли Гида.

— Он нас догоняет, — сказал я, не оглядываясь. Настолько-то я его знал.

Я уже собирался подать машину к нему, когда раздался его вопль.

— Стой на месте, — кричал он. — А то на меня наедешь!

Он раскраснелся и стал похож на старого сердитого индюка.

— Ты что? — сказал он Молли. — К дереву тебя привязать?

— Ну, чего ты пешком пошел? — сказала она, ни капли не сердясь на него, как всегда. — Садись ко мне в машину. Мы в город не едем, мы возвращаемся ко мне. Нужно заняться твоей рукой.

И она поймала его за больную руку, чтобы он не мог убежать, и молча повела к своему форду. Он знал, что с ней шутки плохи, тем более когда у нее такое физическое превосходство.

Молли прожила всю жизнь в старом тейлоровском доме на холме. Говорили, что это самое высокое место графства. И правда, от дома открывался вид во все стороны на многие мили. Впервые я увидел Молли именно здесь: она несла из погреба кувшин виски для своего старикана. Первый раз в жизни я был в гостях. У меня в семье все светловолосые, и я никогда не забуду, как был потрясен, увидев черноволосых детей Тейлоров. Мой папа со старым Тейлором сидели на задних ступеньках и полчаса пили виски, а потом отловили нас с Молли и заставили тоже выпить по глотку. Мы заплакали и убежали в свинарник, где стали есть лепешки из месива, которым кормили свиней, чтобы отбить мерзкий вкус виски. Когда мы вернулись назад, Тейлор придумал еще одно развлечение: он повесил на забор ведро и пообещал мне десять центов, если я в него попаду из его старого двенадцатикалиберного дробовика. Что такое десять центов, я не знал, но был без ума от ружей. Папа придерживал ружье, поэтому вряд ли вся отдача досталась мне, но все же удар был приличный. В ведро я, конечно, не попал, и старик не дал мне десяти центов, — что такое эти центы, я узнал только через пару лет. Молли пожалела меня, отвела в погреб и показала самогонный аппарат.

Она всегда оставалась на месте, прожив всю жизнь на одном и том же холме. Наверное, она не видела смысла в передвижениях. Однажды ночью, когда мы были помоложе и еще спали вместе, я проснулся от дребезжания стекол под ветром и спросил ее об этом.

— Разве тебе не интересно поглядеть мир? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Я здесь живу точно так же, как жила бы в любом другом месте.

Обняла меня, и мы заснули.

И, возможно, она была права, испивая свою чашу на этом холме. Здесь она родилась и ходила в школу возле Бугра Идиота, чтобы поучиться ту малость, которую ей довелось поучиться. Матушка ее умерла от гриппа в 1918 году, а папаша спился. Не знаю, что стало со старшим братом Шэпом. Сестра Мери Маргарет вышла замуж за продавца из магазина, а Рича поймали на краже седел и отправили в колонию. Как-то Молли говорила, что он вышел на свободу, но здесь он не объявлялся никогда. Эдди упал с вышки, Джо убили немцы, Джимми — япошки, а Молли так и оставалась на этом самом месте и продолжала жить. Иногда я думаю о том, что же будет со старым тейлоровским домом, когда не станет Молли и всех нас. Не могу представить этот холм без нее. Хотя, наверное, все на свете имеет конец.

Когда мы приехали к ней, она угостила нас персиковым пирогом и кофе.

Гид сидел тихо, как мышь. Она принесла из коптильни керосин, чтобы смочить Гиду руку. Он тут же ожил.

— Ой, и это все? — сказал он.

А до того никак не мог справиться с рукавом, верно, опасаясь, что Молли притащит пилу.

— Кричи, если она будет зверствовать, — сказал я. — Пойду на воздух. Здоровому человеку вредно нюхать керосин.

Я вышел и присел на задние ступеньки. Отсюда было видно далеко, просматривались все земли Молли и часть земель Гида. Так хорошо было просыпаться раньше в ее спальне.

Дождь кончился, и облака на западе становились прозрачными, как полотно газовой ткани. Вскоре на мокрых мескитах заиграло солнце. Сквозь сетчатую дверь я слышал, как Молли разговаривает с Гидом, и, странное дело, чувствовал себя брошенным. Но я ведь это и так знал. Несмотря на возраст, Гид то и дело поговаривал, что пора покинуть Мейбл и переехать к Молли, и она тоже хотела этого. Наверное, это было бы хорошо для них обоих, но от этого я казался себе вроде бы лишним. Ведь мы оба так долго были с нею связаны. Конечно, Гиду следовало бы бросить Мейбл, терпеть ее тридцать лет — настоящая каторга. Но она удерживала его внучкой. Я пошел в огород поглядеть, как поживают помидоры и кукуруза. Если я хочу уничтожить полчища шпанки на этом огороде, придется почаще заглядывать к Молли на ужин. Все равно она всегда поджидает меня к ужину.

Теперь солнце стало таким жарким, что я укрылся в тени возле парадной двери. На крыльцо вышел Гид. Его рука была обмотана чуть ли не половиной простыни, и он выглядел довольным, как опоссум.

— Я просто заново родился, — сказал он.

Молли принесла три больших стакана пахты и тарелку холодных кукурузных лепешек. Мы сидели молча, поедая лепешки и запивая их пахтой. Изредка кто-нибудь что-то говорил и смолкал. Видно, все мы думали о былом. Наконец я заметил, что Гид и Молли ничего не видящими глазами смотрят вдаль.

— Который час? — спросил я.

Они оба дернулись от неожиданности.

Гид выудил карманные часы, но они не шли.

— Тени уже длинные, — сказала Молли.

— Пора собираться, — сказал Гид.

— Остались бы на ужин. У меня свежие бобы, вылущенные. Сейчас мы их поджарим.

— Кажется, мы не сможем, — сказал Гид мрачновато и поставил пустой стакан на поднос. Рана у него на носу все еще ярко горела.

Молли пошла во двор и стала срезать лилии для букета.

— Чего вам чуть-чуть не обождать? — сказала она. — Ужин скоро будет готов.

— В другой раз, — сказал Гид. — Спасибо тебе.

— Не нужно мне вашего спасибо, — отрезала она. — Я хочу, чтобы вы поели вместе со мной.

Мы обошли дом, постояли у старого погреба, который строил еще старик Тейлор. Солнце было совсем низко, а на северо-западе снова собирались тучи.

Гид сказал, что нужно ехать, а Молли еще раз попыталась уговорить нас

остаться. Совсем скисшая, она вышла с нами к пикапу. Пытаясь поднять ей настроение, Гид похвалил повязку, которую она сделала.

— Не забывайте меня, приезжайте, — сказала она.

— Обязательно, — сказал я. — Может, я вернусь сегодня.

— Давай, если сможешь. Я оставлю что-нибудь на плите.

— Нет, специально не жди, — сказал я. — Вдруг я смогу не раньше одиннадцати.

— Хорошо, — сказала она. — Как хочешь.

Мы простились и выехали через ворота для скота на луг. Она стояла у ветряка, глядя в пространство, а может быть, просто нам вслед.

— К старости она стала совсем одинокой, — сказал он.

— Скажи, куда ехать, — сказал я. — А то будешь ворчать, что я тебя не туда завез.

За всю жизнь он никак не мог взять в толк, что я не умею читать его мысли. Однажды, когда мы были помоложе, я напился и повез его на родео в Ньюкастл. А потом выяснилось, что у него были билеты на родео в Уорике, штат Оклахома, за сто пятьдесят миль в другую сторону.

— Отвези меня домой, — сказал он грустно.

Уже много лет он по вечерам в тоске. Если бы меня ожидала ежевечерняя встреча с Мейбл, закат мне бы тоже казался отвратительным.

— Молли уже давным-давно одинока, — сказал я. — Ее независимость просто показуха.

— У нее бываем только мы, — сказал он. — Интересно, почему она не водится с женщинами?

— Потому же, что и я. Они все, кроме Молли, глупы, как курицы.

Он стал обдумывать сказанное. Еще не совсем стемнело, но в Талии уже горели огни. Пока мы поднимались на холмы, я видел их мерцание. Дождь принес приятную прохладу, остро пахло зелению.

Я повернул на дорожку, что вела к его дому, и затормозил. Гид открыл дверцу, но не двинулся с места.

— Как же мы выловим этих долбанных коз? — сказал он.

— Лучше трах-бах, — сказал я. — Патроны дешевые.

— А козы дорогие. Придется поутру их отлавливать.

— Так я и знал, что тебя потянет на приключения.

— Если будешь в салуне, скажи Чарли Стартону, чтобы он взял свою «Техпомощь» и вытащил мою машину, — сказал он. — Можешь показать ему, где она.

Не хотелось ему, видишь ли, чтобы она ночевала в канаве.

— О'кей, — сказал я. — Увидимся на рассвете. Какую лошадь тебе привести? Может, специальную для охоты на коз?

— Приведи любую, — сказал он.

Он вылез из машины, но все еще держался за дверцу. Я тронулся задним ходом. Лучший способ отделаться от него — взять да и уехать. Когда я выворачивал на улицу, мои фары его высветили: он чистил сапоги возле дверей.

Чарли Стартон стоял возле салуна и курил сигару.

— Что случилось с Гидом? — спросил он. — Водить разучился?

— У него замедлилась реакция, — сказал я. — Ну, ты едешь или нет?

А у Чарли, когда дело касалось денег, реакция достигала невиданной скорости. Мы тут же поехали, и он вытащил машину из кювета. После десяти я смог заглянуть к Молли, но она уже спала. Это было неправильно. Мне не нравилось ее одиночество и то, что я лишился ужина, на который рассчитывал. Но делать было нечего. Поехал домой, накормил цыплят, съел целую миску печенья и завалился спать.

3

Однажды утром, пару недель спустя, мы встретили Молли в магазине кормов. Уже был август, стояла засуха, и Гид хотел немного подкормить коров. Мы приехали рано, надеясь, что окажемся первыми покупателями, но у погрузочной платформы уже стоял старенький форд Молли.

— Наверное, корм для цыплят покупает, — сказал я.

Гид занервничал. Может быть, они недавно выясняли отношения, кто их знает.

Она сидела на задворках магазина на мешке с кормом для собак и пила кофе с рабочими. Самюэль Хаустон гладил своего старого шелудивого пса и что-то заливал, как всегда.

— Привет, Гид, — сказал Самюэль Хаустон. — Видел моего пса? Умнее собаки у меня никогда не было, я назвал его Солнышко Билли. Он умеет выпивать яйца прямо из-под курицы, а она даже ничего не замечает.

— Не хотелось бы вас, ребята, беспокоить, — нетерпеливо сказал Гид, — но, если вас не затруднит, я хотел бы получить дюжину мешков хлопкового жмыха.

Три мексиканца расхохотались. Им так сладко было сидеть за кофе, что они были готовы смеяться по любому поводу и без повода.

— Нет проблем, — сказал Самюэль Хаустон. — Никаких проблем. Мы для этого тут и находимся. Присаживайтесь, выпейте кофе.

— Нет, благодарю, — сказал Гид. — Нам нужно получить жмых и ехать. Если будем тянуть резину, станет еще жарче.

— Зачем куда-то ездить? Этак можно перегреться, нужно себя поберечь. После обеда жара спадет.

— Конечно, посидите минутку, — сказала Молли. — У меня к вам просьба.

Но на Гида накатило упрямство. Он нервно топтался на месте. Мне надоело стоять, и я сел.

— Нам в самом деле нужно ехать, — сказал Гид. — Может, мы с Джонни сами погрузим, если вы покажете, где лежит корм.

— Как хочешь, Гид, — сказал Самюэль Хаустон. — Он прямо в том углу. Будь как дома.

Так я и знал — дело закончится тем, что придется грузить мне. Гиду проще совладать с гремучей змеей, чем с мешком корма. Он никогда не таскал мешков, разве что, если уж совсем приспичит. Но стоило мне встать и сделать первый шаг, как мексиканцы бросились к мешкам, и через минуту корм был погружен. А как только Гид это увидел, он подумал: ага, работа идет, значит, можно тут немного посидеть.

И сказал то, чего говорить не стоило, потому что Молли немедленно приняла это на свой счет.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь можно поехать и поработать. Я привык ра-

ботать, не то что некоторые.

Не знаю, почему он такое сказал, может быть, потому, что нервничал, и непонятно, почему Молли отнесла эти слова к себе. Он-то, конечно, вовсе не имел ее в виду. Однако она поставила чашку и глянула на него с удивлением и обидой.

Тут подъехал управляющий элеватором, и Самюэль с мексиканцами побежали работать. Мы остались втроем, и стало совсем тихо. Я все старался придумать, что же такое сказать, чтобы сгладить неловкость. Гид, ясное дело, думал о том же, но ничего путного не шло в голову. Получилась страшная глупость, мне стало не по себе, и еще через минуту меня бы стошнило.

Точку поставила Молли. Она просто взяла и заплакала. Так я и знал, что этим кончится.

— Не слишком красиво говорить мне такое, Гид, — сказала она.

Она согнулась, опустив голову на колени, и мы видели только сотрясающуюся копну ее волос. Потом она резко выпрямилась и уставилась мне прямо в глаза.

— А ты? Ты не заступишься за меня? — сказала она и опять заплакала.

Я не знал, что сказать. Полный бред. Налил кофе и протянул ей.

— Спасибо, — сказала она.

Она пила кофе, согнувшись, упираясь локтями в колени, а слезы стекали к углу рта и капали в чашку. Гид не выдержал — вытащил и протянул ей носовой платок.

— Не порти хороший кофе, — сказал он.

Молли взяла платок и слабо улыбнулась.

— Ну что мне с собой делать? — сказала она.

— Прости меня, Молли, — сказал Гид. — Я ничего такого не имел в виду.

— Я знаю, — сказала она. — Все моя глупость. Не понимаю, почему некоторые вещи меня так расстраивают. Ты тут ни при чем.

Но как раз он-то был при чем, и сам это знал. В тревожном молчании мы пили кофе.

— Пока плакала, кое-что вспомнила, — сказала Молли. — Не вспоминала об этом много лет. Мы еще были детьми, все еще жили дома, а вместо сахара тогда везде использовали ромовую патоку. Папа поехал в Талию за припасами на зиму.

Она замолчала, глядя сквозь дверь магазина на жаркую, пыльную улицу и дома, сплошь утыканные телевизионными антеннами. Казалось, она видит, словно в телескоп, что-то такое же далекое, как луна. Наверное, она видела те давние дни. Нужно обладать крепкой памятью, чтобы, сидя на мешках с собачьим кормом, вспомнить, как старина Клитус Тейлор катил на телеге в Талию. Могу поспорить, что рядом с ним на сиденье тряся кувшин виски.

— Он вернулся перед самым закатом, — сказала она. — И спереди телеги стояла большая бочка патоки из сорго. Пока они с Шэпом выгружали муку и все остальное, мы, дети, все любовались этой бочкой сиропа. Прежде я не могла даже вообразить, что бывает так много сиропа. В бочке приехали наши сладости на всю зиму. Потом папа и Шэп вернулись и перекантывали бочку к хвосту телеги, чтобы спустить ее на землю. — Тут ее голос задрожал, но она продолжала: — Как оно случилось, я не поняла, но, когда они стали сгружать, кто-то из них ее не удержал, она рухнула на землю и лопнула. На мгновение пато-

ка зависла в воздухе, а потом стала растекаться. Ручеек пополз по склону в сторону курятника. Мы замерли и глядели, не в состоянии шевельнуться. Первым очухался Ричард и засунул в патоку большой палец ноги. Патока текла страшно медленно, и в нее влипали разные жучки и муравьи. Собрать ее было невозможно. Потом мы все заплакали. Больше всех переживала Мери Маргарет. Она прямо-таки зашлась и забегала вокруг дома, задыхаясь, пока ее не выловили и не постукали по спине. Тогда она стала колотиться головой о дверь погреба. Она была настоящим мастером заходиться и колотиться. Даже Шэп заплакал. Один только Ричард сохранил рассудок — он присел на корточки, макал палец в патоку и облизывал. И так все время, пока не стемнело. Я не могла поверить в то, что случилось. Никогда мне не было так больно, как тогда. Потом Ричард поймал жабу, кинул ее в патоку, и она там увязла. Я убежала в дом, спряталась в дровяном ящике и не вылезала оттуда, пока не кончился ужин. Папа и Шэп все спорили, кто виноват. Дело кончилось тем, что Шэп навсегда ушел из дому, а папа проторчал почти всю зиму в погребе, распивая виски.

— Бог мой, — сказал Гид. — Настоящая трагедия.

— Никогда не забуду, как патока текла по склону, — сказала Молли.

— О чем ты хотела нас попросить? — спросил Гид.

— А, старуха Рони сбежала на большое пастбище, — сказала она. — Мне ее никак не поймать.

Рони — ее дойная корова. Настоящая бешеная ведьма.

— Сейчас поедem и поймем, — сказал Гид и встал.

Молли поставила чашку и пошла к своей машине, а мы к пикапу.

— Чур, ты за рулем, — сказал Гид.

— Не беспокойся, — сказал я. — Этот пикап — мое единственное средство передвижения. И я не могу допустить тебя к рулю.

— Неохота гоняться за коровой, — сказал он. — Чего доброго, своих не успеem покормить.

— Нет уж, давай отловим, — сказал я. — Через пару дней ты ляжешь на операцию, и мне тогда что — крутиться одному?

— Нужно Молли выдать замуж, — сказал он. — Трудно ей одной. Я ведь совершенно не собирался ее обижать.

— Иногда она бывает слишком чувствительной, — сказал я.

— Я уже слыхал как-то историю про патоку, — сказал он. — Жуть. Представляю, что чувствовали дети.

Когда мы подъехали к дому Молли, она входила в заднюю дверь, собираясь готовить обед. Я отправился на гумно. Но не успел я подойти, как мне навстречу уже оттуда шел Гид.

— Давай побыстрее отловим старую потаскуху, пообедаем и поедem, — сказал он. — Кого ты хочешь, Честера или Мата?

— Пожалуй, Честера.

— Черт, — сказал он, пытаясь оседлать Мата. — Этого толстого борова седлать — все равно что бочонок с виски.

Но сочувствия он от меня не дождался, потому что я как раз откинулся назад, чтобы набросить седло, а тут Честер взял да и засунул переднюю ногу в подпругу. У меня чуть не сломалась спина, и я уронил седло.

— Я кончил, дорогой, — сказал я. — Больше у меня не встанет.

Гид вдоволь посмеялся.

Но, как бы то ни было, справляться с лошадьми все же проще, чем с коровами. На старуху Рони мы наткнулись быстро. Она стояла прямо у корыта с солью, и Гид развеселился.

— Ты только погляди, — сказал он. — Управимся мигом. А то я уже боялся, что старая карга прячется где-нибудь в кустах.

— Ну, тут бабушка еще надвое сказала. Бывало, что скотина торчала возле самых ворот и все равно ухитрялась сбежать. Помнишь эту парочку — Мика и Засранца?

Это были два шустрых вола, которых Гид держал десяток лет. В одно лето мы только тем и занимались, что гонялись за ними вдоль всего Луковичного ручья, пока наконец не затолкали в загон, где было сено. Но тут Гид потерял бдительность, и Засранец сбил его с ног, свалил корыто с водой, разорвал три проволочных забора и удрал.

— Ну ладно, это же просто старая дойная корова, — сказал он. — Обойди ее с той стороны.

Я начал обходить. Старина Честер скакал с грацией дорожного катка. Сперва Рони вела себя прилично, может быть, она даже нас не заметила. Наверное, подумала, что Честер и Мат оказались тут сами по себе. Обычно Молли погоняла ее, двигаясь пешком, и может быть, Рони прежде вообще не видала людей верхом на лошадях.

Но когда разобралась, что к чему, начались гонки. Пригнув голову и мотая выменем из стороны в сторону, она дала деру. Я оказался ближе к ней, чем Гид, и потому вонзил шпоры: если она скроется в мелколесье, мне не отмыгаться до второго пришествия. Глупый Честер ничего не понимал, но старался изо всех сил. Еле-еле нам удалось преградить корове дорогу в заросли, но тут она повернула на юг, а Гид рванул следом. Смешнейшее было зрелище. Его Мату было все едино — что корова, что луна, и когда нужно было преградить корове путь, чтобы она развернулась, вместо этого он на полном ходу внес Гида в чащу. Его хлестали ветки, а до меня доносилась громкая ругань. Но было не до него, я мчался следом за Рони. Оказалось, что она бежит куда быстрее, чем мой Честер, и я надеялся лишь на то, что она тормознется у южной ограды. Но тут Гид на Мате вылетел из кустов и сел ей на хвост. И, хоть ни шляпы, ни части рубашки на нем уже не было, колючие кусты не погасили его боевого пыла. Он держал наготове лассо. Никто, будучи в здравом уме, не стал бы бросать лассо, сидя на рабочей лошади, но Гид, если ему взбредет в голову, готов заарканить слона со спины пони. Он то и дело нахлестывал бедолагу Мата, и тот, похоже, решил, что наконец-то участвует в бегах. Раскручивая лассо над головой, вопя и гикая, Гид взлетел на небольшой бугорок, пустил лассо и поймал корову. Вот тут-то и настала беда. Любая нормальная лошадь, если у нее есть хоть капля мозгов, останавливается сразу после того, как седок кинул лассо. Но Мат про это никогда ничего не слышал. Гид все сразу понял и натянул поводья — не тут-то было, Мат продолжал гонку. Летя мимо старой коровы, он, быть может, и обратил на нее внимание, но никак не мог предположить, что они с ней как-то связаны. Для него она была лишь частью пейзажа. Рони совсем обалдела. Секунду назад она летела в гордом одиночестве, а теперь вдруг ее тащила веревка, на другом конце которой дергался Мат. Ей пришлось пропахать землю не хуже плуга. Гид остался всего лишь зрителем, болеющим за

корову. Наконец до Мата дошло, что он тянет за собой настоящий якорь. Когда я к ним подъехал, все трое тяжело дышали.

— Ну вот, она и поймана, — сказал я.

Один ее рог сломался, а передняя нога оказалась вывернутой в сторону. Пользы теперь от нее было столько же, как от половой тряпки.

— Почему ничего нельзя сделать как следует? — сказал Гид.

Он не сказал: «Почему я не могу ничего сделать как следует?» А если бы корову заарканил я, он сказал бы: «Что за дурацкие фокусы?»

— Утешает одно, — сказал я. — Больше не нужно ее ловить.

Но Гиду было не до шуток.

— Никто в этом не виноват, — сказал я.

— Да, но сделал это я, — сказал он. — Я дам Молли новую корову.

— Не выйдет, — сказал я. — Молли откажется. Мы же просто соседи, поэтому она попросила нас помочь. А тут несчастный случай, всякое бывает.

— И чаще всего со мной, — сказал он. — Поехали. Пусть корова побудет здесь, пока мы не вернемся.

— А если ее не окажется на месте, мы легко ее выследим, — сказал я. — Где твоя шляпа?

Рука его взлетела к голове, и он еще больше помрачнел. Он еще не успел заметить ее отсутствия. Мы с Честером подождали на холме, пока он искал шляпу.

Молли приняла печальную весть спокойно, как могла. А может, ее это вообще не тронуло, не знаю. Когда мы приехали, на столе уже стояло мясо с бобами и подливой, в большом котле парились кукурузные початки, а по стаканам чая со льдом стекал пот.

— Жаль корову, — сказала Молли. — Но она все равно была вроде дикой волчицы. Мне всегда приходилось ее треножить.

Про новую корову она не хотела и слышать, и даже не разрешила нам пристрелить старушку. Разговаривать не было настроения, мы быстро поели, погрузили наши седла и поехали. Молли провожала нас, стоя на заднем крыльце и завязывая тесемки панамы.

— Все это ужасно, — сказал Гид.

Понятно, нужно время, чтобы он мог успокоиться, поэтому мне лучше было промолчать. Никто не мог уговорить Гида не переживать. Но только стоило чему-нибудь отвлечь его от тягостных мыслей, как он снова становился самим собой. А тут как раз подвернулся один из детей Джемисона Вильямса. Он бежал прямо по середине дороги.

— Бог ты мой, куда же он так несется? — сказал Гид. — Езжай по обочине, он нас не видит. Обойди его.

Но стоило нам догнать мальчика, как он остановился и заплакал. Он стоял на дороге и ревел, попеременно вытаскивая из горячего песка то одну, то другую ногу, чтобы охладить о штанину.

— Нельсон утонул в лошадином корыте, — сказал он. — Только что утонул.

Мы подхватили мальчишку и поехали. Юдифь качалась в качалке на крыльце, рыдая и так крепко прижав к себе утопленника, что, даже если бы с ним был полный порядок, он все равно бы не выжил.

— Он утонул и меня покинул, — причитала она. — О, Святой Петр, помоги

нам.

Гид вырвал у нее ребенка и перевернул его вниз головой, а я побежал на задний двор, завалил пинком дождевую бочку и прикатил. Мальчишку мы положили животом на бочку и стали его выжимать, покачивая бочку. Когда у него изо рта вытекло с полкорыта воды, он ожил, и мы отдали его Юдифи. Она все еще билась в истерике и, наверное, так и не поняла, кто его откачал. Наверное, она решила, что это сделал Святой Петр. Так или иначе, но мы наконец отправились дальше.

— Ну и денек, — сказал Гид.

Когда мы добрались до ранчо, коров кормить было поздно. Пока Гид решал, что же делать, я выгрузил двенадцать мешков корма.

— Я уже ничего не доделаю, — сказал Гид. — Стойла нужно перестраивать. Чертов забор никак не достроим. Зачем это все вообще?

— Я часто об этом думаю, — сказал я.

— Конечно, если не упираться, никогда ничего не добьешься, — сказал он. — Давай посидим немного в тени.

— Некоторые не упираются, а богатеют без всяких стараний, — сказал я. — Например, Перл Твасс. Валялась в кустах с каждым, почитай, встречным, а теперь разъезжает на большущем «Крайслере» и отдает детей в престижные школы.

— Какое же это богатство? — сказал он. — Просто алмаз в собачьей заднице.

— Может быть. Но теперь затащить ее в кусты стоит подороже, чем раньше.

— Мне нужно заняться организацией дел, — сказал он. — Перед больницей. Зачем только я согласился на эту долбаную операцию. Вдруг она меня свяжет по рукам и ногам.

— Я-то понял, что это простая операция почки, — сказал я. — Вроде регулировки клапанов в машине.

— Так-то оно так, но кто ж его знает, — сказал он. — Я, наверное, пессимист.

— Ну, по крайней мере о ранчо не беспокойся, — сказал я. — Я тут тридцать восемь лет. И бездельничать не собираюсь.

— Это-то меня и беспокоит, — сказал он. — Ты так расстарался, что тут теперь ничего толком не работает.

— Нечего скупиться на приличное оборудование, — сказал я.

— Ладно, будь что будет, — сказал он. — Я задам тебе кучу дел, как раз до моего возвращения.

— Я очень рад, — сказал я. — Задавай. По крайней мере, буду знать, чего делать не надо.

Он достал карандаш и занялся подсчетами, а я обстругивал палку. Огромные белые грозовые тучи клубились, как перекасти-поле, южный ветер то и дело вздымал пыль.

— На первое время достаточно, — он протянул мне четыре или пять листов из записной книжки. — Я тут все записал, чтобы ты не забыл. Не потеряй.

Я пробежал листки взглядом.

— Обязательно потеряю, — сказал я. — При мне нет бригады мексиканцев.

— Тут же всего несколько небольших заданий, — сказал он.

— Давай уточним вот что, — сказал я. — Когда Мейбл потащила тебя ка-

таться на пароходе, у меня произошли некоторые недоразумения с ее братцем Вилли. Если он явится сюда и начнет мне указывать, я могу случайно его обидеть.

Вилли был депутатом собрания штата от нашего графства, самым толстозадым политиканом из тех, кого я встречал. На ежегодных бейсбольных играх он раздавал зрителям маленькие усохшие персики. Однажды предложил и мне. «Ты ведь не такой старый, чтобы не ходить на выборы», — сказал он. «Я состарюсь раньше, чем за тебя проголосую», — ответил я. Он заткнулся, словно я полил его квасцами.

— Я тебе раньше об этом не говорил, — сказал я. — Не хотел ставить тебя в неловкое положение.

— Бог мой, мне это нравится, — сказал Гид. — Вилли захотел тобой покомандовать?

— Он хотел, чтобы я уволился, — сказал я. — Они с Мейбл считают, что я на тебя дурно влияю.

— Вот жирный мерзавец, — сказал он. — Ничего удивительного, от него можно ожидать чего угодно.

— Я тоже не удивляюсь, — сказал я. — А ты не удивляйся, если он вдруг заявит к тебе в больницу стучать на меня, что, мол, я обошелся с ним слишком круто.

— Я бы не возражал, если бы ты его утопил, — сказал он. — Пора бы Мейбл прекратить свои интриги, ведь это ее проделки. Похоже, чем старше я становлюсь, тем меньше со мной считаются.

— Не теряй сон из-за Вилли, — сказал я. — Просто хочу тебя предупредить.

— Только не заводись с ним настолько, чтобы пришлось увольняться, — сказал он мрачно, будто планируя собственные похороны.

— Замечательно, — сказал я. — Мы с тобой дружим шестьдесят пять лет. И ты думаешь, будто какой-то толстожопый Вилли сможет взять надо мной верх?

— Да нет, конечно, — сказал он. — Извини.

Мы помолчали.

— Как здорово Молли справляется с возрастом, — ни с того ни с сего сказал вдруг Гид. — Я все еще подумываю бросить Мейбл и перебраться жить к ней. Получил бы несколько лет покоя. Если переживу операцию, так, наверное, и сделаю. Только не говори пока никому.

— Конечно, не скажу, — сказал я, а он очень внимательно поглядел на меня.

— Тебя это сильно расстроило бы? — спросил он. — Ну, если бы я переехал к Молли? Я никогда не думал об этом с твоей точки зрения.

— Я бы не расстроился, — сказал я. — Для вас обоих это было бы здорово. И еще — прекрасный урок для Мейбл с Вилли.

Я, конечно, соврал, и он это понял. Не глядя на него, я продолжал стругать палку.

— Мне кажется, что все же тебе было бы неприятно, — сказал он. — Она же у нас вроде как одна на двоих, правда? Ладно, это всего лишь одна из моих безумных идей. Не уверен, что она сама согласилась бы.

4

Насчет Вилли я как в воду глядел. Примерно через неделю после того, как Гид лег в больницу, я целое утро лечил больных телят. Тут на стоянку въехал огромный автомобиль Гида, а из него вышел Вилли и направился ко мне с таким видом, будто я президент Соединенных Штатов. На ходу он стягивал перчатку, чтобы пожать мне руку.

— Дай пять, Джонни, — сказал он. — Сколько лет, сколько зим.

— У меня руки в мази, — сказал я. — Ничего не случилось, Вилли?

— Да нет, ничего, — сказал он. — Просто, пока Гид в больнице, я живу у Мейбл. Может, тебе нужно помочь? Мне не мешало бы немного размяться, пошевелиться.

— Ну, стоит ли беспокоиться, — сказал я. — Видал толстяков и потолще тебя.

Вообще-то, он был настоящей горой сала.

— Ты только покажи, что делать. Не зря же я вырос на этой сухой земле.

— Не зря? — сказал я. — А я-то всегда думал, что зря, иначе не подался бы в политику. Или просто ты ничего не смог *вырастить*?

Разговаривая с этим Вилли, я не мог ходить вокруг да около, а сразу переходил к оскорблениям.

— Точно говорит Мейбл, — сказал он. — Ты не умеешь ладить с людьми, даже не пытаешься. Видишь, я приехал в такую даль за свой счет, чтобы помочь, а ты начинаешь унижать моих предков.

— Перестань болтать, — сказал я. — Перед тобой нет ни одного избирателя. А катаешься ты за счет Гида. Жаль, что перед больницей он не выбросил ключи от машины и не аннулировал кредитные счета.

— Ну ты, Мак-Клауд, — сказал он. — Нам с сестрой ты изрядно надоел.

— А не пошли бы вы в задницу, — сказал я. — Я на вас досыта нагяделся. Видишь бутылку? Тут мазь от слепней — черная и вонючая дрянь. Если не хочешь, чтоб она оказалась на твоей белой рубашечке, лезь в машину и рви когти.

И я стал приближаться к нему, огибая ясли с бутылкой наизготовку. И бросил бы, если б его пасть еще раз открылась. Но он смолчал. Один из способов, как отделаться от политиков, сработал.

Увы, на следующий день я снова с ним столкнулся. На этот раз обстоятельства мне не благоприятствовали. Я только что вышел из салуна, где играл в домино.

— Похоже, ты сегодня просто надорвался, чтобы принести моей сестре пользу, — сказал он.

— Нет, сегодня я полдня играл в домино, — ответил я. — Но тебя это не касается.

— Меня касается все, что имеет отношение к Мейбл, — сказал он. — Ты ведь работаешь и на нее тоже. И мне кажется, что нам следует кое-что обсудить.

— Мои чеки подписывает Гидеон Фрай, — сказал я. — Потому что я работаю на него.

— Вот поэтому нам и нужно поговорить, — сказал он. — Ты, конечно же, не

видел Гидеона после операции. Если бы ты потрудился его навестить, то догадался бы, что он еще долго не сможет командовать.

— Ну, чтобы командовать, ему не нужно стоять на ногах, — сказал я. — А я хочу навестить его послезавтра.

— Он очень болен, — сказал он. — Врачи сказали, что ему вообще нельзя работать. Что ты думаешь по этому поводу?

— Ничего не думаю, — ответил я. — Тут нет ничего нового. Они постоянно твердили ему что-нибудь в этом роде. Но он не прекратил работать. А если так случится, то ни тебе, ни Мейбл мною не командовать. Можешь собрать все свои распоряжения и засунуть туда, куда обезьяна сует орехи.

На этом беседа номер два закончилась.

Но тревога осталась, и по пути домой я заехал к Молли.

— Я так и знала, что ты сегодня приедешь, — сказала она. — И вообще, нам нужно поговорить.

— Я не разговариваю на пустой желудок, — сказал я.

Она улыбнулась. На ужин у нас были бобы и говядина, приправленная ботвой репы. Еще я съел почти половину сладкого пирога с яйцом и выпил чуть ли не целый кофейник.

— Пора выполоть бурьян вокруг гумна, — сказала она. — Вчера чуть не наступила на змею.

— А сегодня другая змея пыталась наступить на меня, — сказал я. — Политическая змея.

— Небось, Вилли Петерс? — сказала она. — Я вчера была у Гида.

— Я так и думал, — сказал я. — И как он?

Она тоже была встревожена.

— Он еще слегка не в себе, — сказала она. — Я смогла там пробыть всего минут десять.

— Вилли говорит, что ему велено прекратить всякую работу.

— Велено уже лет десять назад, — сказала она. — Они это твердили постоянно. Одна из сестер сказала мне, что у него нашли небольшую застарелую опухоль. Только неизвестно, злокачественная ли она. Кажется, Мейбл была там поблизости, поэтому меня быстро спровадили. А я так не хотела уходить.

— Завтра я к нему съезжу, — сказал я. — Может, удастся с ним поговорить. Пошли, посидим на крыльце.

На крыльце стояли стулья, и мы уселись. Было уже темно. Мы молчали, наслаждаясь южным ветерком. Взошла луна, и по небу катились белые облака. Жаль, что старины Гида не было с нами, ему всегда нравилась вечерняя прохлада. Молли была почти не видна в темноте, я дотянулся до нее и погладил ей руку.

— Куда делась старая качалка? — спросил я. — В самый раз покачаться.

— Боже правый, — сказала она. — Я отдала ее школьникам, они собирали металлолом.

— Я хочу у тебя кое-что спросить, — сказал я. — Из чистого любопытства, конечно. Гид тут как-то сказал мне, что хочет уйти от Мейбл и перебраться к тебе. Вы оба когда-нибудь решитесь на это?

Молли вздохнула и помолчала.

— Мы об этом много говорили, Джонни, — сказала она. — Но так ничего и

не решили. Во-первых, Гид не хочет потерять малышку Сьюзи. А во-вторых, они еще могут отправить его в клинику Майо, кто их знает.

— Могу спорить, что это им не удастся, — сказал я.

— Я бы, конечно, хотела, чтоб он перебрался ко мне, я сумею дать ему хоть немного покоя, — сказала она. — Всю жизнь у него нет покоя. А я бы ухаживала за ним лучше всех.

— Мне просто интересно знать, что ты об этом думаешь.

— Все зависит от того, к кому он больше привязан — ко мне или к малышке Сьюзи, — сказала Молли. — Ты же знаешь, какой он совестливый. Ему всегда нужно было доказывать, что правильно то, а не это, а иначе его с места не сдвинешь. Или его нужно обманывать.

— Обмануть его очень просто, — сказал я. — Я это умею, в час хоть девять раз, а вот убедить в чем-то — никак.

5

В больнице мне повезло: Мейбл и Вилли только что ушли, а Гида в этот день не пичкали успокоительными. Он полусидел на койке, подняв ее спинку так, чтобы глядеть на улицу, и я тут же понял, что он вне опасности.

— Ну что, начинается засуха? — спросил он. Голос его не казался слабым, хоть лицо было блее простыней.

— Слегка, — сказал я.

— Что это значит — слегка? — сказал он, настраиваясь на долгую беседу.

— Просто слегка, — сказал я. — Дождь, конечно, не помешал бы, но бывали засухи и пострашнее. А в тот день, когда ты укладывался в больницу, в районе Реки неплохо поливало.

— Молли говорила, что выпало только на дюйм, — сказал он. — Все, небось, уже сторело.

— Хватит, успокойся, — сказал я. — Уже десять дней, как ты в разобранном виде упрятан в палату с кондиционером. И чего ты мне рассказываешь, как сухо на дворе?

— Глаза у меня есть, — сказал он. — Я вижу отсюда лужайку. Поливают ее каждый день, а она все равно сухая. Ну, а как скот?

— Весь передох от ножной болезни, и еще ураган повалил ветряк, — сказал я. — Ну что, достаточно? Когда ты собираешься домой?

— Через пару дней, — сказал он. — Только никому не говори. Они собираются держать меня здесь недели две, а то и больше.

Гид был настоящим чемпионом по бегу из больниц. Прodelывал он это четыре-пять раз в жизни.

— Замечательно, — сказал я.

— От Вилли я чуть не спятил, — сказал он. — А к тебе он вязался?

— Слегка. Я отпугнул его при помощи мази № 62. Ты думаешь, это правильная тактика?

— Сойдет, пока я здесь, — сказал он.

— Молли говорила, что тебе велено сбавить обороты, — сказал я.

— Еще чего, — сказал он. — Врачам дай только волю, так весь мир перестанет шевелиться и будет только жопу отсиживать. Но скажу тебе по секрету. Я последний раз в больнице. Если у меня начнет болеть так, что жить не захочется, я застрелюсь, как отец. Он правильно смотрел на всю эту лабуду.

— Вообще-то я принес тебе подарок, — сказал я.

Я выбрал для него хорошую, гладкую резную трость и теперь вручил. Я надеялся, что он никому этой тростью не врежет. Однажды я подарил ему бич, после чего врачи и сестры меня чуть с потрохами не съели. Им казалось, что у него и так хватает оружия.

Трость развеселила его до колик.

— Большое спасибо, — сказал он. — Теперь я — настоящий денди.

Тут открылась дверь и возник маленький рыжий врач.

— Ну, как наш больной? — сказал он.

Мы промолчали, а он подошел и стал разглядывать температурные кривые. Я понял, что он прибыл, чтобы меня выгнать.

— Ну что ж, все прекрасно, — сказал он Гиду. — Неплохо бы этому джентльмену уйти, а вы бы немного вздремнули.

Говорил он с некоторой робостью, видно, уже успел схлестнуться с Гидом.

— Это было бы говенно, — сказал Гид, выкладывая трость на простыню.

— Но вы же понимаете, больному нужен покой, — обратился врач ко мне. Лечащим врачом Гида он не был. — Я уверен, джентльмен не против удалиться.

— Откуда вы знаете? — сказал я. — Может быть, я не уберусь ни за какие коврижки.

— Выйди, — сказал Гид врачу. — Мне нужно обсудить кучу дел с этим парнем. А спать я буду, когда захочу, я не собираюсь менять свои привычки.

— В больнице есть правила, — сказал врач. — Если он не уйдет, его придется выставить.

— Прекрасно, — сказал я. — Только позови на помощь всю банду своих телок-сестер.

— Ну, вы, ковбои, — сказал врач. — Вбили себе в голову, что весь мир крутится вокруг вас. Дождетесь.

И ушел в ярости.

— Пора валить отсюда, — сказал Гид. — Нечего тянуть резину.

Я промолчал, а он глянул в окно.

— Подгони свой пикап поближе, — сказал он. — Я по горло сыт этим дерьмом.

Двадцать минут спустя мы с ним уже катили в Талию, и за нами гнались все кому не лень, кроме разве что ЦРУ. Врачи и сестры устроили настоящий Судный день. Но Гид на них не обращал внимания. Больнице в Уичито не сравниться с той, в Галстоуне. Оттуда он удрал, арендовав аэроплан, и самостоятельно прилетел домой. Иногда очень удобно быть богатым.

— Вот ты теперь возьмешь да и помрешь, — сказал я. — А виноватым окажусь я, а не врачи.

— Нет, я в порядке, — сказал он. — Просто еще какое-то время надо беречь бок.

— Тебя домой отвезти?

— Пожалуй.

Когда мы проехали еще пятнадцать миль, он немного прокис.

— Нет, Бога ради, отвези меня к Молли, — сказал он. — Дома меня просто вырубят и отволокут обратно в больницу. Врач будет меня навещать и у Молли, а вы с ней поможете мне отбиваться от водителей «скорой помощи».

— О'кей, — сказал я. — Как только окрепнешь, чтобы самому о себе заботиться, я отвезу тебя домой.

— Слушай, вдруг я не выздоровею? — сказал он. — Это сильно удивит Молли?

А я понял, что вопрос решен окончательно, разве что он умрет прежде, чем я довезу его до Молли. Похоже, он проживет у нее до конца дней своих. А что остается делать мне, если так оно и случится, я не знал.

6

Побег Гида развеселил нас всех. Сигналя что было мочи, я взлетел на холм возле дома Молли, и, наверное, она решила, что началась война. Тряска по сельским дорогам так измучила Гида, что, скорее всего, он уже жалел, что не остался в больнице. Но тут Молли выбежала нам навстречу, мы отвели Гида в дом и уложили его в большой спальне с южной стороны, где его обвевало свежим ветром, и скоро он снова ожил. Молли спросила, чего бы ему хотелось, и он сказал, что хочет помидоров. Она притащила из огорода целый таз, и он ел помидоры и запивал их кофе до тех пор, пока к нему не вернулась бодрость духа. Ближе к вечеру объявился его лечащий врач и попытался забрать его с собой в больницу, но Гид не дался. Теперь врачу придется приезжать сюда каждый день.

Побег из больницы пошел Гиду на пользу. Иногда он еще бывал вялым, но, вообще-то, стал быстро поправляться. Молли ухаживала за ним, хорошо кормила и заставляла много спать, а для Мейбл с Вилли он оказался недоступен. Никто его не расстраивал.

С Вилли мне пришлось сцепиться в очередной раз. Я пил «Делаварский пунш» на заправочной станции, и все парни смеялись до коллик, услышав историю про Гида. Потом, когда я оттуда ушел, на улице увидел Вилли. Он махал рукой, чтобы я остановился.

— Нечего мне махать, Вилли, — сказал я. — Я тебе не автомобиль какой-нибудь.

— Ты отдаешь себе отчет, какую гнусность ты сотворил? — сказал он. — Ты спрятал Гида от всех.

— От кого это от всех? — сказал я. — Сегодня утром у него был врач и сказал, что он быстро идет на поправку.

— Ты спрятал его от любящих людей, — сказал он. — Ну, и когда он возвращается?

— Наверное, когда сам захочет, — сказал я. — Вчера он сказал, что на следующей неделе снова возьмет за ограду. Это тебя успокаивает?

— Нет. Ты ведь знаешь, что ему нельзя работать.

— Я-то знаю, — сказал я. — Только как мне его остановить? Может, ты сумеешь?

— В общем, я тебя просто предупреждаю, — сказал он. — Не ссорься с законом. У меня найдутся приятели-судьи.

— Они тебе наверняка понадобятся, — сказал я, и он удалился.

Слушая эту историю, Молли и Гид веселились. Гид, сидя в постели, ел мороженое.

— Как бы его вытурить из нашей округи, — сказал я. — Сплошные неприят-

ности с этой демократией. Столько возни с выборами, а в результате народ оказывается таким глупым, что снова и снова запускает в офисы мерзавцев и бездельников.

— Мне такие разговоры не нравятся, — сказала Молли, помешанная на демократии.

Гид протянул ей вазочку из-под мороженого.

— Угу, — сказал он. — Все это очень мило. Но мне пора подниматься и браться за дела.

Молли поморщилась, но он не заметил. Он уже составлял планы. Понятно, в постели он долго не задержится.

Но Молли творила чудеса. Она с ним спорила и воевала, играла в домино и кормила мороженым, и ей удалось удержать его в койке еще неделю. Она так старалась, что чуть не слегла сама.

Не знаю, что они там решили насчет его дальнейшей жизни. Молли, ясное дело, хотела, чтобы он остался с ней, и, наверное, они об этом разговаривали без меня, но дела на ранчо обычно занимали целый день, и я только к ужину выбирался проведать больного. По ночам становилось прохладнее, мы сидели на крыльце и разговаривали.

Однажды утром все кончилось само собой. Я помогал Молли устроить ловушку для сов в курятнике. Мы возились уже битый час, когда вдруг подняли головы и увидели, что Гид, полностью одетый, выходит из задней двери с чемоданом в руке. Молли была потрясена, она надеялась, что он останется навсегда.

— Куда это он? — сказала она. — Никуда ему не надо ехать.

Я чуть не провалился сквозь землю. Она вцепилась мне в руку.

— Слушай, — сказала она. — Если я не смогу уговорить его остаться, обещаю проследить, чтобы он не напрягался на работе. Обещаешь?

— Конечно.

Гид уложил свое барахло в пикап и подошел к нам, гордый, как филин.

— Совы мешают жить? — сказал он. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Можешь, можешь, — налетела на него Молли. — Убирайся с солнцепека, ложись в постель и не вылезай. Вот этим ты бы мне сильно помог.

Но тот стоял как скала.

— Нет, — сказал он. — Мне нужно вернуться к делам.

Я возился с ловушкой, Молли вся дрожала и, насколько я понимаю, была готова заплакать. Но Гид преисполнился решимости.

— Не думай, что я не благодарен тебе, — сказал он. — Но меня ждут дела, Молли.

Я поймал какой-то ее странный взгляд. Она разрывалась на части от боли. Было удивительно, что в ее возрасте она испытывает такие сильные чувства. Я таких чувств никогда не испытывал, ни в каком возрасте.

— Милый, ну хорошо, поработай, — сказала она. — Но зачем же тебе переезжать, ты ведь можешь возвращаться сюда после работы.

«Милым» она никогда не называла его при людях, никогда, сколько я ее знаю. Меня бросило в дрожь, и непонятно, как Гид устоял на ногах.

— Да нет, Молли, так нужно, — сказал он. — По крайней мере, пока. Мало сбежать из больницы, чтобы решить сложные дела.

Она заплакала, и никто из нас не посмел до нее дотронуться.

— Тебе всегда всего мало, — сказала она.

Он ответил, что, возможно, не всегда.

— И огромное спасибо за твою заботу.

Наверное, она сочла, что Гид уходит от нее в последний раз.

— Не за что, Гид, — сказала она. — Да хранит тебя Господь.

Она повернулась и, всхлипывая, пошла в дом.

— Если ехать, так поехали, — сказал я.

Гид тоже был здорово расстроен. По пути в город мы все больше молчали.

— Нужно было бы лучше придумать, как уйти, — сказал он. — Ненавижу огорчать Молли.

— Знаешь что, — сказал я. — Тебе нужно было остаться, ты ведь сам этого хочешь. Если ты намерен себя хоть немного побаловать, то сейчас самое для этого время. Извини, но мне так кажется.

— Да, я хочу, — сказал он. — Возможно, так и будет. Но нельзя же просто так сорваться, подчиняясь минутному импульсу. Еще нужно отдать кучу всяких распоряжений. Бывают правильные и неправильные пути.

— А ты единственный человек на свете, который в этом разбирается, — сказал я. — Или единственный, кого это заботит.

7

Наверное, через пару недель я поинтересовался, навещает ли он Молли, и он сказал: да. Мейбл вместе с Сарой и Сьюзи уехали отдыхать в Колорадо, и Гид был предоставлен сам себе. Надо думать, у Молли он бывал часто. Я так и не спросил его, что они там решили насчет совместной жизни, а сам он ничего не сказал. Ясное дело, пока Мейбл не вернется, он не мог позволить себе что-нибудь предпринять, иначе чувствовал бы себя жуликом. Говорил он об этом нехотя, и я его понимал. Мы почти не касались этой темы.

Однажды утром он явился в смурном настроении — вбил себе в голову, что именно сегодня нужно заняться ремонтом ветряка на старой их усадьбе, где я теперь жил. Мне ветряк годами служил без особых подлостей, только изредка выходил из строя шток насоса. В этот день человек из города должен был привезти новый набор труб, новый резервуар, ну, словом, все. Пахло адской работой, и я пытался его отговорить.

— Гид, ты только подумай, — сказал я. — Сегодня первое сентября. Через месяц будет прохладно, и мы все легко сделаем.

— Ну, да, сейчас жарковато, — сказал он. — Ноу нас как раз есть время, и мы починим ветряк. А через месяц у нас будут другие дела.

Поджидая человека с новыми железками, мы сидели в тени водокачки и травили подходящие к случаю разные древние байки о ветряках и мельницах. Я боялся ветряков пуще гремучих змей, потому что у меня был дядя, который погиб от ветряка. Я рассказал об этом Гиду.

— Вышка была стальной, — сказал я. — И когда он на нее залез, ударила молния. Он погиб от удара электричеством.

— Да, это опасные штуковины, — сказал Гид. — А на деревянных мельницах часто ломаются перила, можно запросто сверзиться. Помнишь Кларенса Фирсона? Вот так он свалился и сломал себе шею.

— Помню, — сказал я. — Ходил годами с шинами на шее. Повезло парню.

Вскоре приехал механик с трубами, и началась тяжелая работа. Лишь только мы подтащили новую трубу к вышке, как Гид уже раскалился, точно ствол пулемета, да и я не загибался от мороза.

— Не стоило бы с этим возиться, — сказал я. — Как бы тебе не потянуть шов, волохая это железо. Я сам еле-еле выдерживаю.

— Где ты хочешь быть — на земле или на вышке? — спросил он.

— Пытаюсь угадать, что лучше для тебя. На вышке у тебя закружится голова и ты сверзишься, а если останешься внизу, тебе достанется самая тяжелая работа.

— Не волнуйся за меня, — сказал он. — Я еще не развалился, и вообще — имел дело с мельницами и ветряками всю жизнь. Так что ты остаешься внизу.

Он полез наверх и принялся отворачивать то и выколачивать се, и вскоре отступить стало некуда, потому что мы все раскурочили. Потом мы стали разбирать старую трубу, вытаскивая ее по кускам.

К полудню мы оба выдохлись. Я пошел в дом, поджарил нам немного мяса и приготовил чай. Мы пообедали и выпили по галлону чая со льдом. Гид рухнул на диван в гостиной, а я с подушкой устроился на полу. До двух часов дня мы не могли пошевелиться.

— Боже правый, — сказал я, когда наконец удалось сесть. — Как представляю, что нужно снова идти туда, просто с души воротит.

— Да, трубы горячие, — сказал он. — Тяжелые и горячие.

— Никак не возьму в толк, — сказал я. — У тебя куча денег, а ты сам лично воюешь с этим долбаным ветряком. Зачем, Гид?

— Иногда сам себе удивляюсь, — сказал он.

Мы вернулись к работе. От жары солнце на небе превратилось в размазанное бледное пятно, а на новых трубах можно было жарить яичницу. Лучше бы, даже в перчатках, держаться от них подальше, а нам нужно было нарезать резьбу для трех или четырех соединений. Это заняло полдня. Потом Гид заполз наверх, мы подняли трубу и, шаг за шагом, опустили ее в колодец. Один раз вся хренотень выскользнула у Гида из рук и чуть-чуть не рухнула вниз, но мне удалось притормозить ее гаечным ключом, пока Гид снова в нее не вцепился. Наконец труба встала на место, и Гид спустился вниз передохнуть. Мы пропотели насквозь.

— Ну что, почти готово, — сказал я. — Через час станет прохладней. Мы молодцы.

— Похоже, — сказал Гид, вытирая лицо. — Знаешь, что хорошо? Когда мы окончательно наладим эту хреновину, лет двадцать пять нам с тобой можно будет к ней не прикасаться. Она должна протянуть не меньше двадцати пяти лет.

— Может, и мы столько протянем, — сказал я. — И тогда нам придется ремонтировать ее снова. Мы замечательные специалисты по ветрякам и прочим дурацким мельницам.

— Ну да, по этим делам у нас большой опыт.

— Да ладно, — сказал я. — Черт с ним, с опытом. Дело не в том, чтобы уметь, а в том, чтобы суметь. Пару недель назад ты ел суп, лежа на спине.

— Вот именно. То, что я разлеживался, меня чуть не сгубило.

Мы вставили шток, но он оказался примерно на фут коротковат. Пошли на

гумно и нашли другой. Дневная жара закончилась, от гумна уже падала длинная тень. Гид полез наверх, вставил шток и спустился.

— Запускай, — сказал он. — Я хочу посмотреть, как течет вода.

Я отпустил тормоз, и легкий южный ветерок закрутил ветряк. Вскоре из крана полилась застоялая ржавая вода. Мы ждали, когда струя станет чистой. До заката оставался еще целый час, а мы уже были всего-навсего парой усталых ковбоев. Сидя на корточках, Гид уставился на струю, а я прислонился к столбу, выпростав из штанов рубашку, чтобы хоть немного охладить пузо. Наконец вода стала прозрачной. Гид прилип к крану и долго пил, потом отдышался и стал пить еще.

— Осторожнее, — сказал я. — Не лопни. Вода тяжелая и холодная.

— Замечательная вода, — сказал он, оторвавшись от крана. — Я помню, как мы с отцом копали этот колодец. Хороший колодец.

И тут мы услышали за спиной плеск воды. Оглянулись, и оказалось, что наверху вода выливается из трубы, которая вела в бак. Мы забыли ее присоединить.

— Я сделаю, — сказал я. — Это одна секунда.

— Нет, иди попей, — сказал он. — Я все равно оставил наверху клещи.

— Ты прямо верхолаз какой-то, — сказал я и стал пить.

Я успел сделать три добрых глотка, когда услышал его крик: он ударился о землю. Поскользнулся или не удержался, но, во всяком случае, падал с небольшой высоты — он не мог успеть подняться по лестнице больше чем на три-четыре фута и вряд ли ударился сильно. Он стал вставать, ухватившись за перекладину. И вдруг замер, а я подумал, не сломал ли он ногу.

— погоди, Гид, — сказал я и подскочил к нему.

Перевернул так, чтобы он мог опереться на локоть. Было незаметно, что ему больно или он испытывает шок, но меня он почему-то не узнал.

— Надо же, ребята, он опять меня сбросил, — сказал он. — Но я все равно его объезжу.

Волосы у меня встали дыбом, но по-настоящему я еще не встревожился, потому что решил, что он просто на мгновение потерял сознание. Такое с ним уже случалось. Он пытался подняться, но я его не пускал.

— Дайте мне встать, парни, — сказал он. — У меня ничего не болит.

— Хорошо, хорошо, Гид, — сказал я. — Просто полежи и отдышись.

Он узнал меня.

— Джонни, эта гадина меня сбросила, — сказал он.

И перестал сопротивляться, лежал спокойно и казался совсем слабым. Это напугало меня больше всего.

— Слушай, — сказал я. — Как ты думаешь, где ты сейчас? Ты свалился с лестницы, с высоты пары перекладин. А говоришь о каких-то давних делах.

Я-то знал, о чем он говорил. В нашей молодости была лошадь по кличке Старая Миссури, и все пытались ее объездить. Бог ведает, зачем только отец ее держал. Однажды она сбросила Гида шесть раз подряд, а меня — всего один, да и то — только потому, что вторую попытку я решил не предпринимать. Но такой лошади, которую бы не укротил Гид, не было на свете, и, в конце концов, он смог на ней усидеть.

— Я падал и похуже, — сказал он.

Я не стал его тормошить, решив, что вскоре он и сам очухается. Но он вы-

глядел слабее рыбы на берегу, и я понял, что им нужно заняться. Дотащить его до машины оказалось настоящей мукой. Я уложил его на заднее сиденье, вернулся и затормозил ветряк. Врач Гида жил в Уичито, но я поехал в Талию, она ближе. Вначале я ехал осторожно, стараясь избегать тряски, но потом плюнул и поддал газу.

Выехав на шоссе, я притормозил, а Гид открыл глаза и посмотрел на меня совершенно осмысленным взглядом.

— Ты как думаешь, что сейчас делает Молли? — сказал он. — Похоже, я поскользнулся.

И снова отключился. Я тронул машину.

— Кажется, поезд? — сказал он. — Я слышу. Едем в Панхендл, мне здесь надоело. Едем вместе.

А потом он очухался окончательно.

— Чертов ветряк, — сказал он. — Ты выключил?

— Последнее, что я сделал, — сказал я.

— Подсоединить ту трубу ничего не стоит, — сказал он. — Бок у меня болит, зараза. Жаль, что я не пришел в себя пораньше, ты бы отвез меня к Молли, я не так болен, зачем мне в город. Может, на этот раз у меня хватило бы ума остаться. Мое место там. А может, ты просто повернешь назад? Я хочу с ней увидеться.

— Лучше сперва увидеться с врачом, — сказал я. — К ней я отвезу тебя попозже или завтра утром.

Потом, наверное, он глядел в окно, потому что говорил то же, что и всегда, когда смотрел летом на поля:

— Такая сушь, хорошо бы пошел дождь. Трава почти вся засохла.

Я ничего не ответил, но вздохнул с облегчением: похоже, он пришел в себя. Я обгонял трактор, тащивший прицеп с сеном.

— Бог мой, Джонни, — сказал он, — ну и времечко было, правда?

— Правда, Гид, — сказал я.

Солнце уже опустилось и било прямо в глаза, все мое внимание было приковано только к дороге. Мне казалось, что он сказал что-то еще — мне, Молли, кому-то другому, а потом замолчал, и я решил, что он задремал. Но когда остановился на красный свет перед зданием суда в Талии, я оглянулся и понял, что Гидеон Фрай умер.

8

В больнице сказали, что случилось это всего десять-пятнадцать минут назад. Наверное, для него эти минуты были все равно что десять лет. Умер Ой из-за тромба, сказали они. Потом кое-кто ругал меня за то, что я тряс Гида по раздолбаным дорогам. Но я не думаю, что можно было что-нибудь сделать иначе. Разве мог я оставить его лежать одного рядом с ветряком и мчаться за врачом — двадцать пять миль в один конец, столько же — обратно? Врачи сказали: внутреннее кровоизлияние случилось оттого, что он ударился, падая.

Труднее всего было уехать, оставив Гида одного в больнице. Его повезли куда-то на каталке, и я спросил врача, что мне нужно делать, он ответил: «Ничего». Я позвонил Баку, зятю Гида, и он мне объяснил, в какое похоронное бюро отправить Гида. Я спросил его, не знает ли он, как разыскать Мейбл, и он дал мне номер ее гостиничного телефона в Колорадо-Спрингс.

— Мейбл, у меня плохие новости, — сказал я, когда меня соединили с ней.

— Что с ним? — спросила она.

— Он упал с ветряка, — сказал я. — Он не повредил ничего, но от удара образовался тромб. Он умер от тромба, Мейбл. Он умер примерно час назад.

— Господи, помилуй, — сказала она. — Это точно? Что же мне теперь делать?

Она бросила трубку. Говорят, с ней случилась истерика.

И тут все нити управления выпали из моих рук. Мне больше незачем было оставаться здесь. Но уйти было трудно, казалось, что я не должен оставлять его одного. Я начал думать, что же он хотел, чтобы я сделал на ранчо в ближайшие два-три дня. Потом понял, что все равно нужно уходить, делать мне здесь больше нечего. Медики не обращали на меня никакого внимания, а запах больницы был отвратителен.

Я поехал к Молли. Уже совсем стемнело. Она вышла во двор меня встретить, и я ей все сказал, и она заплакала прямо у ворот. Весть ее подкосила. Потом мы съездили на ранчо, и она повела машину Гида в город, а я ехал позади в пикапе. Машину мы оставили у Бака. Когда мы вернулись обратно к Молли домой, она уже почти не плакала.

— Что ж, пошли варить кофе, — сказала она. — Ты ведь останешься со мной на ночь, правда?

— Да, — сказал я.

В эту печальную ночь мы не сказали друг другу и пятнадцати слов и выпили очень много кофе.

— Знаешь, той ночью, когда пришла весть о Джимми, мы с Гидом играли в домино, — сказала она.

— Хочешь сыграть? — спросил я.

— О, Господи, нет, конечно, — сказала она. — Нет, лучше не надо.

Впервые за три или четыре года я опять ночевал у Молли. Она сходила в ванную и надела белую ночную рубашку, а я лег в постель. Мы пролежали на спине без сна часа полтора, я держал ее за руку. Молли изредка всхлипывала.

— Вот был парень, — сказал я. — Такого поискать. Помнишь, он подарил мне седло? Самое дорогое седло из тех, что делали в Талии. И в тот самый день, когда он мне его подарил, мы с ним подрались, крепко подрались. Из-за

тебя, похоже.

Наверное, Молли было хуже, чем мне. Мы лежали в том самом доме, в той самой спальне, где они провели вместе столько времени. Даже невозможно себе представить, о чем она сейчас вспоминала. Наверное, для нее он заполнял собой весь дом.

— Гид был мой любимчик, — сказала она.

Потом я заснул, а удалось ли ей — не знаю.

Утром случилось невероятное. Ночью во сне я перевернулся, положил руку Молли на живот и уткнулся лицом в ее волосы. Когда я проснулся и открыл глаза, она глядела прямо на меня. Под глазами — черные круги, но на лице светится еле заметная улыбка. Непонятно, в чем дело, но потом гляжу на самого себя. Ого! В моем возрасте, да еще в такое утро. То-то она так на меня глядит. Смущаюсь.

— Надо же, — говорю, а что тут еще скажешь.

Но она улыбается и жмет мою руку.

— Первый раз в жизни я вижу, как ты смущаешься, — говорит она. — Шестьдесят два года этого ждала.

— Да не из-за этого я, — говорю. — Не впервой, стоит только на тебя глянуть. Ты до сих пор очень красивая. Я из-за Гида смущаюсь.

— Не нужно, — говорит она. — Это природа, а она не знает, что такое уважение. Даже если нам будет по сто лет, не смей смущаться.

Потом ее улыбка становится грустной, и на мгновение она превращается в двадцатилетнюю.

— И нельзя тратить все это попусту, — говорит она.

— Ты необыкновенная женщина, Молли. Но тратить-то нечего, — говорю. — Раз старина Гид этого не может, то и я не буду. Как тебе такая мысль?

— Дурость вроде этой сказал бы и он, — отвечает она. — Только, слава Богу, ты не будешь за нее так упорно, как он, держаться.

Она подкатилась ко мне, обняла и целый час проплакала. Пришлось встать, чтобы найти салфетки.

9

Когда я приехал к Молли через неделю после похорон, она была в огороде и не слышала машины. Я постоял у ворот, глядя на нее. Она ползала на коленях, вытаскивая луковицы и складывая их в передник.

— По-моему, ты глохнешь, — сказал я, подходя к ней. — Любой подкрадет к тебе незаметно.

Она радостно улыбнулась.

— Подержи-ка лук, — сказала она.

— Пошли на кухню, — сказал я. — Там попрохладней и можно чего-нибудь съесть.

Но она повела меня на крыльцо.

— Поешь здесь, — сказала она. — Но видишь ли, есть только холодный картофельный пирог, а ты его не любишь. Я тебя сегодня не ждала.

— Вообще-то я люблю пироги, — сказал я. — Причем, заметь, двух сортов — горячие и холодные. Так что тащи.

Мы поели пирога, и она принесла кофе.

— Ну вот, я собрался, — сказал я. — Завтра, наверное, перееду.

Меня, конечно же, уволили, и я возвращался в наш старый семейный дом за три мили отсюда.

— Так уж им не терпится, — сказала она.

— Да нет, они не торопят, — сказал я. — Просто барахла немного, так что тянуть нечего.

Мы поговорили о Гиде, о его завещании, о разном другом. Гид завещал мне старый пикап и тысячу акров земли — ему хотелось, чтобы я хоть немного разбогател. Получилось, что я хорошо устроился в старости — от отца у меня оставалась тоже пара кусков земли. Мейбл и Вилли очень переживали по поводу этой тысячи акров, им казалось, что мне хватит и старого пикапа. Молли он оставил только старые карманные часы своего отца. Наверное, догадывался: завещай он ей что-нибудь посерьезнее, Мейбл все равно отсудит. И Молли была довольна.

Взошла молодая луна размером с баскетбольный мяч, и разговор иссяк. Лицо Молли казалось усталым, да и я тоже устал. Она отнесла в дом тарелку из-под пирога и вернулась. Мы пошли к пикапу. Луна светила так ярко, что было хорошо видно кур, рассеявшихся на крыше курятника.

Я думал о важном, но никак не мог начать разговор. Мне казалось, что я должен предложить Молли, ради нашего прошлого, выйти за меня замуж. Но не знал, хочет ли этого она, и даже — хочу ли я сам, ведь нам и так жилось неплохо. Наконец я собрался с духом и обнял ее за талию.

— Ну, а как ты думаешь — может, нам с тобой пожениться? — сказал я.

— Думаю, мы с тобой из разной глины, милый, — сказала она. — Но все равно — я тебе благодарна, спасибо, что предложил.

Я почувствовал облегчение, грустное облегчение.

— Я немного припозднился со сватовством, — сказал я. — Нужно было это делать лет сорок назад.

— Мы хорошо прожили эти годы, — сказала она. — Остальное не так важно, пусть хоть весь мир думает иначе.

— Ты скучаешь по Гиду? — спросил я. — Никогда не думал, что буду так

скучать по этому упрямцу.

— Да, — сказала она.

— Молли, только из любопытства, — сказал я, — если бы он был жив, вы бы съехались?

Она вытащила из кармана моих штанов носовой платок и понюхала, чтобы проверить, чистый ли он. Оставила, чтобы постирать.

— Да, мы так решили, — сказала она. — Но решали мы это раз тридцать. Похоже, еще пара лет, и мне удалось бы так усыпить его совесть и укрепить волю, чтобы он остался.

Мы помолчали.

— Знаешь, ты его беспокоил не меньше, чем Мейбл, — сказала она. — Он все твердил, что съезжаться нечестно по отношению к тебе.

Она долго смотрела на меня.

— Меня это доставало, — сказала она. — Тошнило оттого, что он нервничал, когда ты был рядом. Наверное, ты замечал.

— Нет, — сказал я. — Но я верю.

— Джонни, когда речь шла о нем, мне было наплевать на приличия и порядочность.

— Я тебя не виню, — сказал я.

Когда я сел в пикап, она нагнулась и поцеловала меня в щеку.

— Раз стало попрохладнее, возьму тебя на бейсбол, — сказал я.

— Отлично, — сказала она. — С тех пор как Джо перестал играть, была на бейсболе не больше шести раз.

Я потихоньку поехал, но она все держала меня за руку.

— Завтра ужин будет получше, — сказала она. — Хоть мы и не собираемся пожениться, это не значит, что тебе позволено не приезжать ко мне. Приезжай каждый вечер, каждую ночь и вообще всегда, когда ты сможешь меня вытерпеть.

Ехал я не торопясь. Дома поставил пикап в гараж и запер дверь. Достал из ледника «Делаварский пунш» и вышел на затянутое сеткой заднее крыльцо. У Молли на меня было напал сон, но пока ехал, снова проснулся.

Ночь тихая и прохладная. Ставлю бутылку пунша на пол и выхожу во двор отлить. Еле слышно стрекочут сверчки, да вдали, возле Дейла, работает нефтяная качалка. Бреду по усадьбе, поглядывая на белую луну, плывущую над землями Гида. Странно, что, пока он не умер, я не знал, как крепко к нему привязан.

— Старый ты сукин сын, — говорю я. — Ты никогда никого не слушаешь. Я же хотел лезть наверх. Но нет, сэр, вам охота все всегда делать самому.

— Ты бы не справился, — говорит он. — Ты никогда не умел обращаться с трубами.

— Ну и что с того, — говорю. — Это не ковбойское дело.

— Ладно, не ковбойское. А удача? Кто из нас разбогател и кто всю жизнь проищачил по найму?

— О'кей, ты скопил кое-что, — говорю я. — Ну и что в этом хорошего? Ты же всю жизнь вкалывал, как каторжник. И у кого же из нас жизнь удалась?

— Простой вопрос, — сказал он. — Ни у кого. Потому что ни ты, ни я на ней не женился.

Разговариваю сам с собой. Гид отправился в Великое Не Знаю Что. Оглядываю дом, оглядываю гумно. Как ни верти, а что коту игрушки, то мышке слезки. Но Гид всегда был упрямым. Вспоминаю давний день выборов, когда я задал ему жару. Мы с Молли дежурили в первую смену. Она тогда еще была нераскрывшимся бутонем. Платье надела голубое в белый горошек, а на голове никогда ничего не носила. За две недели до того у нас была с ней первая ночь. В утро выборов мы целый час были одни, целовались, гуляли, развлекались вовсю, я носил ей воду в шляпе, чтобы она пила. Потом приехал Гид и уговорил ее остаться, когда я уеду. Его помощником был Айки, и от него нужно было отделаться, но не помню, как он это сделал. Я завелся: ишь, гусь, решил, что целых два часа Молли будет принадлежать ему одному. Я уехал чуть раньше Айки и стал кружить, поджидая его. Он трюхал на старом искалеченном муле. «Как тебе не стыдно, Айки, — сказал я. — Ты живешь в свободной стране, где правительство разрешает тебе голосовать. А как только правительство доверяет тебе небольшое дело, ты смываешься, потому что тебе кто-то что-то поручил. У тебя могут быть неприятности. Так что разворачивай своего мула и возвращайся». Я выломал огромную ветку мескита и протянул ему. «Может, она поторопит твоего мула», — сказал я. А он, небось, решил, что я сейчас буду его охаживать этой веткой. «Да, масса Джонни, — сказал он. — Я сейчас возвратился. Я не хочет уехать раньше». И бедняге Гиду досталось всего минут двадцать. Пожалуй, я вел себя гнусно, но ведь вкусным никто не наедается вдоволь. Гид поступил бы точно так же. Теперь я жалею только о двух вещах. О том, что не мог увидеть лицо Гида в тот момент, когда он услышал копыта этого хромого мула. И о том, что в то утро не захватил фотоаппарат, чтобы снять Молли, сидящую на ступеньках школы в голубом платье в белый горошек.

Перевод с английского
Нийоле Адоменайте и Дмитрия Долинина

Примечания

1

Ларри Мак-Мертри (р. в 1936 г.) — один из самых популярных писателей в США, на его счету — свыше двадцати бестселлеров. Лауреат Пулитцеровской премии. По большинству его романов поставлены кинофильмы или телесериалы. В их числе — такие знаменитые фильмы, как «Последний киносеанс» и «Слова нежности» (премия «Оскар»), «Худ», «Любить Молли» и телесериал «Улицы Ларедо», прошедший и на наших телеэкранах. Ларри Мак-Мертри переведен на десятки языков мира, но на русском языке печатается впервые.

Перевод осуществлен по изданию: Larry McMurtry, «Leaving Cheyenne». Penguin Books Ltd., 1979.

© Ларри Мак-Мертри, 1963

© Нийоле Адоменайте, Дмитрий Долинин (перевод), 2000

[^^^]

2

Перевод С. Маршака.

[^^^]

3

Сорт американского лимонада.

[^^^]

4

По шкале Фаренгейта (примерно 43° по Цельсию).

[^^^]